

И. Н. Рассоха

*Исследования по ностратической
проблеме*

**Южно-Украинский центр неолитической
революции**

* * *

**Методика выявления древнейшего родства
языков путем сравнения их базовой лексики с
ностратической и сино-кавказской
реконструкциями**

Харьков

ХНАМГ

2010

Рецензенты:

Ю. В. Павленко – профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», доктор философских наук

А. А. Тортика — доцент Харьковской государственной академии культуры, доктор исторических наук

В. В. Колода – доцент Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, кандидат исторических наук

УДК 63.3(0)

Рассоха И. Н. Исследования по ностратической проблеме: Южно-Украинский центр неолитической революции. Методика выявления древнейшего родства языков путем сравнения их базовой лексики с ностратической и сино-кавказской реконструкциями: Монография. – Харьков: ХНАМГ, 2010. – 400 с.

ISBN

*Рекомендовано к печати Ученым советом Харьковской национальной академии городского хозяйства
(Протокол №7 от 26.3.2010)*

В книге обосновано самостоятельное зарождение производящего хозяйства на юге Украины в эпоху мезолита и расположение здесь центра происхождения ностратических народов. Новый метод выявления отдаленного родства языков позволил по-новому понять древнейшую историю человечества. Для лингвистов, археологов и культурологов.

ISBN

© Рассоха И. Н., 2010

Оглавление

Предисловие.....с. 5

Южно-Украинский центр неолитической революции

1. Юг Украины — один из мировых центров возникновения скотоводства.....с. 7	7
2. Вопрос о возникновении земледелия на юге Украины....с. 19	19
3. Дикие предки культурных растений на Юге Украины...с. 28	28
4. "Демографический взрыв" на Юге Украины в эпоху "неолитической революции"с. 54	54
5. Общие выводы и предложения.....с. 64	64
Литература.....с. 68	68
Аннотация.....с. 79	79
Summary.....с. 80	80

Выявление дальнего родства языков методом сравнения 100-понятийных списков их базовой лексики с соответствующими по значению списками слов ностратической и сино-кавказской реконструкций

1. Обоснование и описание метода.....с. 81	81
2. «Калибровка» метода и ответы на критику.....с. 95	95
3. Проблема синонимов в 100-словных списках.....с. 110	110
4. Полученные результаты.....с. 121	121
5. Анализ результатов: выводы и предположения.....с. 136	136
6. Заключение. Реконструкция праязыков и поиски прародин.....с. 152	152

Литература.....	с. 162
Приложение I. Полный анализ фонетически схожих слов всех исследованных в данной работе языков, выявленных путем сравнения 100-понятийных списков их базовой лексики с соответствующими по значению списками слов ностратической и сино-кавказской реконструкций.....	с. 182
Приложение II. Рабочая таблица для сравнения 100-понятийных списков реальных языков с ностратической и сино-кавказской реконструкциями.....	с. 250
Приложение III. 100-понятийные списки остальных 80 языков, использованные в данной работе.....	с. 275
Аннотация.....	с. 396
Summary.....	с. 398

Предисловие

Перед Вами – продолжение моей монографии "Украинская прародина индоевропейцев", вышедшей в 2007 году. Второе, дополненное ее издание вышло в 2009 году в Москве под названием "Прародина русов". В той книге прародина всех индоевропейских народов была отождествлена со среднестоговской археологической культурой медного века на Востоке Украины (и отчасти на Юге России) примерно между реками Дон, Десна, Ингул и Азовским морем.

Лингвисты-компаративисты в XX веке достаточно убедительно показали более отдаленное генетическое родство нескольких других языковых семей с индоевропейской. Это, в частности, уральская, алтайская, афразийская, дравидская и картвельская семьи. Такие языки, очевидно родственные индоевропейским, датский лингвист Хольгер Педерсен в 1903 году предложил называть **ностратическими** (от латинского *nostrās*, «наш земляк»). Это значит, что еще намного ранее единого индоевропейского языка должен был существовать и единый ностратический язык, потомками которого являются все языки народов этих шести языковых семей (и не только этих шести семей). В 60-е годы наш земляк Владислав Маркович Иллич-Свитыч создал словарь ностратического языка. А в 70-е годы великий российский лингвист Сергей Анатольевич Старостин доказал родство северо-кавказских языков с китайско-тибетскими и некоторыми другими, открыв таким образом существование подобной же **сино-кавказской** языковой макросемьи.

В предыдущей монографии была также обоснована гипотеза о том, что носителями единого ностратического языка были создатели кукрекской мезолитической культуры на юге Украины. В первой части данной монографии

приведены принципиально новые доказательства в пользу этой гипотезы. Если предки индоевропейцев первыми в мире приручили коней и изобрели колесо, то предки ностратиков на юге Украины (и особенно в Крыму) в эпоху после окончания ледникового периода первыми в мире приручили коров и свиней, а также самостоятельно перешли к земледелию, начав выращивать просо, пшеницу, ячмень, горох и другие растения. Именно наследники кукрекской культуры, вольные пастухи затем исключительно широко расселились по Земле, в том числе проникли и на Ближний Восток, принеся с собой навыки разведения коров и проса.

Вторая, более обширная часть данной монографии — это попытка историка использовать как исторический источник данные сравнительно-исторического языкознания. Оказалось, что с помощью универсальной формализованной процедуры сравнения современных языков Земли с реконструированными лингвистами словами пра-ностратического и пра-синокавказского языков можно выявить не только другие языки, происходящие от этих двух, но и заглянуть в еще более седую древность, в глубь эпохи палеолита. При этом оказалось возможным и выдвинуть правдоподобные гипотезы, связывающие эти языковые прасемьи с определенными археологическими культурами.

Любая, самая жесткая критика будет мною всячески приветствоваться, поскольку любая критика значительно честнее, чем трусливое молчание. Эта книга обращена прежде всего к специалистам, владеющим историческим либо лингвистическим материалом и способным непредвзято его оценить. Изложенные здесь гипотезы и методы исследования следует критически проверить и соответственно доказать или опровергнуть. Удачи и в том и в другом!

Игорь Рассоха

Южно-Украинский центр неолитической революции

1. Юг Украины — один из мировых центров возникновения скотоводства

Этот тезис уже давно выдвинут украинскими археологами и палеозоологами и опирается на большой объем добытого ими фактического материала. Подвел итоги этой огромной работы один из наиболее авторитетных археологов Украины Д. Я. Телегин [1, с. 200-201]. Он отметил, что на территории Украины, так же, как и на Ближнем Востоке первые следы доместикации сельскохозяйственных животных относятся к эпохе мезолита: «Уже на площади раннемезолитического Васильевского третьего могильника в Надпорожье обнаружено несколько костей быка, который, по определению И. Г. Пидопличко, имеет признаки приручения. В. И. Бибилова отмечает на позднемезолитической стоянке Гержево в Причерноморье наличие костей быка, которого, возможно, следует отнести к разряду домашних животных. Известны факты, свидетельствующие о приручении в позднемезолитическое время на Украине и другого сельскохозяйственного животного — свиньи. В этой связи интересные факты отмечены в Крыму, где в позднемезолитических комплексах мурзак-кобинского типа обнаружено много молодняка — до 70%. Этот факт, который перекликается с аналогичными данными, полученными для стоянок Древнего Востока, расценивается археологами (Бибилов [2], Крайнов [3], Столяр [4], Телегин [5]) и палеозоологами (Громова, Громов [6], Бибилова [7], Дмитриева [8]) как бесспорное доказательство первых попыток приручения этого животного и в Крыму. Неоспоримые факты приручения быка и свиньи еще в

докерамических культурах Восточной Европы засвидетельствованы и в непосредственной близости к территории Украины, в частности в ранних слоях Сорокских стоянок в Молдове [9] и в культурном слое стоянки Матвеев Курган на р. Миус в Ростовской области [10]».

Относительно буго-днестровской культуры в соседней Молдове не менее категоричным является В. И. Маркевич: «Одним из важнейших результатов исследования раннего неолита крайнего Юго-Запада СССР стало выделение группы памятников второй половины VI (т. е. по калиброванным датам — первой половины VII — И. Р.) тысячелетия до н. э. в древнейшую **бескерамическую фазу**, получившую название Сорокский комплекс. Уже здесь имеются признаки приручения свиньи и быка — бесспорные свидетельства формирования производящего хозяйства» [27, с. 164]. Надо обратить внимание на то, что многие исследователи, и в частности Д. Я. Телегин, считают главным признаком перехода к неолиту именно появление керамики. Для Телегина докерамическая эпоха — это эпоха мезолита [1, с. 200].

Отдельно здесь следует сослаться на образцово изданную монографию Д. А. Крайнова [12]. В прилагаемой к ней статье Е. Л. Дмитриевой (которую, кстати, сам Д. Я. Телегин упоминает) об этом говорится так: «Остатки быка найдены в слоях от раннего неолита и до наших дней. Как и для свиней, для них можно выделить две группы костей: большие, вероятно принадлежащие дикому туру (?), и мелкие — остатки домашней коровы. ...Очень мелкая по размерам домашняя корова появляется в Таш-Аир I и Замиль-Коба II с раннего неолита. Что касается большей формы, то можно лишь предполагать, что это дикий тур. Кости последнего легко принять за кости зубра или крупного рогатого скота, и

наоборот (отличия друг от друга пока неизвестны). Но зубр в Крыму до сих пор не был известен, а остатки таш-аирского быка по размерам больше даже костей серого украинского скота. В таком случае начало приручения дикого быка должны искать в раннем неолите или в самом позднем мезолите. Не исключено (при условии наличия тура в Крыму), что **Vos primigenius** был приручен на месте в позднем мезолите или в самом раннем неолите» [8, с. 185-187].

К этому следует добавить, что определенные Е. Л. Дмитриевой бесспорные остатки домашнего быка происходят из ископаемого слоя, который и сам по себе можно датировать поздним мезолитом. Сам Д. А. Крайнов датирует этот слой как «эпоху начального неолита», т. е. переходную эпоху между мезолитом и неолитом [12, с. 34 - 35]. Следовательно, крупный рогатый скот в этом регионе должен быть приручен еще РАНЬШЕ.

В монографии Л. Г. Мацкевого «Мезолит и неолит Восточного Крыма» находим информацию о том, что на Керченском полуострове действительно найдены кости дикого тура. Там также на целом ряде памятников конца мезолита найдены кости домашнего быка. Причем на памятнике Фронтное I найдено 39 костей (29% всех определенных костей), принадлежавших пяти животным (25% всех животных). «Кости домашнего быка, обнаруженные в нижних слоях Каменной Могилы в Приазовье, в свое время были датированы В. Н. Даниленко и другими авторами мезолитической эпохой. Если учесть, что Каменная Могила и Фронтное I расположены в близких физико-географических условиях, а также сходство их кремневого инвентаря, наличие домашнего быка в III слое Фронтного также будет не случайным... Таким образом, материалы Керченского полуострова подкрепляют гипотезу о **доместикации быка в**

конце мезолита»[13, с. 133-134].

Также следует сослаться на материалы раскопок В. Н. Даниленко многослойного поселения рядом со знаменитой Каменной Могилой. Там он под горизонтом раннего неолита с сурско-днепровской керамикой и вкладышами кукрекского типа выделяет еще пять довольно внушительных бескерамических слоев, которые он именует "архаико-неолитическими", тоже с инвентарем **кукрекской мезолитической культуры** [19, с. 16-17]. В. Н. Даниленко подчеркивает: "В составе материалов поселения неизменно и в большом количестве имеются кости различных домашних животных, а кости диких - на всех уровнях стратиграфической колонки поселения — встречаются редко. Между тем исследователь фаунистических материалов И. Г. Пидопличко отрицал всякую возможность ложных определений, а что касается нас, то мы полностью отвергаем сколько-нибудь значительный перенос остеологического материала из верхних слоев в нижние" [19, с. 29]. В самом нижнем слое есть только кости домашнего быка, которые абсолютно преобладают и дальше, но впоследствии к ним добавляются кости малого рогатого скота (козы) [19, с. 17].

Здесь очень важен вопрос абсолютной датировки кукрекской культуры. Как известно, украинские археологи чуть ли не последними в мире перешли к общепринятой датировке по калиброванным радиоуглеродным датам. Это значит, что для эпохи неолита привычные даты следует всюду заменить на более ранние, примерно на тысячу лет. В первом учебнике под редакцией Л. Л. Зализняка, где это, наконец, признано, о датировке кукрекской мезолитической культуры сказано, что она "возникла в степном Причерноморье на рубеже финального палеолита и мезолита". Причем "исчезновения холодного, ледяного водоема на севере Европы

вызвало резкое потепление климата и обусловило установление современных климатических условий на континенте. Изменения были настолько радикальными, что стали *рубежом между ледниковой эпохой (плейстоценом) и геологической современностью (голоценом), или между палеолитом и мезолитом по археологической периодизации*". Время Билингенской катастрофы (исчезновения того водоема) сейчас установлено геологами с точностью до года — 8213 г. до н. э., то есть конец IX тыс. до н. э. [14, с. 84, 76].

Собственно, катастрофически быстрое таяние Скандинавского и Североамериканского ледяных щитов привело к **мировой климатической катастрофе**, которая осталась в исторической памяти человечества как миф о Всемирном потопе. Итак, во всем мире НЕ МОЖЕТ быть мезолитических памятников, более ранних чем конец IX тыс. до н. э.

Таким образом, **кукрекская мезолитическая культура существует с IX тысячелетия до н. э.** Так что есть все основания считать, что уже 10 тысяч лет назад тогдашнее население Юга Украины начало заниматься приручением крупного рогатого скота и свиней (и, конечно, собак: об этом вроде бы никто не спорит). То есть **процесс неолитической революции начался на территории Юга Украины одновременно и независимо от территории Ближнего Востока.**

Упомянутая книга Д. Я. Телегина была написана в 1982 году. В его же учебнике для студентов-историков за 2004 год об этом сказано так: «Пути и последовательность одомашнивания животных у разных народов были разными. На Иранском нагорье и Переднего Востока еще в конце X - начале IX тысячелетия до н. э. были приручены овца и коза; бык и

свинья стали домашними здесь значительно позже - в VIII тысячелетии до н. э. В пределах юга Восточной Европы было наоборот: первыми домашними животными стали бык и свинья, их приручение началось еще в конце мезолита» [11, с. 38]. Единственное, с чем здесь нельзя согласиться - это утверждение о X тысячелетии до н. э. Ведь это была еще эпоха палеолита, мезолит же **и на Ближнем Востоке** в любом случае мог начаться лишь после Билингенской катастрофы, то есть в конце IX тысячелетия до н. э.

Противоположную точку зрения можно найти в едва ли не последней публикации на эту тему в профессиональном журнале украинских археологов. Этой публикации уже почти 13 лет [15]. Уже само название "Животноводство неолитического населения Украины" свидетельствует об отрицании возможности скотоводства в МЕЗОлите Украины. Статья начинается с историографического очерка, в котором вообще НЕ упоминается точка зрения значительного числа исследователей о начале скотоводства именно в местном мезолите.

Единственное исключение - это ссылка на В. И. Цалкина [16, с. 265]: "В. И. Цалкин считал, что в Юго-Восточной Европе мелкий рогатый скот появился благодаря пришлому населению, которое уже имело его. Однако он допускает возможность местной доместикации быка и свиньи, обращая внимание на то, что особи этих видов, кости которых были найдены на неолитических поселениях конца V - начала IV тыс. до н. э, значительно отличаются от своих диких предков, т. е. они являются результатом достаточно длительного разведения в домашнем состоянии" [15, с. 3]. Конечно, и в середине 90-х годов эти наши земляки пользовались некалиброванными датами. Следовательно, речь должна идти о границе VI и V тысячелетий до н. э. И если 7 тысяч лет назад

население Юга Украины уже имело очень древние традиции разведения коров и свиней, то начало процесса приручения их точно углубляется в мезолит. Но мы обо всем этом должны лишь догадываться.

А дальше следует такой текст о поселении вблизи Каменной Могилы, раскопанном ведущими украинскими археологами В. Н. Даниленко и Д. Я. Телегиным: "Обращаясь к остеологическим материалам с этого памятника, отметим, что в мезолитических (по Д. Я. Телегину) слоях найдены остатки 291 особей домашних млекопитающих и 19 диких. Слишком большое для неолитических памятников (!! - И. Р. - Речь ведь идет о МЕЗОлите!) Восточной Европы количество особей домашних животных вызывает недоверие у части исследователей, которые не используют в своих трудах эти материалы. По мнению авторов статьи, стратиграфия поселения I вблизи Каменной Могилы вызывает много вопросов, ответы на которые из существующих публикаций и отчетов о раскопках получить невозможно. Трудно поверить в то, что с площади 130 кв. метров можно получить такое значительное количество костей домашних животных. Нами исследовано близкое территориально и по набору культурных слоев поселения Семеновка ...Число особей животных было значительно меньшим. ...В этой статье мы не используем материалы как Каменной Могилы, так и сурской неолитической культуры вообще" [15, с. 5 - 6]. Надо ли понимать это таким образом, что В. Н. Даниленко и Д. Я. Телегин проводили раскопки на непрофессиональном уровне или сознательно фальсифицировали их результаты? Их в этом подозревают? А если они делали все правильно и профессионально, то в чем проблема и в чем вопрос?

Если "исследователь фаунистических материалов И. Г. Пидопличко отрицал всякую возможность ложных

определений" домашнего скота в мезолитических слоях, то где у уважаемых А. П. Журавлева и Н. С. Котовой показания не менее авторитетных палеозоологов, опровергающие эти его определения?

Не очень логичным выглядит и утверждение: "Раз в нашем поселении костей домашних животных было гораздо меньше, чем в Каменной Могиле, значит и насчет Каменной Могилы сомневаемся". Ведь Каменная Могила - это *сакральный центр* эпохи мезолита, где можно исходя из многих исторических и этнографических аналогий предполагать жертвоприношения, в частности, скотом. Уважаемые А. П. Журавлев и Н. С. Котова раскопали еще один памятник масштаба Каменной Могилы?

Но вообще здесь главным для нас является **СОВСЕМ** не количество костей **ДОМАШНИХ** животных в **мезолитических** слоях, а сама их **НАЛИЧИЕ**. Правильно ли я понял, что авторы статьи подозревают В. Н. Даниленко и Д. Я. Телегина в том, что они не могут различить мезолитические (или "архаико-неолитические", по терминологии В. М. Даниленко) слои от собственно неолитических?

Кстати, авторы вовсе не упоминают и про монографию Л. Г. Мацкевого [13], которая непосредственно касается заявленной проблематики статьи. Вообще из текста публикации невозможно понять, занималось население Украины **самостоятельным** приручением домашних животных, или нет.

От раскопок В. М. Даниленко, Л. Г. Мацкевого, Д. А. Крайнова, Д. Я. Телегина, А. Д. Столяра и др. должны были остаться не только отчеты, но и **коллекции**. А в тех коллекциях должны сохраниться и соответствующие кости. В конце концов, даже если они совсем не сохранились, можно организовать дополнительные раскопки на том же месте с

целью получения именно костного материала из соответствующих слоев. Старые кости - лучший материал для современного радиоуглеродного датирования. Что мешало или мешает руководству отдела каменного века Института археологии НАНУ **провести датировку** этих спорных костей с привлечением лучших мировых лабораторий? Ибо вопрос же того стоит! - Вот бы и были окончательные ответы на чьи-то "много вопросов"! Вот бы и начали исследователи использовать эти материалы... В. А. Шнирельман в книге «Возникновение скотоводства» писал так: «Некоторые современные исследователи отстаивают мнение, согласно которому скотоводство якобы возникло у охотников и рыболовов Восточной Европы очень рано и долгое время существовало в отрыве от земледелия. Основанием для такой точки зрения служат якобы данные об азовской, крымской и сурско-днепровской культурах. При более детальном рассмотрении этих материалов выявляется, что они не могут служить основой для таких однозначных выводов... Недавно вопрос о самостоятельной доместикации некоторых животных в Крыму был вновь поднят Л. Г. Мацкевым, который нашел кости диких животных на ранних стоянках Керченского полуострова, однако приведенные этим автором фактические материалы не позволяют с ним согласиться. ...Общая же картина, обнаруженная по широкому кругу археологических и палеозоологических источников, показывает, что появление домашних животных в южных районах Восточной Европы скорее всего было связано с культурными влияниями, которые шли с запада» [17, с. 88-90]. То есть опять же с Ближнего Востока через Балканы.

Эта книга В. А. Шнирельмана вышла в 1980 году. Но уже в 1989 году в книге «Возникновение производящего хозяйства» он высказался гораздо более сдержанно,

фактически полностью уклонившись от содержательной дискуссии: "На юге Украины культуры с зачатками производящего хозяйства известны также в низовьях Днепра (сурско-днепровская), в Приазовье (Каменная Могила), в Крыму (степной и горный неолит), однако они **еще плохо исследованы**" [18, с. 177]. Интересно, что в другом месте своей фундаментальной монографии В. А. Шнирельман пишет: «Таким образом, **можно уверенно судить** о том, что в центральных районах Новой Гвинеи земледелие и свиноводство возникли в течение VII-VI тыс. до н. э. ...еще до появления австронезийцев в Океании» [18, с. 144-145]. Итак, согласно В. А. Шнирельману, Украина археологически плохо исследована, в то время как Папуа-Новая Гвинея исследована замечательно, и о наличии там самостоятельного центра возникновения производящего хозяйства «можно уверенно судить»...

Если есть все основания для **безусловного** признания начала приручения крупного рогатого скота и свиней (и, конечно, собак) на Юге Украины в эпоху мезолита, то остальные виды основных домашних животных появились на территории Украины, пожалуй, позднее, в эпоху неолита. Остается открытым вопрос о самостоятельном приручении в мезолите на территории Юга Украины домашней **овцы**. Уверенно о находках мелкого рогатого скота в очень ранних слоях Каменной Могилы пишет В. Н. Даниленко. И если остатки предка домашней козы безоарового козла в Крыму вроде бы неизвестны, то о находках ископаемых остатков европейского муфлона в Крыму зоологи говорят довольно уверенно [20, с. 168, 169].

Однако даже и с предками домашней **козы** все не так очевидно. И. Г. Пидопличко когда-то писал: «Долгое время бытовало мнение, что домашняя коза является типичным

животным из числа завезенных к нам из других стран. Однако находки ископаемых остатков первобытных диких козлов, близких к безоаровому, в Крыму и во Львовской области свидетельствуют, что предки домашних коз жили не только в Закавказье, но и в других горных и предгорных районах Юга СССР. Следовательно, есть все основания утверждать, что древние жители Юга СССР имели возможность одомашнивать козу на месте» [21, с. 26-27]. Из предыдущего изложения можно понять, что не всегда более поздние точки зрения является более правильными...

А в отношении приручения **лошади** именно на территории Юга Украины уверенно говорится даже в статье А. П. Журавлева и Н. С. Котовой: «На сегодня в Украине получены достаточно многочисленные данные о разведении домашнего коня неолитическим населением Украины, преимущественно в степных районах» [15, с. 17]. Исчерпывающе эта тема раскрыта в блестящей монографии В. Кульбаки и В. Качура [22, с. 44, 37].

В то же время «Лошадь - чуждый вид для фауны Ближнего Востока. Отсутствие коня характерно для поселений Ближнего Востока неолитического и энеолитического времени - Джармо, Иерихона, Чатал-Уйюка, Ум Дабагии и др. Отсутствие коня также отмечено в неолитических и энеолитических поселениях Южной Туркмении. Интересно, что и в памятниках мезолита и палеолита на территории Ближнего Востока остатков коня не найдено. Отсутствие коня на ранних памятниках Ближнего Востока позволяет исключить эту территорию из зоны поисков древнего центра доместикации этого вида» [23, с. 300].

Итак, среди основных до нашего времени домашних животных Украины собака, корова, свинья и лошадь точно были приручены на месте (при том первые три - еще в

эпоху мезолита). Относительно же овцы и козы этого также нельзя исключать.

Следует обратить внимание на то, что когда говорят о Ближнем Востоке, подразумевают огромный регион от Ирана до Малой Азии и Палестины включительно. Причем практически все современные исследователи подчеркивают, что на просторах этого региона не было какого-то единого центра, а переход к производящему хозяйству происходил во **многих** местах, независимо и параллельно [24, с. 257].

По нашему мнению, **есть все основания расширить единый взаимосвязанный регион формирования производящего хозяйства от Ирана до Балканского полуострова и юга Украины включительно**, а возможно, и в целом юга Восточной Европы. Здесь более верным представляется мнение современных российских исследователей: «Устоявшаяся точка зрения о производном и вторичном характере восточноевропейского неолита по отношению к Южной Европе и Средней Азии существенно корректируется, поскольку выделяют самостоятельные центры керамического производства и производящего хозяйства в Северной Евразии» [25, с. 12].

Нужно отказаться от **безосновательного** убеждения, что культурные и демографические влияния во время неолита шли исключительно с Ближнего Востока в Европу. Не менее важными и существенными были и обратные культурные влияния и миграции, в частности с территории Украины на Ближний Восток. Мы уже писали об этом в своей предыдущей работе [26, с. 147-182, 336-350] и еще вернемся к этой теме в конце данной статьи.

2. Вопрос о возникновении земледелия на юге Украины

Приведенные выше цитаты с В. А. Шнирельмана никоим образом не свидетельствуют об отсутствии уважения к нему как к исследователю. Наоборот, его книга является весьма авторитетным источником информации относительно сложного процесса формирования производящего хозяйства. И одно из его сомнений относительно самостоятельного центра неолитической революции на Юге Украины имеет бесспорные основания. Он вполне справедливо отрицал возможность возникновения скотоводства гораздо раньше и совершенно отдельно от земледелия.

Он также подчеркивает, что **если исходить лишь из археологических данных, то роль скотоводства легко переоценить:** «Учитывая особенности сохранения археологических остатков, ...трудно судить о соотношении различных видов хозяйства. Об этом свидетельствуют интересные этнографические исследования, проведенные недавно в пустыне Калахари. Там встречались группы бушменов, которые уже начали заниматься земледелием и скотоводством, но продолжали получать основную часть рациона сбором диких растений. Растительная пища играла у них главную роль (60 - 80%), а значение охоты резко упало. Если учесть, что растительные остатки здесь сохранялись плохо, а 70 - 80% найденных костей происходили от домашних животных, то, опираясь на только сами археологические данные, можно было бы сделать ошибочный вывод о принадлежности соответствующих стоянок скотоводам» [18, с. 371].

Итак, можно сформулировать такой вопрос: **есть ли признаки перехода к земледелию на Юге Украины уже в мезолите?**

Сначала для сравнения приведем информацию о признаках перехода к земледелию в эпоху мезолита на Ближнем Востоке. "Зарождение земледелия исследовано на поселении Али Кош в Хузистане, на котором обнаружено две последовательных фазы развития. Фаза Бас Мордех (7500 - 6750 лет до н.э.). Культивируемые зерно составляет лишь 3% от общего количества, однако оно значительно больше размеру и по весу составляет около трети всего урожая. Мелкие стручковые составляют 94% зерен, а по весу более трети потребляемого зерна. Зерна диких трав - 1% количества зерен и около 15% их веса. Кости домашней козы и овцы составляют 67% от общего количества фаунистических остатков, однако по весу домашние виды давали лишь одну треть мяса. Охотничья фауна составляет соответственно 25% и 60%. Таким образом, на первом этапе становления земледелия и скотоводства хозяйство оставалось многоукладным, а его основу по-прежнему составляли охота и собирательство. На фазе Али Кош (6750-6000 лет до н. э.) ... удельный вес культурных растений и домашних животных увеличился, однако хозяйство осталось многоукладным "[28, р. 50-79]. "В докерамических слоях Мурайбита также найдены лишь дикие ячмень и пшеница-однозернянка. Собирательство было настолько эффективным, что создавало возможности для перехода к оседлости, а обилие диких злаков снижал стимулы к их доместикации. Многоукладность хозяйства сохраняется приблизительно до 6000 года до н. э." [24, с. 267].

Следовательно, процесс формирования производящего хозяйства на Ближнем Востоке был долгим, многовариантным, и становление реального производящего хозяйства там произошло в течение VII тысячелетия до н. э. - то есть **одновременно** с такими же процессами на Балканах и Юге Украины. Потому что в течение того же VII тысячелетия до н.

э. формируется, например, буго-днестровская культура в Северном Причерноморье [14, с. 92-93, 96].

Г. Ф. Коробкова об этом писала так: "Хозяйственные варианты буго-днестровской культуры удивительно схожи с такими же вариантами с Ближнего Востока, в которых отразился сложный диалектический процесс утверждения производящего хозяйства" [29, с. 210]. Но, по нашему мнению, буго-днестровская культура была лишь периферией более восточного мощного центра формирования производящего хозяйства, связанного с кукрекской и горно-крымской мезолитическими культурами. Того самого, уже давно известные материалы которого (см. гл. 1) наши современные исследователи по непонятным причинам отказываются использовать.

Итак, возникло ли земледелие в кукрекской и горно-крымской культурах одновременно с скотоводством? - Некоторые исследователи давали на этот вопрос утвердительный ответ. Так, Д. А. Крайнов относительно 6-го слоя крымской стоянки Таш-Аир близ Бахчисарая пишет: «Большая мощность культурного слоя, наличие в нем костных остатков крупного рогатого скота и других домашних животных свидетельствуют об изменениях в хозяйстве и развитии оседлости. Если при этом учесть и отдельные факты, которые позволяют в некоторой степени отнести ко времени этого слоя и **зачаточные формы земледелия...**» [12, с. 35]. Итак, слово о зачаточных формах земледелия на юге Украины на рубеже мезолита и неолита когда-то **было** сказано. И дальше мы опять же наблюдаем загадочное молчание более поздних специалистов.

У Д. А. Крайнова для такого заявления были определенные основания: «По сравнению с другими слоями найдено значительное количество разнообразных каменных

плит, часть которых служила для растирания. Найдено два осколка больших каменных плит и обломков круглого камня, которые могли служить в качестве **зернотерок**. Данные предметы представляют большой интерес в связи с выяснением вопроса о существовании в указанное время зачатков земледелия. Определенный интерес вызывает и находка обломка продолговатого массивного каменного **песта**» [12, с. 33].

Впоследствии Д. А. Крайнова поддержали другие крымские археологи, А. А. Щепинский и А. Н. Черепанова, исследовавшие Мартыновскую стоянку на северном побережье Сиваша [30, с. 29]. Они отметили, что из 620 кремневых изделий 60% составляют небольшие обломки и чешуи. А вот среди других «интересны пластины-вкладыши - 49 экземпляров. Они изготовлены из средних частей ножеподобных пластин. Длина их колеблется от 1 до 3 см, а ширина - от 0,8 до 1,5 см. Средние размеры - 2 на 1,2 см. Д. А. Крайнов, выделяя подобные орудия в материалах Таш-Аира I, считает их вкладышами составных **серпов**» [12, с. 91 - 104].

Д. Я. Телегин отмечал также находку на поселении кукрекской культуры Игрень (Днепропетровская область) обушковой части роговой **мотыги** [31, с. 74]. Правда, почему-то он заключает само слово «мотыга» в кавычки. В другом месте он пишет: «В позднем мезолите население Северного Причерноморья срезало растения с помощью специальных орудий — **жатвенных ножей**. На это указывают, в частности, результаты трассологической обработки кремневых изделий из поселения Мирное, среди которых обнаружены вкладыши таких ножей. По мнению Г. Ф. Коробковой [32], которая обработала эту коллекцию, эти орудия использовались для срезания диких трав» [1, с. 198-199]. - Вообще-то и пшеница — не дерево, а с ботанической точки зрения именно трава. И

когда-то она была исключительно дикой...

Как известно, земледелие возникает на основе развитого собирательства. М. А. Бадер совершенно справедливо пишет: «Орудия труда не дают прямых данных о зарождении земледелия. Серпы, зернотерки и другие орудия могли использовать для сбора и обработки диких злаков. В то же время известно, что часто урожай собирали руками, а для обмолота использовались деревянные песты и ступы» [24, с. 255]. Следовательно, Д. Я. Телегин был прав, когда написал: «В связи с тем, что в мезолите Украины попытки выращивания культурных злаков неизвестны, на рассмотрении проблемы появления и становления земледелия мы здесь не останавливаемся» [1, с. 199].

Но ведь для того, чтобы признаки выращивания в мезолите Украины культурных злаков стали известны, их нужно **искать**. Как это вообще делается: «Вся коллекция зерен получена в результате промывки образцов грунта из культурного слоя. Промывка проводилась на биологических ситах. ...Основной материал получен в результате промывки углисто-золистых линз культурного слоя у костров, с пола жилых и хозяйственных помещений» [33, с. 291]. Так умели работать исследователи из советской археологической экспедиции в Ираке.

Вопрос: проводились ли хотя бы на одном раскопанном украинскими археологами мезолитическом поселении кукрекской культуры (Игрень, Таш-Аир, Каменная Могила и т. п.) подобные исследования? Искали ли там остатки зерен растений в линзах культурного слоя, например, в заполнении землянки или костра? Проводили ли анализ **пыльцы растений** в заполнении таких землянок и костров? - По крайней мере, я не нашел об этом в литературе ни одного упоминания.

В последние десятилетия среди археологов стала чрезвычайно популярной концепция центров происхождения культурных растений, выдвинутая еще в 1935 году Н. И. Вавиловым. Это был, безусловно, выдающийся ученый. Но среди ботаников-специалистов отношение к его концепции далеко не так однозначно. В частности, они не менее уважают Петра Михайловича Жуковского, который после Вавилова много лет возглавлял его знаменитый Институт растениеводства и сам принял участие в большем числе ботанических экспедиций, чем Вавилов. Фундаментальная монография П. М. Жуковского «Культурные растения и их сородичи» выдержала три издания и переведена на несколько языков. В последнем издании П. М. Жуковский приводит свой вариант центров происхождения культурной флоры, который резко расходится с вариантом Н. И. Вавилова [Рис. 1].

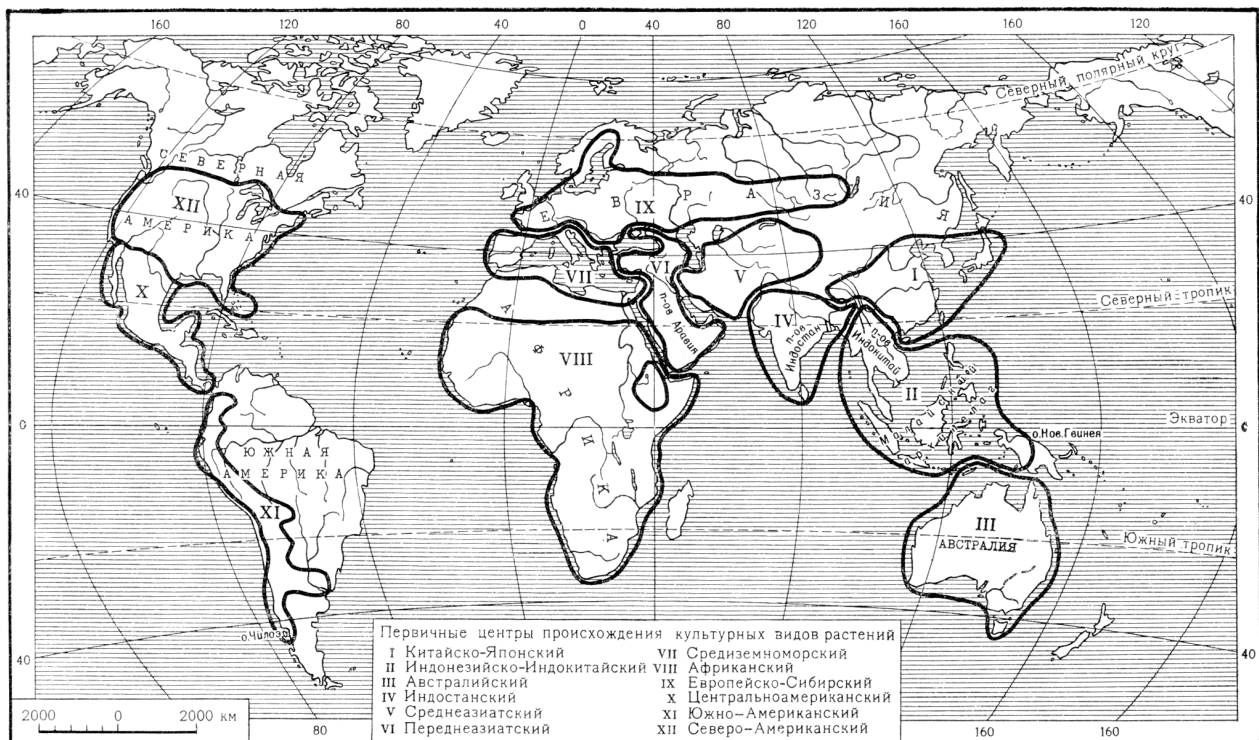

Рис. 1. Центры происхождения культурных растений согласно П. М. Жуковскому [34].

Конечно, эта карта никоим образом не является картой центров неолитической революции. Это карта взаимосвязанных ареалов ботанического разнообразия современных сельскохозяйственных видов растений. Кстати, она доказывает, что современное сельское хозяйство использует практически все растительные ресурсы со всех континентов. Для нас в этом рисунке наиболее важными являются два момента. Во-первых, П. М. Жуковский выделяет отдельный Европейско-Сибирский центр происхождения культурных растений (на карте - IX), куда он отнес и основную часть Украины. Во-вторых, обратим особое внимание на то, что по мнению одного из крупнейших в мире специалистов по вопросам происхождения культурных растений Крым принадлежит к Переднеазиатскому центра происхождения культурных растений (на карте - VI). То есть с точки зрения ботаники Крым — это тоже Ближний Восток!

То есть Юг Украины находился на пересечении двух принципиально различных по видовому составу ботанических ареалов, и древние жители этого региона могли использовать растительные ресурсы их обоих. Вот интересно: даже если бы мезолитические жители Юга Украины вообще не занимались земледелием, а исключительно собирательством, разве не важно было бы археологам посмотреть, **какие именно** растения они собирали?

Мне удалось найти в литературе лишь одну попытку дать ответ на этот вопрос - в статье А. А. Яневича [35, с. 108]: «Определить вероятные объекты собирательства в Горном Крыму позволяют археологические и этнографические сведения. Особое значение при этом приобретают палеоботанические материалы по собирательству в мезолите и неолите на Ближнем Востоке, Кавказе и в Молдове - районах,

подобных Горному Крыму по природной среде природной средой и исторической ситуацией. По данным Г. Н. Лисицыной, В. Ван Цейст и В. И. Маркевича, объектом собирательства в Крыму были: **дикая пшеница-однозернянка, ячмень дикий**, ячмень луковичный, эгилопс, астрагал, адонис, овес дикий, костер, райграс, пырей, овсяница белая, полевица белая, мятлик, плоды дуба, фисташки, миндаль, прозопис, боярышник, яблоня и т. д.».

К чести А. А. Яневича, ни один из других украинских археологов даже в таком виде не поставил вопрос о том, какие именно растения были объектом собирательства в эпоху мезолиту и не могли ли хотя бы некоторые из них войти в земледельческую культуру. Но вместо того, чтобы заниматься аналогиями с Ближним Востоком и заодно с Молдавией, не проще ли было бы открыть ботанический справочник и просто проверить, какие растения растут сегодня в Горном Крыму?

Наиболее полно убеждения основной части украинских археологов по данной проблеме, видимо, выразил Л. Л. Зализняк: [36]: **«Не может быть и речи о зарождении земледелия в Украине.** Потому что его наиболее древние следы в виде отпечатков зерен культурной пшеницы и ячменя у нас отмечают около 8 тысяч лет назад, а на памятниках натуфийской культуры Восточного Средиземноморья - 15-11 тыс. лет тому назад. **Дикие предки этих зерновых, как и древнейших домашних животных (козы, овцы), известны только на Ближнем Востоке.** О том, что такие пшеницы когда росли, а потом исчезли, как считает уважаемый В. Черняк, тоже нет оснований говорить. Потому палинология, исследующая пыльцу растений, которая в течение миллионов лет сохраняется в земле, однозначно свидетельствует — **дикие предки трипольских злаков в Украине не росли».**

Сначала о натуфийской культуре. Ее раскопками

занимался Дж. Мелларт, который пишет: «Хотя животные еще не были приручены (установлено, что так называемая натуфийская собака была на самом деле палестинским *волком*), наличие серпов и вкладышей к ним, ступок и пестов, зернотерок и курантов безусловно свидетельствует о сборе, приготовлении и использовании в пищу съедобных диких растений — *дикой пшеницы и ячменя*, бобовых и орехов. Обмазанные глиной ямы предназначались для хранения излишков пищевых продуктов, однако самих остатков хлебных злаков, бобовых или орехов и ягод до сих пор не найдено. Более того, набор оружия и орудий позволяет считать, что охота и рыболовство были основными источниками пищи» [37, с. 26-27]. Итак, натуфийская культура **вообще** не была земледельческой.

Кстати, Дж. Мелларт датирует натуфийскую культуру X тыс. до н. э., то есть это никак не 15 тысяч лет назад. Но даже не в том дело. Вспомним, что тот же самый Л. Л. Зализняк датирует начало мезолита Билингенской катастрофой, то есть концом IX тысячелетия до н. э. В таком случае натуфийская культура — это вообще палеолит.

Но это еще не все. Вспомним о **горнокрымской мезолитической культуре** на юго-западе Крыма, с которой тоже связаны (как и с кукрекской культурой далее на север) очевидные признаки формирования производящего хозяйства (Таш-Аир и т. п.). Д. Я Телегин относит памятники шан-кобинского этапа ее развития к раннему мезолиту. А дальше вполне категорично утверждает: «Важной чертой комплексов кремня натуфийских стоянок является значительное преобладание среди геометрических микролитов удлинённых сегментов и сегментоподобных прямоугольников, что характерно и для шан-кобинских стоянок Крыма. Техника их изготовления при помощи крутой краевой ретуши, нанесенной

в одном направлении (реже - встречной), в Крыму и Натуфии идентична. Заметную роль в обеих культурах играют разного рода спинники, попадаются микрорезцы и т. п. [56]. Таким образом, **натуфийская культура среди культур Переднего Востока представляет собой, на наш взгляд, ближайшую аналогию шан-кобинским памятникам Крыма, что, очевидно, указывает на их генетическое родство.** К изложенному можно добавить, что памятники натуфийской культуры обнаружены теперь на территории Сирии и в Малой Азии, т. е. непосредственно в районах Южного Причерноморья» [1, с. 59, 64]. То есть если Л. Л. Зализняк признает натуфийскую культуру земледельческой, почему же он тогда «не хочет вести речи» о ближайших родственниках натуфийцев?

И относительно диких предков домашней овцы на территории Украины Л. Л. Зализняк точно ошибается (ведь они здесь жили!), и относительно козы, как мы видели - тоже может ошибаться.

Но главное, на что здесь следует обратить внимание - то, что уважаемый Л. Л. Зализняк дважды повторяет, что **дикие предки пшеницы и ячменя на территории Украины не росли.** К тому же выразил он эту точку зрения перед самой широкой общественностью, в ведущей газете «Зеркало недели».

Однако данная авторитетная точка зрения не соответствует действительности.

3. Дикie предки культурных растений на Юге Украины

Злаки

1) **Пшеница.** Прежде всего следует отметить, что пшеница - это не один отдельный вид, а целый род растений. В

специальной литературе приводится характеристика 20 — 28 ее видов. Виды пшеницы по количеству хромосом в соматических клетках делятся на такие генетические группы:

1 - диплоидные ($2n = 14$) - однозернянка культурная (*Tr. monosocum* L.), однозернянка дикая (*Tr. aegilopoides* Lin) и др.;

2 - тетраплоидные ($2n = 28$) — пшеница твердая (*Tr. durum* Dest), польская (*Tr. polonicum* L), карталинская или персидская (*Tr. cartalicum* Nevski, *Tr. Persicum* Vav), тургидум или английская (*Tr. turgidum* L.), Тимофеева или зандури (*Tr. Timopheevi* Zhuk), полба, или культурная двузернянка (*Tr. Dicocum* Shueb), и др.;

3 - гексаплоидная ($2n = 42$) — пшеница мягкая (*Tr. aestivum* L.), пшеница Маха (*Tr. Macha et. Men. Dequ*), спельта (*Tr. spelta* L.), карликовая (*Tr. compactum* Host.), круглозерная (*Tr. sphaerosocum* Pers) и др.;

4 - октаплоидная ($2n = 56$) - пшеница грибобойная (*Tr. fungicidum* Zhuk).

При этом наиболее древними и предковыми для всех других видов пшениц являются дикие диплоидные ($2n = 14$) пшеницы-однозернянки: беотийская (*Triticum boeoticum*) и урарту (*T. urartu*). В процессе введения в культуру пшеницы беотийской сформировалась культурная пшеница-однозернянка, которая отличается от нее колосьями, не рассыпается, но еще сохранила пленчатые зерновки с небольшим количеством их в колосе (1, редко 2). Ботаники считают, что значительно более урожайные тетраплоидные ($2n = 28$) и гексаплоидные ($2n = 42$) пшеницы возникли в результате дальнейшей культивации вследствие гибридизации диплоидных однозернянок с диплоидными видами родственного рода эгилопс [38].

«Дикие однозернянки встречаются на Балканском

полуострове (Болгария, Сербия, Греция), в Малой Азии (Смирна, Магнезия), в Северной Сирии, в Курдистане, в Центральном Закавказье и **в Крыму**. Если посмотрим места нахождения отдельных разновидностей, то оказывается, что **наибольшее их разнообразие концентрируется в Крыму**. А именно из 11 известных разновидностей 9 найдены в Крыму, причем среди этих девяти для 6 разновидностей Крым пока является единственным местонахождением» [39, с. 214 - 215]. Современные исследователи отмечают, что дикая пшеница-однозернянка изредка встречается «по всему Крыму» [41, с. 58]. Причем наша крымская однозернянка родственна как с балканскими, так и с переднеазиатскими и иранскими формами [42, с. 99 - 100].

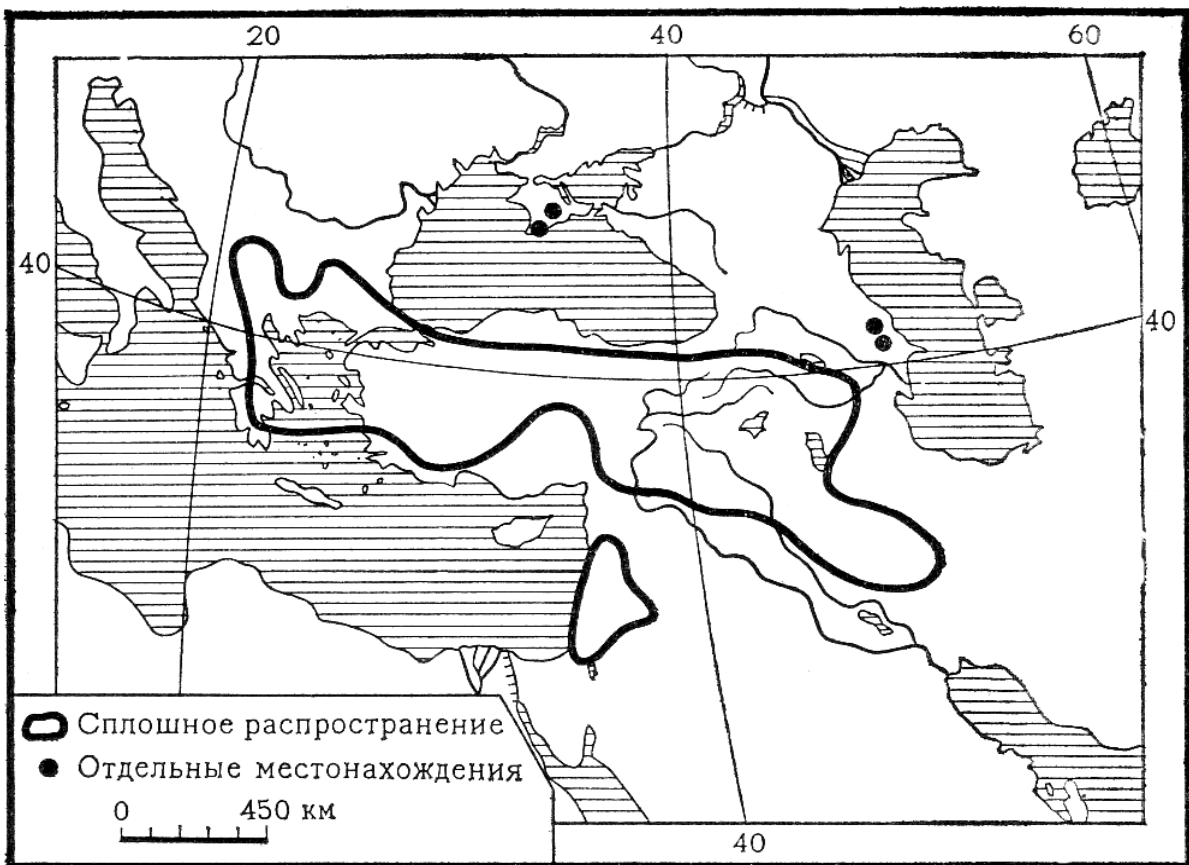

Рис. 2. Распространение дикой пшеницы-однозернянки [38].

Культурная пшеница-однозернянка, по внешнему виду сильно отличающаяся от дикой, была в 1922 году тоже найдена в Крыму: в селах Кояш-Бодрак Симферопольского уезда и Байдары у Южного побережья. [40, с. 516]. К. А. Фляксбергер выделил 9 форм культурных однозернянок, среди них 5 были известны в Крыму, в том числе 2 - только в Крыму [39, с. 214 — 217].

Н. И. Вавилов в свое время писал: «Знание ареала целого вида мало говорит о центре формообразования. ...**Области максимального наследственного многообразия форм данного вида**, включающие обычно также ряд эндемичных форм и признаков, как правило и будут центрами формообразования» [43, с. 42-43]. **Исходя из концепции Н. И. Вавилова, центром введения в культуру пшеницы однозначно должно быть Крым.** Что касается связи первоначальных центров неолитической революции именно с горными районами, то в Крыму с горами тоже все в порядке. "В Крыму найдено большое количество культурной и дикой однозернянок, что свидетельствует в пользу ее местного происхождения. ...**Однозернянки Балканского полуострова и Крыма могли послужить непосредственным исходным материалом для введения их в культуру на месте**" [46, с. 23, 22]. Последнее утверждение принадлежит ведущему палеоботанику Зое Васильевне Янушевич, с трудами которого украинские специалисты по археологии каменного века должны быть знакомы.

Конечно, в наше время далеко не все ученые разделяют концепцию Н. И. Вавилова: «Теория первоначального происхождения твердых пшениц из Эфиопии основана только на большом многообразии их состава в этой стране. Но Эфиопия вообще никакого отношения к происхождению

пшеницы не имеет. В ботанике известно много примеров, когда вид, однообразный на своей родине, достиг расцвета формообразования далеко за ее пределами» [34, с. 113]. Но здесь обратим внимание на еще одно утверждение: **«Крым находится на границе ареала распространения диких однозернянок и служит, если так можно сказать, живым музеем реликтов в отношении диких *Triticum monosocum*»** [39, с. 218]. В связи с этим напомним, что Д. Харлан и Д. Зохар выдвинули теорию **возникновения земледелия именно на периферии зон естественного распространения диких злаков**, где в первую очередь ощущалась их нехватка [44, р. 1074 - 1079]. Эту теорию развил К. Фленнери [28, р. 80]. Г. М. Лисицина отметила, что на периферии ареалов своего распространения дикие злаки более разнообразны генетически, а это облегчало их доместикацию [45, с. 69].

Еще момент: даже древнейшие зерна культурной однозернянки, найденные З. В. Янушевич в керамике и обмазке буго-днестровской и раннетрипольской культур, близки к современной культурной однозернянке и четко отличаются от дикой однозернянки. Причем мелких удлиненных зерновок наподобие тех, которые известны в неолите Малой Азии (Чатал-Гуюк), в Буго-Днестровском районе не найдено [46, с. 28-30]. Следовательно, эта пшеница до того, как она попала в посевы раннеолитической буго-днестровской культуры, **уже** прошла через искусственную селекцию. И происходило это НЕ в Малой Азии, а именно в Северном Причерноморье.

Кроме того, современная ботаника накопила неоспоримые доказательства **полифилетического происхождения современных пшениц**. То есть культурные пшеницы происходят не от одного предка, следовательно были введены в культуру **не в одном месте** (а, например,

одновременно на Ближнем Востоке, на Балканах и в Крыму). "Геном А полиплоидных пшениц не является однородным. У пшениц ряда *T. timopheevii* он близок к геному *T. boeoticum* и *T. monococcum* (Ab), у пшениц ряда *T. turgidum* и *T. aestivum* - к однозернянке *T. urartu* (Au). Геном G - второй геном пшениц ряда *T. timopheevii*, гомологичен геному *Ae. speltoides* - одного из видов секции *Sitopsis*. Второй геном пшениц ряда *T. turgidum* и *T. aestivum* близок к геному другого вида данной секции — *Ae. longissima* (Bl). Подтверждено представление о том, что донорами генома D гексаплоидной пшеницы ряда *T. aestivum* были представители *Ae. squarrosa*" [47, с. 48-49].

Итак, основу генотипа всех видов пшеницы составляют **разные** формы генотипа дикой однозернянки. А к ним добавились части генотипа различных видов родственного с пшеницей рода **эгилопс** (*Aegilops*). Однако в современной литературе встречаются различные точки зрения относительно того, какие именно виды эгилопсов передали свои гены культурным пшеницам. Например, по мнению некоторых китайских ученых, *Ae. longissima*, "очевидно, не может рассматриваться как донор В-генома культурной пшеницы" [48]. А некоторые российские ученые вообще "подтверждают гипотезу о том, что *Ae. speltoides* является наиболее вероятным донором плазмонов и двух геномов (В и G) полиплоидных пшениц, другие виды эгилопсов в видообразовании пшеницы не участвовали" [49]. Некоторые же американские ученые, наоборот, считают что "В-геном пшеницы является рекомбинантным производным от 2 или более диплоидных видов *Aegilops*" [50]. Кроме того, встречается утверждение, что геном D, который обеспечил высокие хлебопекарские качества и озимый тип вегетации мягкой пшеницы, был внесен в тетраплоидные пшеницы от *Aegilops tauschii* [51].

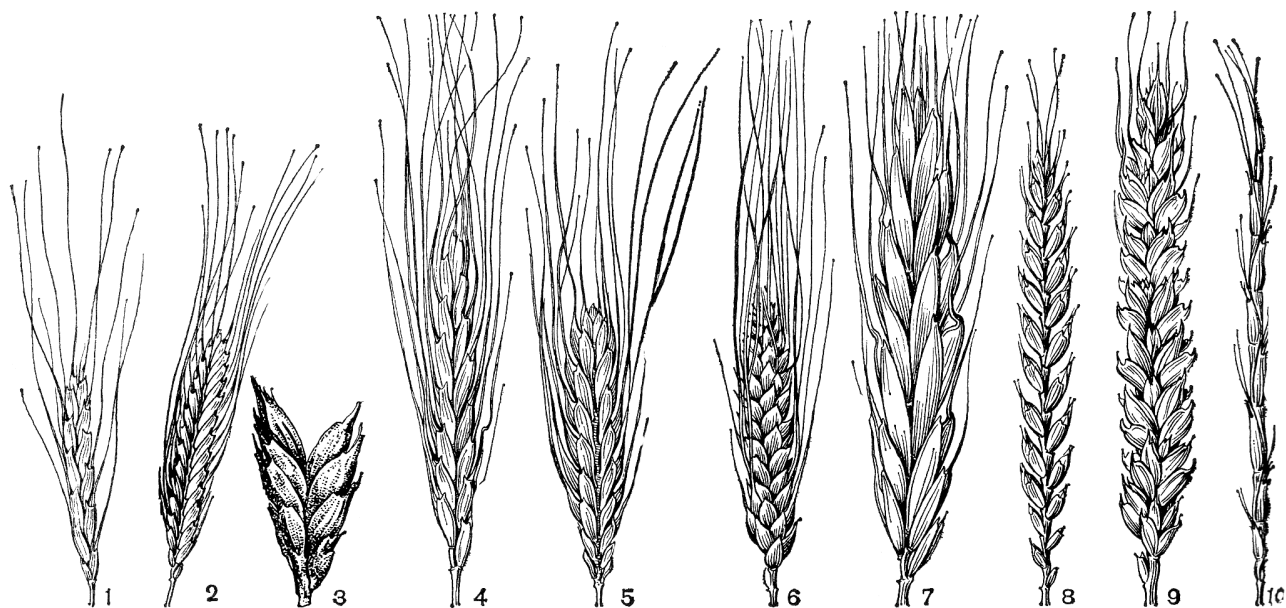

Рис. 3. Колосья различных видов пшеницы и эгилопса: 1 — пшеница беотийская (*Triticum boeoticum*); 2 — пшеница однозернянка (*T. monosossum*); 3 — часть колоса пшеницы однозернянки из археологических раскопок в Германии; 4 — пшеница араратская (*T. araraticum*); 5 — пшеница двузернянка или полба (*T. dicosson*); 6 — пшеница твердая (*T. durum*); 7 — пшеница польская (*T. polonicum*); 8 — пшеница спельта (*T. spelta*); 9 — пшеница мягкая, или летняя (*T. aestivum*); 10 — эгилопс цилиндрический (*Aegilops cylindrica*) [38].

Среди этих видов эгилопсов ***Aegilops tauschii*** встречается в **Крыму** (Судак), на Кавказе, в Средней и Малой Азии, Гималаях, Средиземноморье [51]. Ареал ***Aegilops speltoides*** — Малая Азия, Сирия, Палестина, Северная Месопотамия, **Крым** [52, с. 10]. ***Aegilops squarrosa* L.** (синонимы: *Aegilops triuncialis* L. - эгилопс трехдюймовый, *Ae. triaristata* Willd, *Ae. ovata* L. subsp. *triaristata* (Willd.) Jav, *Triticum triunciale* (L.) Raspail) имеет распространение: **Крым**,

Кавказ, Средняя Азия, Средиземноморья, Малая Азия, Иран [53].

Итак, все основные виды эгилопсов, имеющих отношение к происхождению современного генетического разнообразия пшеницы, растут на юге Украины — в **Крыму**, то есть там же, где и дикая пшеница-однозернянка.

Конечно, свой вклад в генетическое разнообразие пшениц могли вносить и другие виды эгилопсов. Например, в природе часто наблюдается спонтанная гибридизация твердой пшеницы и **Aegilops ovata**, причем могут возникать фертильные (то есть способные к дальнейшему размножению) амфиплоиды, содержащих рекомбинантные хромосомы от обоих видов [54]. **Aegilops ovata** растет в **Крыму**, в частности вблизи Ласпи и Судака [41, с. 83]. А, например, в результате отдаленной гибридизации **Aegilops cylindrica** с мягкой пшеницей получена наследственная устойчивость к твердой головне [55]. Этот вид эгилопса распространен по всему Югу Украины. Данную тему можно было бы продолжить и дальше.

Как видим, Крым ничем не хуже подходит на роль центра происхождения культурной пшеницы, чем страны Ближнего Востока — так же с ботанической точки зрения, как и с археологической.

2) **Ячмень**. "Распространение в ряде районов СССР дикого **спонтанного ячменя** *Hordeum spontaneum* в республиках Средней Азии и Закавказья, а также в Причерноморье (**Крым**) и прибрежной части Дагестана дает основания считать, что вхождение ячменя в культуру на территории СССР имеет разнообразные пути" [57, с. 153].

Вообще-то этот "спонтанный ячмень" - по сути, сорный ячмень-самосейка. И есть точка зрения относительно того, что это — повторно одичавший культурный ячмень: "Признавая

спонтанный ячмень *Hordeum spontaneum* ближайшим родственником культурного ячменя, мы вместе с тем считаем, что заслуживает внимания точка зрения Н. И. Вавилова о возможности происхождения двухрядного ячменя с ломкими колосьями в результате одичания ячменя культурного" [58, с. 17]. Современные исследования на молекулярно-генетическом уровне подтвердили, что диким предком по крайней мере некоторых сортов культурного ячменя также является **ячмень луковичный** *Hordeum bulbosum* [59]. "Ячмень луковичный *Hordeum bulbosum* в Украине распространен очень часто в Южном Крыму от Балаклавы до Карадага, более редок в Крымских предгорьях; местами заходит на яйлы. За пределами Крыма известен в окрестностях Одессы и во Львовской области" [42, с. 111].

Вот так обстоят дела с "дикими предками трипольских злаков". Как видим, они не только "когда-то росли" на территории Украины, но и преспокойно растут теперь.

3) **Просо**. В литературе можно встретить такие утверждения: "Вопрос о месте происхождения проса обыкновенного до сих пор остается спорным. В диком состоянии оно не найдено" [63, с. 5]. Но тут же читаем: "Просо обыкновенное — иногда сорняк у дороги, в населенных пунктах, в посевах" [41, с. 55]. Так что фразу "в диком состоянии не найдено" следует понимать как "не найдено в **экзотических** странах".

П. М. Жуковский писал: «Некоторые ботаники считают, что культурное просо происходит из Юго-Восточной Азии, что вызывает сомнение, так как просо по своей экологической природе — растение не муссонного климата. Правда, оно могло быть связано именно с сухим периодом в Индии. Все факты, которыми можно пользоваться, приводят пока в

Китай, как первоначальный центра выращивания проса. Среди хлебных злаков просо, пожалуй, наиболее древняя культура Китая. ...Современное географическое расположение разновидностей проса также связано с Восточной Азией — с горными районами Монголии, где найдено большое количество его цветных разновидностей. Таким образом, из данных ботанической географии и древней истории можно видеть, что Китай и Монголия являются родиной культурного проса» [34, с. 205 — 206].

Но из книги В. А. Шнирельмана узнаем, что в действительности древнейшим культурным растением Северного Китая было не просо, а чумиза (итальянское просо, *Setaria italica*) — растение из другого рода злаков. «Что же касается ячменя и проса обыкновенного, то история их появления в Восточной Азии остается не совсем понятной. Возможно, их интродукция происходила степным евразийским коридором, по которому в конце III - во II тысячелетиях до н. э. в Восточную Азию постепенно проникали крупный и мелкий скот, лошади и пшеница» [18, с. 150, 157].

В ранних земледельческих культурах Ближнего Востока никаких следов проса также не выявлено [18, с. 74 - 75]. Итак, можно категорически утверждать, что **просо имеет европейское происхождение**. «М. Horf [64] вспоминает о нахождении следов обычного проса в Фессалии (Греция) в Аргиси Магула в слоях докерамического неолита. На Балканах просо известно в находках с неолитической пещеры Aggtelek в Венгрии и также в Боснии. В Центральной и Западной Европе появление обычного проса связано с племенами культуры линейно-ленточной керамики. Представлены они отпечатками и обугленным материалом» [46, с. 152]. Докерамический неолит Греции — это примерно VII, или даже VIII тысячелетия до н. э., то есть еще **мезолит**.

Просо обычное было найдено в слоях неолитической эпохи на территории Швейцарии, Италии, Австрии, Румынии, Германии, Дании, Польши [67, с. 180].

Однако наиболее вероятным является все же предположение о первичной доместикации проса именно в кукрекской культуре на Юге Украины: там, где впервые начали разводить коров. И сегодня просо посевное встречается в одичавшем состоянии в посевах других культур, у дорог, в населенных пунктах, в том числе в Крыму, Причерноморье и на Среднем Днепре. При этом экземпляры, полностью подобные дикому сорному просу, могут возникать и вторично из семенного проса в результате обратных мутаций — подобно «фатуоидам» овса, т. е. подобно тому, как некоторые экземпляры культурного овса могут переродиться в его дикого предка — злостный сорняк овсюг (*fatua*) [65, с. 659]. И, честно говоря, совершенно непонятно, почему это **дикое** сорное просо не считают единственным предком проса культурного. Может, потому что оно не растет на Ближнем Востоке?

Археологически пока древнейшие остатки культурного проса на территории Украины найдены в буго-днестровской археологической культуре (VII - VI тыс. до н. э.). В трипольской культуре начиная с раннего ее этапа (конец VI тыс. до н.э.) есть неоспоримые доказательства выращивания проса *в чистой культуре*. Причем зерна этого проса по своим размерам полностью соответствуют просу на поселениях позднего средневековья [46, с. 153, 155, 160]. А это значит, что оно еще ранее прошло длинный и сложный путь селекции.

И кстати: просо тоже является "трипольским злаком". Вопрос: Л. Л. Зализняк действительно считает, что "дикие предки" проса растут не на нашей земле, а на Ближнем Востоке? Вообще интересно, кто и где начал выращивать

просо по мнению Л. Л. Зализняка и его единомышленников. Неужели опять племена натуфийской культуры в Палестине?

Известно было просо и непосредственным предкам индоевропейских народов — племенам среднестоговской культуры [14, с. 135], жившим на Юге и Востоке Украины. Поэтому не случайно, что определенное созвучие есть в названиях "просо" (славянские языки), "хирзе" (немецкий), "кенгрос" (древнегреческий). Просо сохранило старые названия у разных народов Европы и Азии: мицзы (Китай), meline (Греция), milium (латинский) [67, с. 178 - 179].

Очень важно, что в эпоху бронзы на территории Украины и Молдовы просо часто было **основным** злаком [46, с. 156-157]. Также «на памятниках скифского времени наиболее распространенным было просо по сравнению с другими видами культурных растений. ...У племен (протославянской) зарубинецкой культуры (I век до н. э. - I в. н. э.) в Среднем Поднепровье и на Десне на первом месте среди культивируемых растений было просо» [46, с. 162]. А на сегодня более 97% всего производства проса в Европе дают Россия и Украина [66, с. 15]. Характерно, что лучшими почвами для проса является именно черноземы [85, с. 29]. Итак просо — это с самого начала наш местный злак. Я убежден: при наличии минимальных желания и профессионализма **просо найдут и на мезолитических поселениях кукрекской культуры.**

4) **Рожь.** Согласно общепринятой на сегодня точке зрения рожь не относится к первобытным сельскохозяйственным культурам и была введена в культуру значительно позже. А поначалу она была сорняком. Она и остается сорняком во многих странах Ближнего Востока и Центральной Азии. Интересно, что все формы сорной и посевной ржи

объединяются в единый вид *Secale cereale* — рожь посевная [60, с. 56]. Выделяют еще три диких вида ржи: *S. iranicum*, *S. silvestre*, *S. montanum*. Относительно же происхождения посевной ржи "обзор материалов по систематике и филогении ржи показывает их противоречивость и недостаточную разработку" [60, с. 65]. Но в принципе исследователи склоняются к тому, что при этом имела большое значение гибридизация однолетней **дикой ржи** *S. silvestre* и многолетней **горной ржи** *S. montanum*. Причем это должно было произойти где-то на пересечении их ареалов, которые раньше "в большей мере накладывались друг на друга". Хотя в целом рожь горную чаще называют непосредственным предком ржи посевной [60, с. 63 — 69].

Рожь горная на территории Украины вроде бы не растет, однако она хорошо известна на Северо-Западном Кавказе [60, с. 53], т. е. в непосредственной близости к Украине и прежде всего Крыму. Не исключено, что здесь ее еще найдут. А рожь дикая растет по всему Югу Украины [60, с. 48]. Она может иногда давать фертильные (плодовитые) гибриды с посевной рожью [61]. "При скрещивании с культурной рожью дает гетерозисные гибриды по высоте растений, густоте куста, числу зерен в колосе" [60, с. 48]. Кроме того, известны гибриды дикой и культурной ржи с эгилопсами, в частности с *Aegilops ovata* [62, с. 15]. Складывается впечатление, что проблема возможного природного трансгена к культурной ржи от эгилопсов вообще не разработана.

Растет на Юге Украины и **рожь сорная** *S. segetale*, при этом здесь (и в целом на Юге Восточной Европы) распространена эндемичная для этого района разновидность *Subs. dighoricum* (Vav.) Tzvel, 1973. Она представляет собой форму с мягким колосьями с тонкими остями и зерновками, которые легко освобождаются из колоса, то есть наиболее

напоминает культурную европейскую рожь [41, с. 66]. И это не случайно. "В Центральной Европе рожь прослеживается с эпохи неолита, а в первом тысячелетии нашей эры ее следы являются значительными, но на Балканах, а также в Передней Азии в археологических материалах ранних памятников рожь отсутствует" [46, с. 133].

Исследованиями З. В. Янушевич и Б. А. Шрамко [68] установлено, что впервые рожь была введена в самостоятельную чистую культуру именно лесостепными племенами Восточной Европы не позднее первой половины I тысячелетия до н. э. [69, с. 30 - 31]. Наверное, от скифов ее не позднее III в. до н. э. позаимствовали и греческие колонисты Северного Причерноморья [46, с. 134 - 137]. Следовательно, в любом случае **родиной культурной ржи является территория Украины**. В контексте нашей темы это является важным прецедентом.

5) **Овес**, *Avena sativa*. Как и рожь, сначала был сорняком. Засорял прежде всего посеы пшеницы полбы. Овес бесплодный, **овсюг**, родоначальник всех 42-хромосомных культурных овсов, растет по всей Украине. Геном А5 культурный овес унаследовал от диплоидного ($2n = 14$) **овса бородатого** *Avena barbata*. Овес бородатый - растет в том числе в **Крыму** в окрестностях горы Аюдаг. [41, с. 42 - 43]. "Посевы полбы в Крыму имели значительную примесь, иногда 10%, особой формы овса, сорно-полевого, переходного к культурному овсу" [70, с. 137]. Подобный овес известен в Северном Причерноморье с эпохи раннего неолита [69, с. 8, 12].

"Выращивание овса как зерновой культуры началось около 2500 лет до нашей эры. Точное место окультуривания неизвестно, но в основном археологи считают, что это

произошло в **Восточной Европе**. Во времена бронзового века, когда лошадей впервые начали использовать в качестве тягловой силы, овес начал широко культивироваться в Северной и Восточной Европе, но в то же время его посевы были практически отсутствуют в регионе Средиземноморья "[71]. Еще основатель учения о центрах происхождения культурных растений А. Декандоль считал родиной культурной ржи и овса Восточную Европу [72, с. 458]. Следовательно, и овес не имеет никакого отношения к Ближнему Востоку.

б) **Чумиза**, могоар, итальянское просо, *Setaria italicum*. Как уже было отмечено выше, этот злак особенно значительную роль играл в древнем Китае. Однако и в Европе он известен еще с эпохи неолита, в частности, на территории Швейцарии, Франции, Италии, Австрии, бывшей Югославии [67, с. 180]. "Многие источники подтверждают знакомство жителей Европы с чумизой. Геродот указывает на нее для понтийских провинций, Феофраст - для Древней Греции. Страбон писал о широком распространении чумизы у народов, обитавших на причерноморских землях" [73, с. 232].

Прямым предком чумизы является мышей (щетинник) зеленый *Setaria viridis*, особенно его подвид мышей большой, широко распространенный в том числе по всей Украине [65, с. 677]. А зерна щетинника найдены здесь еще на поселениях эпохи раннего неолита [69, с. 10]. То есть опять Ближний Восток не нужен.

Бобовые

7) **Горох**. Культурный горох *Pisum sativum* чрезвычайно близок к дикому полевому гороху *Pisum arvense* L. и гороху высокому *Pisum elatius* Vieb. Он свободно скрещивается с

ними и дает плодовые гибриды. Это дало некоторым ученым основания вообще относить все эти три формы к единому виду [74, с. 142 — 144].

Pisum arvense L. - **горох полевой**. Широко распространен в Европе, в т.ч. почти по всей Украине [75]. *Pisum elatius* Vieb. - **горох высокий**. Дикий родственник культурного гороха. Общее распространение: Западное и Восточное Средиземноморье, Балкано-малоазийский регион, Иран. На территории бывшего СССР: - Молдова, **Причерноморье, Крым**; Кавказ - все районы, за исключением Южного Закавказья и высокогорных областей [76].

На территории Украины пока древнейшие бесспорные находки культурного гороха известны с неолита — раннетрипольской эпохи [46, с. 172].

8) **Чечевица**. Чечевица посевная растет в диком виде на территории Украины в Харьковской, Киевской, Сумской, Запорожской областях [41, с. 299].

9) **Чина** посевная. "В диком виде не встречается, однако легко может дичать". Известна на территории Украины с эпохи неолита [46, с. 176].

10) **Вика** посевная. Встречается по всей Украине - на залежах, около дорог, в садах [41, с. 251]. Зерна вики также известны с трипольской эпохи [46, с. 181].

Овощи

11) **Лук** (репчатый) - *Allium* сера. Сорта репчатого лука различаются по форме и размерам луковок, цветом внешних и внутренних чешуй, числом зачатков, по вкусу и другим

признакам. Среди сортов лука выделяют так называемые шалоты, в луковках которых по 5-10 зачатков дочерних луковок [77, с. 62]. Среди исследователей является общепризнанной точка зрения, что шалот принадлежит к тому же виду, что и лук репчатый [106, с. 50]. "Шалот - разновидность репчатого лука. ... Шалоты в **диком** состоянии встречаются в долинах крупных рек Большого и Малого Кавказа и **Приазовской возвышенности.**" [78, с. 14 - 15].

12) **Чеснок.** Все дикие и культурные формы чеснока представляют собой единый вид. "Чеснок представляет собой самостоятельную группу культурных и диких форм. ... Происхождение чеснока неизвестно (то есть он - точно не с Ближнего Востока - И. Р.) ... **Особенно много форм чеснока встречается в Украине, в зоне степи и лесостепи, где эти формы имеют узкие ареалы**" [78, с. 9].

13) **Свекла.** До сего дня — одна из главных сельскохозяйственных культур Украины. "Основываясь на исследовании различий между корнеплодными формами свеклы Европы и аборигенными формами Передней Азии, мы пришли к выводу, что европейские сорта происходят от местных диких и листовых форм" [79, с. 236]. То есть опять же свекла — никак не из Передней Азии. "Свекла многолетняя — ближайший родственник культурной свеклы. **Указана для степей Украины по берегам рек Молочной и Конки**" [41, с. 128].

14) **Редька** посевная и **редис** - *Raphanus sativus* L. "В диком виде не встречаются. Вероятно, происходят от близкого вида - редьки приморской (*Raphanus maritimus* Smith) в Средиземноморье, где введены в культуру не менее 5

тыс. лет назад" [77, с. 117, 119]. Общее распространение редьки приморской - Атлантическое, Средиземноморское и Черноморское побережье Европы, включая Крым [80]. "**Редька приморская растет в окрестностях Одессы и в Крыму**" [41, с. 142]. Однако есть еще просто редька дикая. Она растет по всей Восточной Европе, за исключением Арктики [41, с. 143].

15) **Репа**. В древности в значительной степени играла роль картофеля. В Древней Греции культура репы по значению стояла на третьем месте после культуры хлебных злаков и винограда [77, с. 110]. "Многие современные авторы считают **сурепку** синонимом репы" [41, с. 140]. "Репа относится к древнейшим культурным растениям. ...Рапс не имеет различий с сорной тонкокорневой формой репы, и время появления его в культуре точно не выяснено. ... В диком состоянии репа не найдена, но она очень близка к сурепке *Brassica campestris* L. ...что свидетельствует о возможном происхождении репы от сурепки Последняя является широко распространенным сорняком Евразии Число хромосом у них одинаково — $2n = 20$ " [81, с. 9, 12, 17].

16) **Капуста**. "Род *Brassica* L. относится к числу слабо дифференцированных таксонов, которые связаны между собой переходными формами ...поскольку сохранился по сути единый древний комплекс генов. Известно, что корнеплод образует и листовая капуста при перенесении ее из Восточной Азии в условиях Северо-Запада СССР. По вегетативными органами эту капусту трудно отличить от репы и брюквы" [81, с. 9]. **Капуста лесная** — один из диких предков разнообразных сортов культурной капусты. Ее разновидность, которая растет в Крыму в окрестностях горы Аюдаг, выделена

в отдельный подвид. **Капуста критская** — один из прародителей цветной капусты и брокколи, также растет на Южном побережье Крыма [41, с. 139].

17) **Морковь**. "Известно, что дикая морковь легко скрещивается с культурной. По нашему мнению, все эти формы свидетельствуют о необоснованном разделении культурной и дикой моркови на два вида. ...Дикая морковь растет во всей Евразии (за исключением северной тайги и тундры) и в некоторых странах Африки. ...М. Жибо (1912) считал, что поскольку на Юге морковь волокнистая и низкого качества, то это растение скорее всего улучшалась главным образом в зоне Центральной Европы" [79, с. 279, 269, 302].

18) **Сельдерей** распространен почти повсеместно, включая Европу. Дикие формы растут на морских побережьях и на солончаковых почвах [79, с. 395]. Сельдерей в Украине культивируется и легко дичает [41, с. 336].

19) **Петрушка** в культуре и в диком состоянии распространена почти во всех странах Европы, Азии, Америки [79, с. 374 — 375].

20) **Пастернак** дикий растет в Украине и Молдове, пастернак теневой - в Крыму. Оба вида близки к пастернаку посевного [41, с. 334 — 335].

21) **Хрен** в диком и культурном состоянии встречается повсюду в Восточной Европе [41, с. 146]. По мнению А. Декандоля, родиной хрена является именно "Восточная умеренная Европа" [72, с. 458, 448].

22) **Укроп душистый** в диком виде встречается на юге Европы, в Индии, Египте, Эфиопии. Его разводили в древнем Египте, Греции и Риме, где ценили как лекарственное, пряное и даже декоративное растение [77, с. 249]. Укроп душистый растет в диком виде **на востоке и юге Украины** и в Молдове [41, с. 337].

23) **Щавель кислый** в диком состоянии широко распространен на лугах в Европе и Азии. "В культуру введен, вероятно, во многих местах и в разное время" [77, с. 83].

24) **Тмин обычный**. Широко распространен по Старому Свету. Был введен в культуру на территории Европы еще во время неолита [82]. Дикий тмин растет в Карпатах, в Киевской, Винницкой областях и в Крыму (Чатырдаг) [41, с. 337].

Фрукты

25) **Яблоня**. "Происхождение домашней яблони неизвестно. Несомненно, что разные сорта имеют различное происхождение. В создании европейских сортов участвовали общеевропейские дикие виды *Malus sylvestris* и *Malus praecos*" [73, с. 481]. В происхождении различных современных сортов яблони домашней участвовали более 10 видов, но среди них дальневосточные виды подрода рябинолиственных или секции ягодных яблонь используют только в течение последних двух веков преимущественно для селекции. Среди яблонь настоящих в происхождении домашней яблони участвовали *Melus silvestris* (яблоня лесная), *M. pumila* (яблоня низкая), *M. dasuiphila* (яблоня опушенная), *M. baccata* (яблоня ягодная или сибирская), *M. robusta* (яблоня прочная). Среди них яблоня

сибирская тоже происходит из Восточной Азии и сорта с ее участием (ранетки) появились только в последние века. А яблоня прочная представляет собой гибрид той же яблони сибирской с яблоней опушенной и использована только в современной селекции [104, с. 19-22].

Следовательно, относительно первоначального происхождения культурной яблони следует принимать во внимание лишь три вида дикой яблони: лесную, низкую и опушенную. Яблоня лесная является родоначальником многих известных сортов. Распространена в лесной и лесостепной зонах России и Украины. На востоке достигает бассейнов Волги и Урала, на западе - южной Англии. Яблоня опушенная также распространена в Европе довольно широко. На Юге Украины постепенно заменяет в биоценозах яблоню лесную, а на Северном Кавказе вместе с грушей образует обширные леса. От яблони низкой берут начало все карликовые сорта яблонь. Она распространена на Кавказе, в **Крыму**, в Малой и Средней Азии [104, с. 17-19]. Как видим, для происхождения домашних яблонь Европа и особенно Юг Украины подходят лучше Ближнего Востока. Яблоня известна в Северном Причерноморье еще на поселениях эпохи неолита [69, с. 9].

26) **Груша**. "Груша обыкновенная в диком виде широко распространена в Европе, в том числе в южных и центральных районах СССР" [77, с. 132]. Относительно систематики рода груши среди исследователей имеются разные точки зрения, но они едины в том, что садовая груша имеет, как и яблоня, гибридное происхождение от различных видов дикой груши. При том, что эти дикие виды (или разновидности) активно скрещиваются между собой и в природе. И опять же как у яблони, Китай представляет собой центр независимой доместикировки нескольких местных видов. Европейские же

сорта груши происходят от диких видов, растущих в Европе. В частности, это европейская лесная груша *Pyrus pyraeaster*. Кроме того, активную роль в возникновении сортов груши сыграли груша сирийская и груша кавказская [105, с. 181-183]. Но все эти дикие формы и производные от них сорта культурной груши имеют характерный признак: мякоть спелой груши является темной. В частности, это касается и сортов местных кавказских груш. А у европейских сортов такого свойства нет [105, с. 184].

Следовательно, это значит, что в создании европейских сортов груши решающую роль сыграли такие виды, как груша снежная (*Pyrus nivalis*) и лохолистная (*P. salicifolia*). Груша снежная растет в южной и **юго-восточной частях Европы** и в Малой Азии. Груша лохолистная растет в юго-восточной части Европы (Балканы, **Крым**), в Малой Азии на Южном Кавказе. [105, с. 166, 167, 183]. Характерно, что упоминания о груше отсутствуют в Библии и пока не найдены в языках древних народов Передней Азии [105, с. 184].

27) **Черешня.** "*Cerasus avium* (L.) Moench — вишня птичья, черешня. Распространение: Молдова, **Украина (юго-запад, юг, южный Крым)**, Кавказ, Западная Европа (средняя и южная), Турция (север), Иран (север), Африка (северо-запад)" [83].

28) **Вишня.** "Вишня обыкновенная в диком виде не встречается. Представляет собой естественный гибрид черешни с **вишней степной**. Гибридизация произошла, предположительно в Македонии, но, возможно, также на Северном Кавказе и на территории **Украины**. Культивируется с древних времен: еще до нашей эры вишню ввезли с Черноморского побережья Кавказа или из **Крыма** в Рим, а в I

в. н. э. ее выращивали уже почти по всей Европе, включая Англию" [77, с. 162].

29) **Алыча.** "Дикая алыча занимает огромный ареал, значительную часть которого составляет территория Украины" [84, с. 6]. "В полосе широколиственных лесов, куда входит и Украина, по затененным склонам, местам вырубок деревьев первого яруса деревья алычи нередко составляют второй ярус, образуя вместе с другими кустарниками густые алычевники различного типа... *Еще в 50-х годах прошлого века в Крыму и юго-западных областях Украины деревья алычи, преимущественно в виде непривитых сеянцев, пересаженных из леса, выращивали на приусадебных участках*" [107, с. 222]. Наиболее распространена дикая алыча в Крыму [41, с. 228]. "Алыча разделяется на три подвида: кавказская дикая, восточная (среднеазиатская) и крупноплодная. В состав подвида крупноплодной алычи входят все культивируемые сорта алычи. ...В данном подвиде всего шесть разновидностей, в том числе выведенные в Крыму из местных форм алыча таврическая и алыча типичная (крымская или понтийская). Алыча типичная получила наибольшее распространение" [84, с. 7 - 8, 10].

30) **Слива.** Происхождение культурной сливы доказано экспериментами В. А. Рыбина [86]. Она представляет собой **гибрид терна и алычи**. Древнейшие из пока найденных остатков сливы известны на поселениях эпохи неолита на территории Украины и Молдовы [46, с. 185]. Как известно, терн растет по всей территории Украины. В своей книге З. В. Янушевич упорно пишет об "иранской или среднеазиатской алыче" [46, с. 186], которая якобы продвинулась на территорию Украины. Но для подобных утверждений нет

никаких оснований. Показательно, что "остатки плодовых растений среди палеоботанических находок ранних земледельческих памятников Закавказья практически отсутствуют" [103, с. 44].

31) **Виноград.** «Исходной формой, от которой происходит много сортов винограда культурного, послужил **дикий виноград европейский** (*Vitis vinifera*, subsp. *Silvestris*), который в СССР распространен в долинах рек Днестра и Днестра» [87]. Причем уже в поздне трипольских слоях, которые по калиброванной дате следует отнести к середине IV тысячелетия до н. э., найдены косточки винограда столового сорта с крупными ягодами [46, с. 190-191]. Виноград лесной в Украине растет в лесах по Днестру, в окрестностях села Балта, в Николаевской области, в Волынской области по реке Буг, на островах Азовского моря в Запорожской области, в горных лесах Крыма [41, с. 318].

Волокнистые растения

32) **Лен.** Не только волокнистая, а еще и масличная культура. **Лен узколистый** — *Linum angustifolium* Huds. В диком состоянии растет в светлых сухих лесах, по зарослям, на сухих лугах, окраинах полей — в Средиземноморье, на Балканах, в Малой Азии, **Крыму** и на Кавказе. В древности его выращивали в средиземноморских странах, он является наиболее вероятным прародителем всех культурных льнов [73, с. 452].

33) **Конопля.** Конопля сорная в диком виде встречается по всей Украине [41, с. 117]. "Скифы издавна разводили коноплю и были знакомы также с ее наркотическими

свойствами. ...Геродот о ней знал и считал ее родиной страну скифов" [73, с. 458]. То есть речь идет о современной территории Украины.

Другие растения

34) **Мак снотворный** - *Papaver somniferum*. Известен только в культуре, "родина — Средиземноморье (вероятно)" [88]. То есть реально о происхождении культурного мака никто ничего не знает. "История введения в культуру мака достигает далекой глубины веков, его остатки найдены в свайных поселениях Швейцарии эпохи неолита. ...Культура мака была широко распространена в Греции 3000 лет назад. ...В IX веке нашей эры мак попал на Восток — в Иран, Индию, Китай" [89]. Итак, достаточно очевидно, что мак продвигался не с Востока в Европу, а ровно наоборот. И еще один аргумент: "Вегетационный период мака 85 — 135 суток. Его семена начинают прорастать при 2 - 3 ° С, всходы выдерживают заморозки 3 - 4 ° С. ...Лучшие почвы — каштановые и черноземы" [88]. Все это подходит к климату не Средиземноморья, а именно более континентальной Южной Украины. Наконец, следует сказать, что мак снотворный реально встречается у нас в диком состоянии, потому что может на всей территории Украины легко **дичать** [90, с. 71].

35) **Скумпия** обычная, рай-дерево (*Cotinus coggygia* Scop.) (*Rhus cotinus* L.). В народе иногда неточно называется сумах. Растение культивируют для получения красителей для ткани и кожи (черного, красного, желтого), а также для выделки овечьих и козьих шкур при изготовлении лучших сортов кожи, сафьяна. Можно дубить и тяжелые шкуры. Распространена в Лесостепи и Степи, в горном Крыму и в

предгорьях. Разводят с давних времен по всей Украине, была известна в культуре в Древней Греции. Собственно **сумах дубильный** (*Rhus coriaria* L.) очень похож по применению на скумпию. Распространен в южном Крыму, в культуре встречается в степных и лесостепных районах Украины [91].

Конечно, этот список можно еще серьезно дополнить. Но общий вывод можно сделать уже сейчас: **основная часть культурных растений на территории Южной Украины имеет диких предков непосредственно на месте.** Итак, с ботанической точки зрения было бы величайшей загадкой, если бы все эти растения НЕ были введены в культуру именно на Юге Украины. Это именно те растения, которые составляли здесь основу земледельческой культуры на протяжении последующих тысячелетий до эпохи позднего средневековья включительно. (Конечно, мы здесь не касаемся относительно недавних заимствований культурных растений из Америки и т. д.). Среди более поздних, но древних пришельцев следует упомянуть разве что гречиху и огурец — и то это НЕ ближневосточные, а скорее всего индийские растения. Учитывая особую генетическую близость с Y-хромосомами между современным населением Украины и Северной Индии (см. далее), эти растения могли попасть к нам непосредственно через Каспийский регион.

Ботанические данные неопровержимо свидетельствуют: нет никаких оснований для сомнительных гипотез относительно заимствования неолитическим населением Южной Украины культурных растений с Ближнего Востока. Для этого у наших предков просто не было необходимости.

4. "Демографический взрыв" на Юге Украины в эпоху "неолитической революции"

Все исследователи "неолитической революции" как исторического явления подчеркивали, что одним из главных его последствий стало резкое увеличение численности населения. Так, встречается утверждение, что в течение относительно непродолжительного времени плотность населения в первых центрах "неолитической революции" могла возрасти в 2,5 раза и достичь уровня 1 человека на 1 кв. км [92, с. 5]. Следовательно, относительное перенаселение могло толкать этих первых земледельцев-скотоводов к переселению, точнее говоря, расселению из первоначального центра в другие районы с благоприятной экологической средой.

Мы можем утверждать: именно такое **широкое расселение** носителей горно-крымской и особенно кукрекской культур происходило на рубеже мезолита и неолита. Это довольно широко признано: "Наличие кукрекских изделий в кремневых комплексах раннего неолита Украины свидетельствует об участии носителей кукрекских традиций в формировании неолитических культур Надпорожья и Надазовья (**сурская**), Крыма (**алексеевская, таш-аирская**), Южного Буга (**буго-днепровская**), Среднего Поднепровья (**днепро-донецкая**)" [14, с. 84]. К этому следует добавить **лисогубовскую** культуру: "Лисогубовская культура была культурным явлением, общим для всего Днепро-Донского лесного и лесостепного междуречья, генетические корни которого ведут к ранне-неолитическим культурам Юга Украины (приазовской, сурско-днепровской, буго-днепровской)" [93, с. 139, 138].

В нашей предыдущей монографии "Украинская

прародина индоевропейцев" уже изложена гипотеза происхождения всех ностратических народов с Юга Украины, то есть по нашему мнению **носителями ностратического праязыка были именно носители кукрекской культуры** [26, с. 336 - 357]. Данная книга есть в библиотеках. Всех желающих отсылаю к данной книге, она, в частности, доступна на сайте "Хронос" по адресу: http://www.hrono.info/libris/lib_r/rass00indo.html. Здесь кратко отмечу лишь четыре момента.

Первое. Украинский лингвист Владислав Маркович Иллич-Свитыч надежно обосновал теорию удаленного родства индоевропейских, афразийских (семито-хамитских), дравидских (южно-индийских), уральских, алтайских и картвельских языков. Эта языковая прасемья и называется **ностратической**. А это значит, что так же, как когда-то существовал единый народ-предок для всех индоевропейских народов, от языка которого произошли все современные индоевропейские языки, еще намного раньше существовал народ-предок для всех носителей ностратических языков.

В нашей монографии всесторонне обоснована **точка зрения, отождествляющая прародину индоевропейцев с территорией среднестоговской культуры эпохи энеолита**, то есть преимущественно с территорией Восточной Украины. Еще ранее В. И. Неприна [93, с. 139, 138] убедительно обосновала точку зрения относительно **происхождения уральских народов, то есть носителей культур ямочной керамики от носителей лисогубовской культуры "Днепро-Донского лесного и лесостепного междуречья"**. Итак, индоевропейские и уральские народы имели общие корни именно в кукрекской культуре эпохи мезолита.

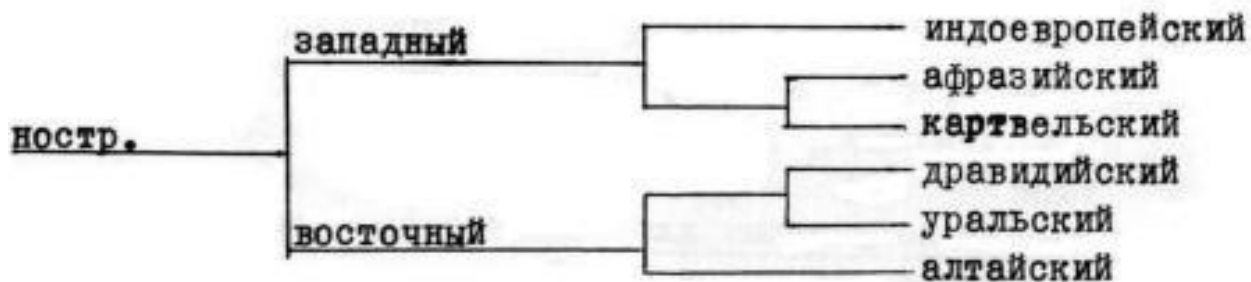

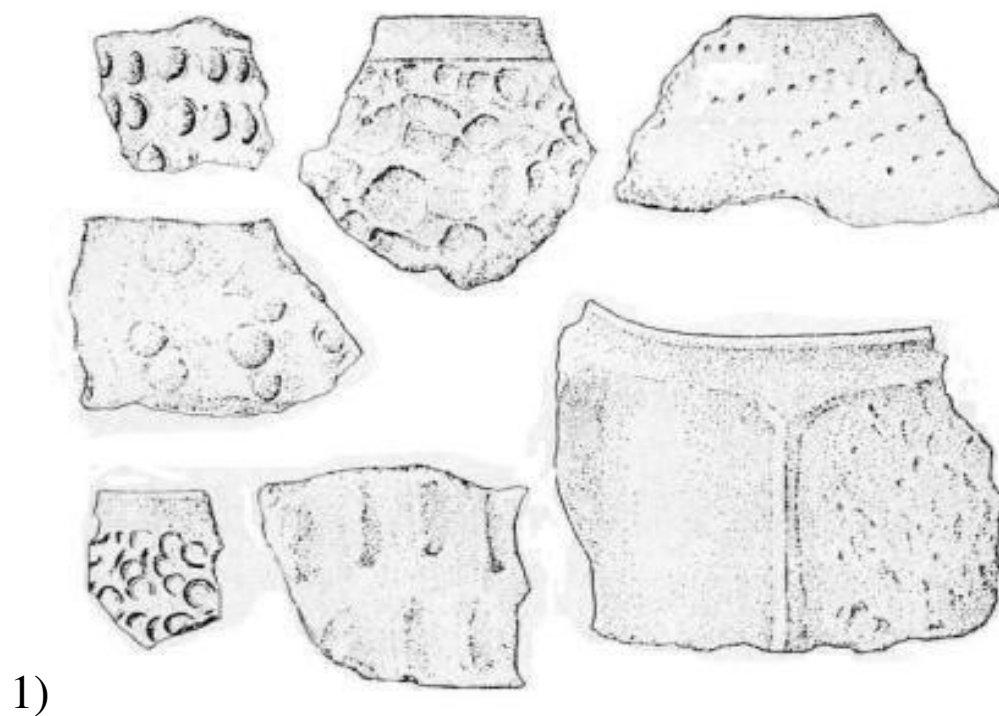
Рис. 4. Последовательность языковой дивергенции ностратических языков [96, с. 28].

Второе. Есть прямая генетическая связь между культурами раннего неолита Восточной Европы и некоторыми так называемыми "вторичными" культурами Среднего и Ближнего Востока. И эта связь свидетельствует о **переселении через район Южной Волги именно из Украины на Ближний Восток**. Интересно, что наиболее близки к уральским языкам дравидские и алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский). Среди керамики, скажем, неолита Восточной Монголии (р. Керулен) был также широко распространен ямочно-ребенчатый орнамент [97, с. 62]. Там и дальше на восток явно жили предки алтайских народов. Сейчас носители дравидских языков живут на юге Индии, но их исторические корни прослеживаются до юга современного Ирана. Такая языковая близость дравидских и уральских языков означает, что носители прадрavidского языка должны быть носителями археологической культуры, также родственной культуре ямочной керамики.

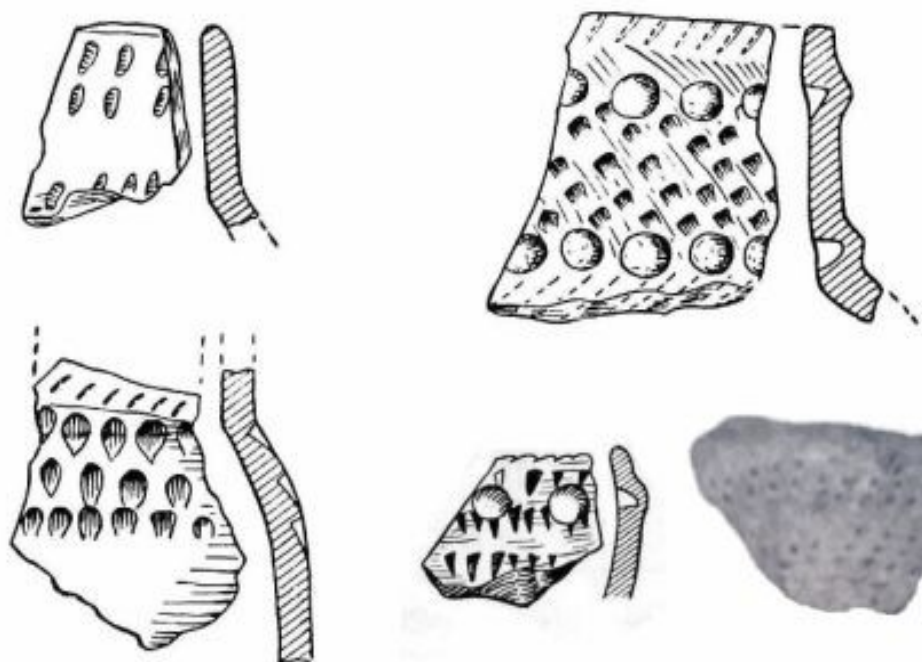
И действительно, в районе от Тебриза к Хорамбаду (Иранский Азербайджан) открыта **нерасписная керамика Далмы**. Ее поверхность «орнаментирована отпечатками трубчатой кости, расчески, острого предмета, пальцев, а также защепами или шишечками... она находится выше слоя с

расписной керамикой, датированной по C_{14} 4216 г. до н. э.» [37, с. 71-72]. Скорее всего, дата не калиброванная, тогда речь идет о конце VI тыс. до н. э. Легко можно увидеть родство этой керамики с ямочно-гребенчатой [Рис. 5].

«Керамика типа найденной в Далма Тепе до того была неизвестна в Иране, но ее можно сравнить с украшенной простым резным орнаментом посудой, найденной в Маттаре и Хассуне, с резаной и тисненой орнаментикой керамики Киликии, Сирии, Ливана и Палестины или Фессалии, Македонии и Балкан (комплекс Старчево)» [37, с. 72-73]. «На рубеже VII-VI тысячелетий до н. э. в Дезире и вдоль Загроса распространяется грубая керамика с растительными добавками. Она обнаруживает большое сходство. ...Архаичная грубая керамика с растительными добавками широко распространена в ассирийской степи, а вдоль предгорных равнин Загроса продвигается далеко на юг» [24, с. 284]. На всех поселениях халафской культуры тоже встречается неорнаментированная посуда «грубого изготовления» (примерно 5% всех фрагментов керамики), преимущественно горшки баночной формы. «У нас пока нет убедительных доказательств связи данной группы халафской посуды с любым из известных керамических комплексов Ближнего Востока, будь то анатолийский или сиро-палестинский» [94, с. 232 — 235]. Однако подобные «неорнаментированные и плохо обожженные обломки керамики» известны в матвеевокурганской культуре (близкой к сурской культуры) в районе Таганрога, датированной серединой VII тыс. до н. э [25, с. 11, 13]. Мы связываем эту грубую керамику с распространением на Ближнем Востоке носителей ностратических языков — предков афразийских народов.

1)

2)

Рис 5. Нерасписная керамика Далмы [37, с. 72] (1) и ямочная керамика Украины (2) [93, с. 42 - 43].

Очевидно, что эти племена были преимущественно пастухами. **Ностратические племена** привели с собой из

Украины на Ближний Восток крупный рогатый скот. В. И. Бибилова отметила, что в халафской культуре «Крупный рогатый скот представлен рогатой формой примигенного типа *Bos taurua f. primigenius*. Морфологически и остеометрически крупный рогатый скот Ярымтепе II достаточно хорошо отличается от тура, что свидетельствует о длительности существования его в домашнем состоянии. Скот Ярымтепе II идентичен со скотом неолита и энеолита Южной Туркмении, скотом из поселения Чатал-Уйюк в Анатолии, докерамического периода Тель эс-Султан около Иерихона, неолитического поселения Фикиртепе на побережье Боспора. Такое же сходство скота Ярымтепе II устанавливаем со скотом из докерамических слоев поселения Аргисса-Магула и несколько более позднего Неа-Никомедия в Греции, а также со скотом всех культур неолита и энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы — линейно-ленточной керамики, Лендел, Боян, Старчево-Криш, Кереш, трипольской в Украине, майкопской на Северном Кавказе. Крупный рогатый скот на всем пространстве, прилегающем к зоне теплых межконтинентальных морей, в VI — IV тысячелетиях до н. э. представлял собой единую форму, что можно считать признаком *единства его развития и происхождения вида*» [23, с. 305].

В то же время на памятниках предыдущей хассунской культуры «абсолютно преобладают остатки домашних овцы и козы, а костей быка становится меньше» [24, с. 279]. Причем речь идет именно о костях дикого быка: «Кости первобытного тура с Тель Магзалия отличаются от широко распространенного в Европе, ныне вымершего тура мелкими размерами. Учитывая то, что в плейстоцене и раннем голоцене Ближнего Востока встречаются остатки тура, не имевшего таких значительных размеров, как европейские формы, есть

все основания относить кости крупного полорогого с Тель Магзалия не к домашнему быку, а к первобытному вымершему туру» [95, с. 298 — 299].

Если крупный рогатый скот имеет монофилетическое происхождение, значит, он был приручен *один раз и в одном районе*. Этот район хорошо известен: коровы впервые были приручены еще в мезолите в кукрекской культуре на Юге Украины. Это — еще одно свидетельство того, что **во время неолита культурные влияния Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы были взаимными, а переход к производящему хозяйству там происходил одновременно и параллельно.**

Третий момент, на который следует обратить внимание относительно доказательства тождества кукрекской культуры и ностратической языковой общности. В работе В. А. Дыбо и В. А. Терентьева сделан убедительный анализ ностратической культурной лексики, который позволяет определить *время распада ностратической общности эпохой конца мезолита — начала неолита*, т. е. примерно VIII тыс. до н. э. Это реконструированные слова со значением 'укрепленное поселение', 'глина, мазать глиной', 'горшок', 'время сбора урожая', 'теленок', 'ягненок', 'молодняк, приплод', 'защищать, заботиться, кормить, пасти', 'дикий' (а значит, должен быть и 'домашний!') [96, с. 18-20]. То есть реалии ностратической эпохи совпадают с природными и культурными реалиями кукрекской культуры на Юге Украины.

Еще один важный момент. Хотя в связи с продвижением в лесные районы уральские племена перешли к экономике, которая базировалась на рыболовстве, собирательстве и охоте, «племена с ямочной керамикой, безусловно, в определенной степени были знакомы с производящим хозяйством», о чем свидетельствуют кости крупного рогатого скота, каменные

мотыги и серпы, а также пыльца культурной пшеницы [93, с. 139-140]. И в неолитической культуре на востоке Монголии были найдены остатки крупного рогатого скота (даже культ быка!), а также мотыг, пестов, зернотерок [97, с. 63, 66-67].

И, наконец, четвертый момент связан с современными исследованиями в области молекулярной генетики человека. После полной расшифровки генома человека стало возможным достаточно точно определять степень биологической близости между собой различных популяций людей, в том числе представителей разных народов. Особое значение для этого приобрели исследования специфически мужской *Y-хромосомы*.

«Исследование variability Y-хромосомы в современных популяциях, эволюции ее линий и их географического распространения позволило прояснить проблемы происхождения и расселение анатомически современного человека, реконструировать некоторые пути древних миграций, описать структуру и происхождение генетического разнообразия в различных регионах мира» [98]. Дело в том, что Y-хромосомы передаются только по мужской линии, изменяясь лишь за счет случайных мутаций. То есть носители той же мутации — это потомки одного и того же мужчины. Эти мутации сейчас надежно определяют методами молекулярной биологии. «На филогенетическом дереве Y-хромосомы современного человека выделено 18 основных клад, обозначенных буквами латинского алфавита от А до R» [98]. Эти основные мутации, в свою очередь, потом давали новые, дополнительные мутации, например, R1a, R1b и т.д. Такие совокупности носителей той же мутации называются *гаплогруппы*.

Нас в данном случае наиболее интересует гаплогруппа R1a. «Согласно распространенной гипотезе, носители R1 в

результате продвижения ледников в Европе оказались в изоляции друг от друга. Те из них, кто пережил тяжелые времена в Испании, начали расселяться оттуда с началом потепления 10-15 тыс. лет назад по Западной Европе как носители гаплогруппы R1b. А остальные выжили в Северном Причерноморье и 6-8 тыс. лет назад развили индоевропейскую экспансию на запад и восток как носители гаплогруппы R1a. Племена позднего палеолита, носители R1a и отдаленные предки славян, от степей Восточной Европы дошли до Алтая, оставив след в генофонде алтайских народов, киргизов (более 60%) и таджиков, и проникли в Индию (35-45% на севере Индии)» [99]. «Украинское происхождение гаплогруппы **R1a** независимо подтверждено по многим направлениям исследований, включая основной компонент анализов, микросателлитной вариации и определения частотности» [100]. То есть у украинцев данной гаплогруппы не больше всех (около 50%, примерно столько же у поляков и южных русских), однако она здесь наиболее разнообразна.

И, соответственно, разные исследователи [например: 101] довольно единодушно связывают эту гаплогруппу с индоевропейской общностью, а конкретно с «курганной культурой, носители которой впервые приручили коня». Очевидно, это полностью совпадает с основной концепцией моей книги «Украинская прародина индоевропейцев» и является еще одним ее подтверждением.

Безусловно, все это прекрасно. И надо согласиться, что значительная доля истины в этом есть. Действительно, индоевропейцы в процессе своей экспансии широко разнесли в своих генах данную гаплогруппу. Однако знакомство с конкретными результатами молекулярно-генетических анализов различных этнических групп заставляет усомниться, что все так просто.

Во-первых, данные у разных исследователей могут расходиться в разы. Во-вторых, не у всех индоевропейцев данный маркер преобладает. Например, у греков его меньше 12%, у албанцев — менее 10%, у голландцев - менее 4%, столько же у северных и центральных итальянцев, а во многих южных итальянцев этого маркера вообще не нашли! Очень мало его и у жителей Британских островов, особенно ирландцев — те явно генетически ближе к неиндоевропейским по языку баскам. Собственно, по всей Западной Европе преобладает гаплогруппа R1b, а на Балканах - местная древняя гаплогруппа I (ее много и в Скандинавии).

С другой стороны, гаплогруппа R1a преобладает у целого ряда неиндоевропейских народов. Так, ее очень много у венгров (что, правда, можно отнести к наследию завоеванного венграми индоевропейского населения). Но этим нельзя объяснить 63% R1a у киргизов, подобные значения в алтайцев. Очень много данной гаплогруппы в угро-финских народов: около 40% в удмуртов. Серьезное количество этого гаплогруппы есть не только у арийских, но и у дравидских народов Индии, а также у арабов. Есть она даже у эскимосов [102]! Есть и у грузин, турок, монголов, ненцев, селькупов и практически всех других ностратических народов.

В целом логичной выглядит гипотеза: если установлено, что гаплогруппа R1a возникла в Украине, а с другой стороны, прародина всех ностратических языков (и народов) тоже скорее всего находится на территории Украины, то следует считать, что **распространение гаплогруппы R1a определяет распространение вообще всех ностратических народов, не обязательно индоевропейцев.**

Итак, следует сделать вывод, что началу грандиозного процесса расселения ностратических народов эпохи неолита до Африки, Якутии и Маньчжурии дал первый толчок именно

«демографический взрыв» на Юге Украины вследствие самостоятельного перехода местного населения к производящему хозяйству.

5. Общие выводы и предложения

Как видим, роль населения Древней Украины в культурном развитии человечества была поистине уникальной. **Именно территория Украины (прежде всего Южной и Восточной) была центром происхождения всех ностратических, а затем индоевропейских языков. Этот регион был также самостоятельным центром возникновения производящего хозяйства, то есть "неолитической революции".** Здесь впервые в мире приручили коров, свиней и лошадей. Можно предполагать, что здесь впервые в мире начали выращивать такие культурные растения, как просо, рожь, лук, свекла, чеснок, алыча, культурная вишня, виноград, мак, конопля, а также местные формы пшеницы, ячменя, овса, чумизы, гороха, чечевицы, вики, чины, капусты, репы, редьки, моркови, яблони, груши, черешни, сливы, льна и т.д. Не исключено, что здесь самостоятельно приручили также овец и коз.

Особое внимание надо еще раз уделить двум моментам. Во-первых, еще в начале мезолита в Крым попало ближневосточное население натуфийской культуры с развитыми навыками собирательства. Поскольку Крым является крайней северной границей распространения многих ключевых ближневосточных растений, в частности дикой пшеницы, именно здесь население испытывало наибольшую потребность в **искусственном** увеличении их количества, то есть в переходе от собирания к посеву. И тем более это было важным для кукрекского населения, которое

распространилось от Горного Крыма в Северную Таврию. Во-вторых, именно в Северной Таврии сохранился совсем другой набор диких предков культурных растений, среди которых были **просо**, лук, чеснок, свекла. Так что не исключено, что наиболее ранние попытки развития земледелия были сделаны не в Крыму, а именно в Северной Таврии.

В связи с этим еще неизмеримо возрастает значение **Каменной Могилы** как уникального памятника духовной жизни предков не только всех индоевропейских, но и всех неостратических народов.

Концепция Южно-Украинского центра неолитической революции предусматривает дальнейшую реализацию целой исследовательской программы. Можно определить следующие составляющие этой **исследовательской программы**:

I. В области археологии:

1) Особое внимание уделить поиску и исследованию поселений кукрекской, горнокрымской и гребениковской мезолитических культур. На этих поселениях **ОБЯЗАТЕЛЬНО** проводить **подробнейшие палеоботанические исследования**. В частности, делать палинологические пробы из заполнения жилищ и очагов. Также обязательно проводить промывки на биологических ситах образцов грунта из культурного слоя, особенно углисто-золистых линз культурного слоя у костров, с пола жилых и хозяйственных помещений.

2) В целях организационного обеспечения вышеупомянутого установить регулярное рабочее сотрудничество с Институтом ботаники НАНУ, НИИ растениеводства им. Юрьева и другими профильными учреждениями. Провести совместные семинары и учебные курсы ботаников и археологов, желателен с привлечением

ведущих иностранных специалистов.

3) Провести повторное обследование всех уже собранных коллекций кукрекской, гребениковской и горнокрымской культуры. При обследовании обратить особое внимание на возможность нахождения палеоботанического материала: зерен и их отпечатков, а также образцов растительной пыльцы.

4) Организовать широкое сравнение археологического материала кукрекской и производных от нее культур с материалами раннего неолита других регионов Евразии с целью установления маршрутов продвижения ностратических народов. Провести по этой проблематике международные конференции и организовать международные научные командировки украинских археологов.

II. В области зоологии и палеозоологии:

1) Провести полное обследование всех археологических коллекций мезолитической эпохи с Юга Украины с целью инвентаризации всего костного материала. Для повторного определения видовой принадлежности этого материала домашнему скоту пригласить в Украину ведущих палеозоологов мира.

2) Провести *массовый радиоуглеродный анализ* костного материала домашнего скота мезолита Украины в ведущих лабораториях мира, с целью окончательного установления его калиброванных дат.

3) Выделить из костей и зубов мезолитического скота Украины фрагменты ДНК и сравнить их с ДНК ископаемого скота из других регионов и ДНК современных пород.

4) Установить таким же образом генетическое родство неолитических овец и коз Украины с ископаемыми муфлонами и безоаровыми козлами Европы или Ближнего Востока.

III. В области ботаники:

1) Провести всестороннее молекулярно-генетическое обследование всех разновидностей крымской дикой и культурной пшеницы-однозернянки, а также всех крымских эгилопсов. Сравнить данные этого обследования с другими регионами.

2) Провести ботанические поиски в Крыму дикой пшеницы-двузернянки и горной ржи. С общетеоретической точки зрения они там должны расти с большой вероятностью.

3) Организовать комплексную ботаническую экспедицию в район Северного Приазовья с целью поиска диких сородичей культурных растений (особенно злаков). Особое внимание обратить на долины рек Молочной, Берды, Кальмиуса, впадины Приазовской возвышенности и Донецкого кряжа. Наибольшее значение в этих местах уделить поискам дикого проса.

4) Организовать широкомасштабное молекулярно-генетическое исследование **сорных** разновидностей проса и определить, какая из них является первоначальным диким просом.

5) Провести такие же исследования в отношении местных южно-украинских диких и культурных чеснока, лука и свеклы.

6) Определить возможную роль переноса генетического материала от эгилопсов к дикой или горной ржи.

Конечно, этот список необходимых исследовательских мероприятий никоим образом не является исчерпывающим. Некоторые из коллег ссылаются на отсутствие средств. По нашему мнению, реально речь идет об **отсутствии желания** найти эти средства, найти спонсоров, популяризировать свои исследования среди политиков и депутатов (утверждающие бюджеты). Желая всем коллегам веры и воодушевления.

Литература:

1. Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К.: Наукова думка, 1982. - 256 с.
2. Бибииков С. Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба і гроте Мурзак-Коба в Крыму. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — М., 1946, XIII.
3. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. — Советская археология, 1957, № 2.
4. Столяр А. Д. Об одном центре одомашнивания свиньи. — Советская археология, 1959, № 3. — С. 3 — 18.
5. Телегін Д. Я. Про становлення скотарства і землеробства на південному заході Європейської частини СРСР. — Археологія, 1977, 21.
6. Громова В., Громов В. И. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии // Труды Ассоциации истории четвертичного периода, 1957, вып 1.
7. Бибиикова В. И. Фауна из навеса Фатьма-Коба. - Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1959. - № 8.
8. Дмитриева Е. Л. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II і Таш-Аир I // Материалы и исследования по археологии СССР. № 91. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. 166 - 187.
9. Давид А. И. Новые находки остатков антропогенных млекопитающих на территории Молдавии // Антропоген Молдавии. - Кишинев: Штиинца, 1969.
10. Крижевская Л. Я. К вопросу о формах хозяйства неолитического населения в северо-восточном Приазовье //

Первобытный человек и природная среда. - М.: Наука, 1974.

11. Вінокур І. С., Телегін Д. Я. Археологія України: Підручник для студентів історичних спеціальностей вищих навчальних закладів. - Тернопіль: Навчальна книга — Богдан, 2004. - 480 с., іл.

12. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. № 91. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 192 с.

13. Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. - К.: Наукова думка, 1977. - 180 с.

14. Археологія України: Курс лекцій: Навчальний посібник / Л. Л. Залізняка, О. П. Моця, В. М. Зубар та ін.; за ред. Л. Л. Залізняка. - К.: Либідь, 2005. - 504 с.

15. Журавльов О. П., Котова Н. С. Тваринництво неолітичного населення України // Археологія, 1996, № 2. - С. 3 — 17.

16. Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. - М.: Наука, 1970. - 280 с.

17. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). - М.: Наука, 1980. - 336 с.

18. Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. - М.: Наука, 1989. - 444 с.

19. Даниленко В. М. Кам'яна Могила. - К.: Наукова думка, 1986. - 152 с.

20. Дулицкий А. И. Биоразнообразиие Крыма. Млекопитающие: История, состояние, охрана, перспективы. - Симферополь: СОНАТ, 2001. - 208 с., ил.

21. Підоплічко І. Г. Походження свійських тварин. - К.: Вид-во АН УРСР, 1952. - 56 с.

22. Кульбака В., Качур В. Індоевропейські племена

эпохи палеометаллу. – Мариуполь: Рената, 2000. – 80 с.

23. Бибикина В. И. Животноводство в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. (по материалам халафского поселения Ярымтепе II) // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. – М.: Наука, 1981. – С. 299 – 307.

24. Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях телль Магзалия, телль Сото, Кюльтепе. – М.: Наука, 1989. – 368 с.

25. Цыбрий В. В. Неолит Дона и Северо-Восточного Приазовья: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Санкт-Петербург: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2005. – 20 с.

26. Рассоха И. Н. Украинская прародина индоевропейцев. - Харьков: ХНАМГ, 2007. - 392 с.

27. Маркевич В. И. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 176 с.

28. Flannery K. Origins and ecological effects of early domestication in Iran and The East // *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1972.

29. Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. - Ленинград: Наука, 1987. - 320 с.

30. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V– I тысячелетиях до н. э. – Симферополь: Крым, 1969. – 328 с.

31. Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. - К.: Наукова думка, 1985. - 184 с.

32. Коробкова Г. Ф. Экспериментально-

трасиологическое изучение древних серпов и мезолитических орудий // Археологические открытия 1976. - М.: Наука, 1977. - С. 455-456.

33. Лисицина Г. Н. Древнейшие палеоэтноботанические находки в Северной Месопотамии // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. – М.: Наука, 1981. – С. 291 – 299.

34. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи: Систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование. 3-е изд. – Ленинград: Колос, 1971. – 752 с.

35. Яневич А. А. Хозяйство мезолитического и неолитического населения Горного Крыма // Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. Сборник научных трудов. - К.: Наукова думка, 1990 — С. 102 — 111.

36. Зализняк Л. О трипольцах, семитах и нардепах-трипольеводах // Зеркало недели, № 18 (493) 15 — 21 мая 2004.

37. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

38. Цвелев Н. Н. Значение злаков в жизни человека // Жизнь растений в шести томах / Под ред. А. Л. Тахтаджяна >> http://zr.molbiol.ru/roaseae_znachenije.html [Электронный ресурс].

39. Фляксбергер К. А. Пшеницы однозернянки // Труды по прикладной ботанике и селекции. Том XV. - Ленинград, 1925. - С. 207-237.

40. Дроздов Н. А. Дикая и культурная однозернянка в Крыму // Труды по прикладной ботанике и селекции. Том 13. - Петроград, 1923. - С. 515-522.

41. Брежнев Д. Д., Коровина О. Н. Дикие сородичи культурных растений флоры СССР. - Ленинград: Колос, 1981. - 376 с.

42. Прокудин Ю. Н., Вовк А. Г., Петрова О. А., Ермоленко Е. Д., Верниченко Ю. В. Злаки Украины (анатомо-морфологический, кариосистематический и эколого-фитоценотический обзор) / Под ред. Ю. Р. Шеляг-Сосенко. – К.: Наукова думка, 1977. – 520 с.

43. Вавилов Н. И. Происхождение и география культурных растений. – Ленинград: Наука, 1987. – 440 с.

44. Harlan J. R., Zohary D. Distribution of wild wheat and barley // Science, 1966. Vol 153.

45. Лисицына Г. Н. Проблемы становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоботанических исследований в Передней Азии // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 180. - М., 1984.

46. Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев: Штиинца, 1976. – 216 с.

47. Конарев В. Г. Молекулярно-биологические исследования генофонда культурных растений в ВИРе (1967–2007гг.). 2-е изд. СПб.: ГНЦ РФ ВИР, 2007. - 136 с.

48. Wang, Zhengxun; Zeller, F.J. Аналіз С-бендінга [хромосом] *A. longissima* і ідентифікація додаткових ліній *A. longissima*/Чайниз-Спринг, субституцій и транслокацій [Text] / Zhengxun Wang, F. J. Zeller // *Yichuan xuebao = Acta genet. sin.* - 1992. - Vol. 19, N 6. - С. 517-522.

49. Головнина К. А. Использование молекулярных маркеров для установления филогенетических взаимоотношений видов в родах *Triticum* L. и *Iris* L. Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата биологических наук. - Новосибирск: Ин-т цитологии и генетики СО РАН, 2008.

50. Liu , B.; Segal, G.; Rong, J.K.; Feldman, M. A chromosome-specific sequence common to the B genome of polyploid wheat and *Aegilops searsii* [Text] / B. Liu [et al.] // *Plant Syst. and Evol.* - 2003. - Vol. 241, N 1-2. - С. 55-66.

51. *Aegilops tauschii* Coss. - Эгилопс Тауша >> http://www.agroatlas.ru/related/Aegilops_tauschii_ru.htm [Электронный ресурс].

52. Смурова С. Г. Новые источники и доноры устойчивости пшеницы к *cochliobolus sativus* Drechs. Ex Dastur. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Специальность: 06.01.11 – защита растений. - Санкт-Петербург, 2008. - 18 с.

53. *Aegilops triuncialis* L. - Эгилопс трехдюймовый >> http://www.agroatlas.ru/related/Aegilops_triuncialis_ru.htm [Электронный ресурс].

54. Are neopolyploids a likely route for a transgene walk to the wild? The *Aegilops ovata* * *Triticum turgidum durum* case [Text] / Jacques L. David [et al.] // *Biol. J. Linn. Soc.* - 2004. - Vol. 82, N 4. - С. 503-510.

55. Галаев О. В. Мінливість геному пшениці *triticum aevistivum* при віддаленій гібридизації її з *aegilops cylindrica*. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеню кандидата біологічних наук. - К.: Ін-т молекулярної біології та генетики НАНУ, 2006. - 16 с.

56. Garrod D., Bate D. The Stone age of mount Garmel. - Oxford, 1937.

57. Культурная флора СССР: т. II, ч. 2. Ячмень / М. В. Лукьянова, Г. Н. Гудкова, А. Я. Трофимовская, И. А. Терентьева, Н. П. Ярош. Под ред. В. Д. Кобылянского, М. В. Лукьяновой. – Ленинград: Агропромиздат, 1990. – 421 с.

58. Трофимовская А. Я. Ячмень (эволюция, классификация, селекция). - Ленинград: Колос, 1972. - 296 с.

59. Baum, Bernard R.; Johnson, Douglas A. The 5S rRNA gene units in ancestral two-rowed barley (*Hordeum spontaneum* C. Koch) and bulbous barley (*H. bulbosum* L.): Sequence analysis and phylogenetic relationships with the 5S rDNA units of cultivated barley (*H. vulgare* L.) [Text] / Bernard R. Baum, Douglas A. Johnson // *Genome*. - 1996. - Vol. 39, N 1. - С. 140-149.

60. Культурная флора СССР. Том II. Часть I. Рожь / В. Д. Кобылянский, А. Е. Корзун, А. Г. Катерова, Н. С. Лапиков, О. В. Солодухина; Под ред. В. Д. Кобылянского. - Ленинград: Агропромиздат, 1989. - 368 с.

61. Bastarde aus spontaner Kreuzung zwischen *Secale silvestre* und *S. cereale*. (K. Szigat, G. urzmitt) [Text] / Gisela. Szigat // *Arch. Zuchtungsforsch.* - 1986. - Vol. 16, N 5. - С. 249 — 252.

62. Писарев В. Е. Происхождение мягкой пшеницы // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 36. Вып. 1 — Ленинград: Колос, 1964. - С. 5-23.

63. Лысов В. Н. Просо. - Ленинград: Колос, 1968. - 224 с.

64. Horf M. Bericht über die Untersuchung von Samen und Holzkohlresten von drei Agrissa-Maghula aus der präkeramischen bis mittelbronzezeitlichen Schichten. // Milošević V., Boessneck J. and Horf M. "Die Deutschen Ausgrabungen auf der Agrissa-Maghula in Thessalien". Bonn, 1962.

65. Цвелев Н. Н. Злаки СССР. – Ленинград: Наука, 1976. – 788 с.

66. Ушкаренко В. О., Аверчев О. В. Просо – на півдні України. - Херсон: Олді плюс, 2007. - 196 с.

67. Кротов А. С., Лысов В. Н., Соколова И. И. Крупяные культуры (гречиха, просо, рис). Культурная флора СССР. Т.

Ш. - Ленинград: Колос, 1975. - 364 с.

68. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья // Советская археология, 1957. - № 1.

69. Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья: Палеоэтноботанические исследования. - Кишинев: Штиинца, 1986. – 92 с.

70. Барулина Е. О. О засорении посевов хлебов однозернянкой в Крыму // // Труды по прикладной ботанике и селекции. Том 14. - Ленинград, 1925. - С. 136-139.

71. Овес. Матеріал з Вікіпедії — вільної енциклопедії [Електронний ресурс] >> <http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B2%D0%B5%D1%81>.

72. Декандоль А. Местопроисхождение возделываемых растений. Пер. с фр. / Под ред. Х. Гоби. - Спб.: Издание К. Риккера, 1885. - 490 с.

73. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи: Систематика, география, цитогенетика, экология, происхождение, использование. 2-е изд. - Ленинград: Колос, 1964. - 792 с.

74. Генетика и селекция гороха / Под ред. В. В. Хвостова. - Новосибирск: Наука, 1975. - 268 с.

75. *Pisum arvense* L. - Горох полевой [Електронний ресурс] >> http://www.agroatlas.ru/related/Picum_arvense/.

76. *Pisum elatius* Vieb. - Горох высокий [Електронний ресурс] >> http://www.agroatlas.ru/related/Picum_elatius_ru.htm.

77. Вехов В. Н., Губанов И. А., Лебедева Г. Ф. Культурные растения СССР. - М.: Мысль, 1978. – 336 с., ил.

78. Алексеева М. В. Культурные луки. - М.: Гос. изд-во сельхоз. лит-ры, 1960. – 304 с.

79. Культурная флора СССР. Т. XIX. Корнеплодные растения (семейство Маревых — свекла, семейство Зонтичных

— морковь, петрушка, сельдерей, пастернак) / Красочкин В. Т., Сечкарев Б. И., Сазонова Л. В., Левандовская Л. И. - Ленинград: Колос, 1971. - 436 с.

80. Редька приморская // Редкие растения и животные Крыма [Электронный ресурс] >> // krasnaya-kniga.ru/mohoobraznye-rastenia/redka-primorskaa.html.

81. Шебалина М. В., Сазонова Л. В. Культурная флора СССР. Т. 18. Корнеплодные растения (семейство Капустных – репа, турнепс, брюква, редька, редис). - Ленинград: Агропромиздат, 1985. – 324 с.

82. *Carum carvi* L. – Тмин обыкновенный [Электронный ресурс] >> http://www.agroatlas.ru/ru/content/related/Carum_carvi/.

83. *Cerasus avium* (L.) Moench — Вишня птичья, черешня [Электронный ресурс] >> http://www.agroatlas.ru/ru/content/related/Ceratus_avium/.

84. Еремин Г. В. Алыча. - М.: ВО "Агропромиздат", 1989. – 112 с.

85. Якименко А. Ф. Просо. - М.: Россельхозиздат, 1975. — 146 с.

86. Рыбин В. А. Гибриды терна и алычи и проблема происхождения культурной сливы // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Серия 2, 1936. - № 10.

87. Болгарев П. Т. Виноград // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – Т. 5. – С. 78-79.

88. Воскресенская Г. С. Мак // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – Т. 15. – С. 227.

89. Аксенова Л. А. Мак [Электронный ресурс] >> <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200103904>.

90. Панченко С. М. Флора національного природного парку «Деснянсько-Старогутський» та проблеми охорони фіторізноманіття Новгород-Сіверського Полісся. - Суми:

Університетська книга, 2005. — 170 с.

91. Сумах дубильний. Матеріал з Вікіпедії — Вільної енциклопедії [Електронний ресурс].

92. Мерперт Н. Я. «Неолитическая революция» и ее памятники // Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М.: Наука, 1982. – С. 3 – 11.

93. Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. – К.: Наукова думка, 1976. – 152 с.

94. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. – М.: Наука, 1981. – 320 с.

95. Гаджиев Д. В. Фауна с поселения Телль Магзалия // Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях телль Магзалия, телль Сото, Кюльтепе. – М.: Наука, 1989. – С. 297-299.

96. Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 5. Проблемы изучения ностратической прасемьи языков. – М.: Наука, 1984. – С. 3-20.

97. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с., ил.

98. Степанов В. А., Харьков В.Н., Пузырев В.П. Эволюция и филогеография линий Y-хромосомы человека // Вестник ВОГиС, 2006, Том 10, № 1.

99. Генофонд славян. Материал из Википедии – свободной энциклопедии >> <http://ru.wikipedia.org/wiki/> [Електронний ресурс].

100. Haplogroup R1a (Y-DNA) From Wikipedia, the free encyclopedia/ [Електронний ресурс].

101. Semino et al. (2000), “The Genetic Legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in Extant Europeans: A Y Chromosome Perspective”, Science 290: 1155–59, PMID 11073453.

102. McDonald J. D. Y Haplogroups of the World. >>
<http://www.scs.uiuc.edu/~mcdonald/WorldHaplogroupsMaps.pdf>
[Электронный ресурс].

103. Лисицина Г. Н., Прищепенко Л. В.
Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока.
— М.: Наука, 1977. — 126 с.

104. Помология: В 5 тт. Т. I: Яблоня / М. В. Андриенко, Н. В. Артеменко, В. В. Данник и др.; Науч. Ред. В. П. Копань. - К.: Урожай, 1992. - 352 с.: ил.

105. Лихонос Ф. Д., Туз А. С., Лобачев А. Я. Культурная флора СССР. Т. XIV. Семечковые (яблоня, груша, айва) / Под ред. В. Л. Витковской и О. Н. Коровина. - М.: Колос, 1983. - 320 с.

106. Казакова А. А. Культурная флора СССР. Т. X. Лук / Под ред. П. М. Жуковского и О. Н. Коровиной. - Ленинград: Колос, 1978. - 264 с.

107. Помология. Т. 3: Абрикос, персик, алыча / Н. Г. Агеева, В. М. Горина, В. В. Павлюк и др.; Науч. Ред. О. Д. Чиж, В. В. Павлюк. - К.: Урожай, 1997. - 280 с.: ил.

Аннотация

В данной статье обоснована концепция отдельного независимого центра происхождения производящего хозяйства на Юге Украины. Здесь еще в эпоху мезолита были приручены коровы и свиньи. Также есть серьезные основания для вывода о самостоятельном зарождении в данном регионе земледелия. Здесь растут дикие родичи почти всех культурных растений, которые впоследствии стали основой местного земледелия. Можно предполагать, что тут впервые в мире начали выращивать такие культурные растения, как просо, рожь, лук, свекла, чеснок, алыча, культурная вишня, виноград, мак, конопля, а также местные формы пшеницы, ячменя, овса, чумизы, гороха, чечевицы, вики, чины, капусты, репы, редьки, моркови, яблони, груши, сливы, льна и т.д. Не исключено, что здесь также приручили овец и коз. Основным центром «неолитической революции» тут стали Крым, Северное Причерноморье и Приазовье, где проживали носители горнокрымской и кукрекской культур. Существенным фактором является близкое родство носителей горнокрымской и натуфийской культур. В данной работе также обоснована концепция тождества носителей кукрекской культуры и праностратического языка. Вместе с крупным рогатым скотом они уже в начале неолита широко расселились по Старому Свету.

Summary

In this paper we proved the concept of a separate independent center of origin of the food-producing techniques in the South of Ukraine. Here since a Mesolithic period were domesticated cows and pigs. Also, there are substantial grounds to conclude the independent origin of agriculture in this region. Wild relatives of almost all cultivated plants, which subsequently became the basis of local agriculture, grow here. We can assume that here the first time in the world have started to grow cultivated crops such as millet, rye, onions, beets, garlic, cherry plum, cultural cherry, grape, poppy and hemp, as well as local varieties of wheat, barley, oats, foxtail millet, peas, lentils, lathyrus, vetch, cabbage, turnip, radish, carrots, apples, pears, plums, flax, etc. It is possible that sheep and goats too were domesticated here. The main center of "Neolithic revolution" were the Crimea, the Northern coast of the Black and Azov Seas, where lived representatives of the Highland Crimean (Gornokrymska) and Kukrek cultures. An important factor is the close relationship between Highland Crimean and Natufian culture. In this paper we also proved the concept of identity between holders of the Kukrek culture and Pre-Nostratic language. They had widely settled with their cattle in the Old World at the beginning of the Neolithic age.

—

**Выявление дальнего родства языков
методом сравнения 100-понятийных списков их базовой
лексики с соответствующими по значению списками слов
ностратической и сино-кавказской реконструкций**

*Памяти Сергея Анатольевича Старостина
посвящается*

1. Обоснование и описание метода

В отношении обоснования дальнего родства языков одним из наибольших современных авторитетов является российский ученый Сергей Анатольевич Старостин. Именно на его работы и подходы мы более всего стремились опереться. С. А. Старостин писал о *двух* подходах к обоснованию дальнего родства языков, и самое важное из написанного им об этом выделено нами далее *жирным курсивом*:

«Главное — это необходимость как-то «притереть» друг к другу российскую и американскую школы. *Оба подхода, на мой взгляд, имеют право на существование.* Прежде чем что-то реконструировать, устанавливать соответствие между языками, мы должны иметь хотя бы приблизительное представление о языковых семьях. Любимый пример Рулена — это индоевропейские языки. Конечно, представление о том, что есть индоевропейская семья, сложилось задолго до того, как возник сам сравнительно-исторический метод. Сначала просто заметили бросающиеся в глаза сходства между санскритом, латынью, греческим. *Не было никакой научной методике, тем не менее было вполне ясное представление о том, что индийские языки и европейские языки должны восходить к общему источнику, потому что иначе трудно объяснить*

наблюдаемые параллели. Только потом, когда стали анализировать эти сходства, обнаружилось, что есть регулярные соответствия, что нужно реконструировать праиндоевропейские формы и т.д. То есть *в каком-то смысле «массовое сравнение» оправданно.* И это — главный тезис американцев: даже индоевропейскую семью установили без всякого вашего сравнительного метода, почему же нельзя так же поступить и с остальными семьями? *Метод «массового сравнения», в сущности, — это почти отсутствие метода: просто смотришь на языки и видишь.* И действительно, возьмем, например, индоевропейские личные местоимения — «меня, *mich, moi*», во втором лице — «ты, тебя, *dich, toi*». Достаточно взгляда на систему личных местоимений, и мы вынуждены сказать, что здесь скорее всего общность происхождения. С другой стороны, возьмем северно-кавказские языки: лезгинские зун «я», вун «ты»; абхазские са «я», ва «ты». Сразу невооруженным взглядом видно, что это — другая семья, там другая система местоимений, и они очень сходны между собой. Для этого не требуется никакой работы, достаточно посмотреть, как будет «я» и «ты». *Кроме местоимений, можно набрать и еще какое-то количество сходной лексики.* До некоторого уровня такой подход себя оправдывает.

Но вот мы определили, где какие местоимения, а дальше? Личные местоимения — это чрезвычайно устойчивый и архаичный элемент, но за период в 10 — 12 тысяч лет даже и система личных местоимений исчезает — меняется на другую. При этом сходств в остальных сферах лексики остается еще меньше, *часто слова и корни меняются до полной неузнаваемости.* И тогда уже не остается никаких видимых критериев.

То есть *в какой-то момент массовое сравнение перестает работать. Утрачивается почти все.* Какие-то слова и корни сохраняются в языках, но уже классификацию по ним фактически определить невозможно.

А дальше — две возможности. Либо мы останавливаемся, говорим, что глубже классификации сделать невозможно. Довольно многие так и делают, считая, что есть временной лимит, предел, дальше которого наука бессильна. Либо мы должны предложить какой-то выход.

Вот этот выход как раз и предлагает российская школа — это реконструкция. Основное достоинство сравнительно-исторического метода заключается в том, что мы можем восстановить исходное состояние, конечно, приблизительно, условно, но, тем не менее, достаточно верно воссоздать и лексический состав праязыка, и его грамматику. *И тогда мы уже можем сравнивать не современные языки, а реконструированные, которые в случае родства, по логике вещей, должны быть ближе друг к другу, чем их современные потомки.* Поэтому выход из этой ситуации, преодоление этого временного барьера существует. И это — реконструкция. Рабочая платформа, на которой можно всех объединить, сказав, и мы хороши, и вы хороши, но мы все-таки лучше, потому что можем идти дальше и видеть глубже. Происходит масса баталий, но все-таки какая-то общая позиция находится» [1].

Т. е. можно «просто смотреть на слова разных языков и видеть» их сходство, причем такое массовое интуитивное сравнение есть оправданный научный метод исследования. Так считает крупнейший лингвист-компаративист современности. Другой метод, который он сам предлагает и отстаивает — это сравнение между собой не современных языков, а реконструированных, поскольку в

реконструированных очевидно лучше сохранилась древняя базовая лексика.

Предлагаемая нами в данной работе методика — это как раз попытка не примирить, а **синтезировать** американский и российский подходы к выявлению дальнего родства языков. Мы далее будем сравнивать не современные языки между собой и не реконструированные языки между собой, а **сравним современные (и древние) языки с реконструированными**. Причем в качестве реконструированных возьмем наиболее глубокие из более-менее достоверных реконструкций праязыков: **ностратическую реконструкцию** в том виде, в каком ее выставил на сайте «Вавилонская башня» [2] лично С. А. Старостин, приводя помимо собственных вариантов реконструкций (восходящих к В. М. Иллич-Свитычу при участии В. А. Дыбо и других ученых) также варианты реконструкции ностратических слов известного израильского ученого А. Б. Долгопольского, а также **сино-кавказскую реконструкцию** самого С. А. Старостина, размещенную на том же сайте «Вавилонская башня» [3].

С. А. Старостин указывал, что для сравнения языков «по-американски» **«Кроме местоимений, можно набрать и еще какое-то количество сходной лексики»**. Вопрос: какое количество и какой лексики? - Аргументированный ответ на этот вопрос мы находим у самого С. А. Старостина. В своей статье «О доказательстве языкового родства» он писал:

«Мы будем считать, что язык А является предком языка В, если

- а) все фонемы языка В выводятся из языка А;
- б) некоторая часть морфем (в том числе грамматических) и лексем языка В выводятся из языка А.

Существенным здесь является вопрос о том, какова

именно должна быть эта «некоторая часть». Ясно, что *речь должна идти о так называемой «базисной» лексике языка* в противовес культурной лексике, часто заимствуемой из языка в язык. Определение «базисной» лексики мы давать не будем, а *зададим ее списком, совпадающим со стандартным 100-словным списком Сводеша*. В принципе можно было бы предлагать и другие списки, однако список Сводеша уже вполне хорошо зарекомендовал себя на практике. Легко показать, что, скажем, любой романский, германский или славянский язык в своем 100-словном списке сохраняет около 90% слов, бытовавших в этом списке в прароманском (=латинском), прагерманском и праславянском языках соответственно. Любой современный индоевропейский язык в этом списке сохраняет порядка 50% слов, реконструируемых для гипотетического индоевропейского праязыка, и т. п. ...Когда я говорю об «общей» лексике или «сохранившейся» лексике, я имею в виду лексику, удовлетворяющую семантическим критериям стандартной лексикостатистики, т. е. слова, имеющие общую (соответствующую друг другу) форму и единое значение. Любая мена значения автоматически выводит слово из сравнения» [4, с. 782-783, 786].

Итак, суть предлагаемого нами метода исследований — сравнение реконструированной «базисной» лексики ностратического и синокавказского праязыков с соответствующей по значению «базисной» лексикой реальных языков. Причем набор этой «базисной» лексики соответствует 100-словному списку Сводеша. Путем сравнения этой базовой лексики мы будем искать **слова, имеющие общую (соответствующую друг другу) форму и единое значение.**

Но что значит здесь *«общая (соответствующая друг другу) форма слов»*? В той же статье С. А. Старостин дает

свой ответ: «Вопрос о непогрешимости фонетических соответствий давно обсуждается в сравнительном языкознании. Допустимы ли исключения из фонетических правил, и если да, то не подрывает ли это сформулированного выше пункта а)? На практике всякому компаративисту известны *случаи отклонений от регулярных соответствий* — объясняемых аналогиями, эвфемистическими, табуистическими или ономатопоэтическими причинами, а *зачастую никак не объясняемых* (причина нерегулярности вполне может быть не установлена). Имеет смысл поэтому говорить не о полностью регулярных, но о систематических соответствиях, т. е. о соответствиях, регулярно связывающих каждую фонему языка А с одной или несколькими фонемами языка В». [4, с. 785].

Если ведущий представитель «российского» подхода к выявлению дальнего родства языков предусматривает в вопросе соответствия слов по фонетической форме достаточно существенный «люфт», то в нашем «американском» случае достаточно постулировать **общий интуитивный принцип сходства слов по форме**. Впрочем, мы далее сформулируем ряд конкретных принципов сравнения слов, достаточных для признания нами их сходства по фонетической форме.

Повторяю, речь идет о признании сходства по форме **реальных** слов из **реальных** языков с **реконструированными** (причем разными исследователями **по-разному** реконструированными) словами:

1) Согласные ряда ʔ, h, q, k, γ, g и близких к ним считаются соответствующими друг другу. В разных языках варианты данных звуков часто выступают аллофонами

(например, g, k и γ в русском языке).

2) Согласные не различаются по звонкости, т. е. считаются одним звуком либо соответствующими друг другу d и t, b и p, š и ž, а также s, z, c и ž.

3) Важные аргументы в пользу родства – совпадение гласных и то, что слова начинаются с одинаковых звуков. “Давно было подмечено, что гласные и согласные, находящиеся в конце слова, в значительно большей степени подвержены всякого рода изменениям по сравнению с гласными и согласными в начале и внутри слова. Эта общая закономерность распространяется на все языки мира” [72, с. 65].

4) При совпадении согласных звуков несовпадение гласных не учитывается. Также не учитывается несовпадение гласных по ударению и тону.

Данные принципы мною использовались при определении **очевидного** родства слов. При определении **предположительного** родства также принимались во внимание:

5) Соответствие m и n;

6) Соответствие r и l;

7) Соответствие между собой č, š, ž, s, z, c, ž и близких к ним.

В ряде случаев, когда слова были очень близки по общей форме, очевидное родство признавалось и при данных соответствиях.

Никакие другие соответствия, например, связанные с палатализацией типа k – č, в расчет как правило не принимались.

Поскольку речь идет об применении нашего метода сравнения к любым языкам мира, то и соответствия между фонемами этих языков и фонемами реконструированных

языков должны быть **универсальными**. В отношении гласных звуков известны языки, где всего *один гласный* (вишрам, убыхский) [187, 188]. Из этого следует, что в принципе *любым* гласным ностратической и сино-кавказской реконструкций может соответствовать *любой* гласный реального языка. В отношении согласных “Консонантный минимум (имеющийся в каждом языке) составляют согласные 3 классов: 1) взрывные <p>, <t>, <k>; 2) фрикативный <s> или <h>; сонорные: обязательно <j>, хотя бы один плавный <r> или <l>, хотя бы один носовой <n> или <m>” [189, с. 304]. Т. е. все согласные звуки реальных языков и двух реконструкций допустимо отождествить со звуками <k / h>, <p>, <t>, <s>, <j>, <r / l>, <n / m>, а через них – друг с другом.

Еще В. М. Иллич-Свитыч отмечал: “При сопоставлении двух или нескольких заведомо неродственных (например, искусственно построенных) языков всегда обнаруживается определенный процент случайных сходств морфем, тем более высокий, чем менее строгими будут критерии формального и семантического тождества. По-видимому, *необходимо специальное доказательство того, что обнаруженные между сравниваемыми языками сходства не являются случайными*, а указывают на отдаленное языковое родство” [9, с. 4]. Данный момент нами учитывался, специальное доказательство приведено ниже.

Здесь же постулируем, что обнаруженные нами далее сходства между морфемами **статистически** не являются случайными. Это значит, что когда слово из современного или древнего языка **похоже по форме** на слово из ностратической или сино-кавказской реконструкций, то эта схожесть может со значительной вероятностью отражать реальное родство, но может и не отражать, т. е. быть случайным совпадением. Мы здесь не будем заниматься тем, что составляет основу работы

компаративистов: установлением регулярных фонетических соответствий. Но мы воспользуемся конечным результатом работы компаративистов в виде данных реконструкций.

В тексте данной работы могут встречаться выражения типа: “Всего в 100-словном списке ... языка *выглядят* очевидно ностратическими 40 слов”. Данное выражение **не следует** понимать так, что эти 40 слов *действительно являются* ностратическими либо что мы предлагаем считать их таковыми. Данное выражение следует понимать всего лишь как констатацию того факта, что данные слова **похожи** на ностратические и **могут** происходить от общеностратических. А могут быть и случайным созвучием. Но при условии реального родства данного языка с ностратическими таких реальных слов, похожих на ностратические реконструкции, будет **существенно** больше.

Так, если в ностратических реконструкциях понятия “дорога”, встречается слово *däRVga*, то это может быть, естественно, совершенно **случайным** совпадением с русским словом “*дорога*” (звучащим как *däRoga*), обозначающим то же самое понятие. Но все-таки есть немалая вероятность и того, что это сходство отражает генетическое родство русского языка с прочими ностратическими языками. Во всяком случае, в ностратических по происхождению языках подобных совпадений должно быть **статистически** больше, чем в языках, вовсе не родственных ностратическим.

Еще два принципиальных замечания.

Во-первых, использование 100-словного списка Сводеша никоим образом не означает согласие с выдвинутой М. Сводешем так называемой концепцией «глоттохронологии». В **некоторых** случаях расчеты по методам глоттохронологии могут служить **полезной аналогией** (но уж никак не истиной в последней инстанции). Но, по нашему мнению, как **общий**

принцип эта «теория», придуманная по аналогии с модной в 60-е годы прошлого века ядерной физикой **очевидно неверна**. Исследование В. И. Беликовым креольских языков продемонстрировало это с неопровержимой ясностью [6].

Еще один давно известный пример, опровергающий глоттохронологию – сравнение изменений за тысячу лет в исландском и норвежском языках: “Несмотря на простоту и элегантность используемого [в глоттохронологии] математического аппарата, он на самом деле работает не очень хорошо. Так, было показано, что для скандинавских языков скорость распада лексик за последнюю тысячу лет в исландском языке равнялась всего $\sim 0,04$, а в литературном норвежском - $\sim 0,2$ (вспомним, что сам Сводеш в качестве константы λ предполагал величину 0,14). Тогда получаются совершенно нелепые результаты: для исландского языка - около 100-150 лет, а для норвежского - 1400 лет самостоятельного развития, хотя из исторических данных известно, что оба языка развивались из одного источника и существовали независимо около 1000 лет” [99]. Очевидно, что в разных языках и в разных исторических ситуациях базовая лексика изменяется с **разной** скоростью. Более подробно мы анализировали этот вопрос в монографии «Украинская прародина индоевропейцев» [5, с. 351 — 356].

Но при этом выделение из всего массива лексик 100-словного списка базовой лексик как основы для **лексикостатистики** есть исключительно важное достижение совершенно безотносительно к несостоятельной «теории» глоттохронологии. **Сходство базовой лексик действительно служит надежным доказательством исторического родства языков.**

Во-вторых, исключительно острый вопрос, отчасти обесценивающий все дальнейшее изложение — это **проблема**

синонимов в 100-словном списке. Дело в том, что даже при «стандартном» использовании 100-словного списка часто невозможно выделить среди нескольких синонимов одно «главное» слово. Например, в нивхском языке 'быть белым' - о человеке будет *товд'*, о животном *чанд'*, о предмете *қанад'* [57, с. 25 — 26]. Поэтому реальные 100-словные списки редко бывают действительно 100-словными. Но сравнивают их так, как будто они действительно были бы таковыми. Так будем поступать и мы.

Совершенно очевидно, что чем больше синонимов в списке, тем выше вероятность того, что один из них случайно совпадет со словом-реконструкцией. Но мы далее лишь в **двух** случаях специально учитывали эту проблему. В целом же **подсчеты** велись так, как будто этой проблемы не существует. Далее мы специально остановимся на доказательстве оправданности такого подхода.

Везде, где это было возможно, мы старались снизить число синонимов в соответствии с дополнительным уточнением лексического значения слов из списка Сводеша:

/All/ (все) - в сочетании с конкретными существительными, например, "все люди", "все дома".

/Big/ (большой) - в сочетании со словами, обозначающими предметы, например, "большой камень", "большая река".

/Man/ (мужчина) - в значении "взрослый мужчина", как противоположность женщине, а не в значении "человек".

/Person/ (человек) - в значении "человек (как биологический вид)", но не в смысле "личность, лицо".

/Swim/ (плавать) - о человеке или животных, но не о предметах (лодках, кораблях и т.п.).

/Fat/ (жир) - как существительное, обозначающее жир животных (не как продукт питания), а не как прилагательное.

/Fly/ (летать) - о птицах и насекомых, но не о предметах

(листьях, самолетах и т.п.).

/Stay/ (стоять) - о человеке или животных, но не о предметах.

/This/ (этот) - об объектах первой степени удаленности (находящихся в поле досягания говорящего).

/That/ (тот) - об объектах третьей степени удаленности (находящихся одинаково далеко как от говорящего, так и от собеседника).

/Cold/ (холодный) - о веществах, но не о погоде, климате и т.п.

/Burn/ (жечь) - переходный глагол в контекстах "жечь дрова", "жечь костер" и т.п., но не в значении "гореть".

/Tongue/ (язык) - как анатомический термин, но не как средство общения.

/We/ (мы) - эксклюзивное местоимение ("мы без вас"), используемое в разговоре между равными партнерами.

/I/ (я) - нейтральное местоимение, используемое в разговоре между равными партнерами.

/Hair/ (волосы) - волосы на голове, а не на теле, а также волосы человека, но не животных.

/Tail/ (хвост) - хвост млекопитающих, пресмыкающихся и т.п., но не хвост рыб, насекомых и т.п. [8].

Однако существует и обратная проблема. Нам приходилось пользоваться словарями (а в паре случаев и «сырыми» текстами) разной полноты и качества. В ряде случаев точно соответствующего по смыслу слова не находилось, а лишь приблизительно или предположительно соответствующее. Подобные слова также включались в список, но с вопросом (?). Далее такие слова анализировались как обычные. Отмечу, что процент таких слов весьма невелик.

В ряде случаев соответствие слову из 100-словного списка было просто невозможно найти, либо из-за неполноты

словаря, либо из-за того, что данное понятие в словаре данного языка попросту отсутствует (как в юкагирском языке нет слова «семена»). Однако ни в одном из проанализированных языков среди 100 слов не было более *пяти* таких пробелов. [Единственное исключение представляет малоизученный язык шомпен (Никобарские острова, Индия), который был интересен в плане полного охвата всех языковых семей Евразии: там таких пробелов было девять, это специально оговорено и предложена методика коррекции полученного результата.]

Примерно таким же был подход и к составлению «100-словного» списка слов из ностратической и сино-кавказской реконструкций. Здесь очевидно речь идет не о 100 словах, а **обо всех словах, соответствующих 100 английским понятиям из 100-словного списка Сводеша**. Рекорд здесь — понятие «жечь» (burn): в ностратической реконструкции отыскалось 35 (!) слов с таким значением, правда многие из них — лишь как варианты одной и той же фонетической реконструкции. Или другой забавный пример: в ностратической реконструкции отыскалось шесть слов со значением «черный» (а также, как правило, «темный», «грязный»), и лишь одно с этимологией «белый, светлый»... В любом случае следует говорить не о 100-словном, а о **100-понятийном списке**.

При сравнении реальных слов с реконструкциями учитывалось, что в ряде реконструкций возможны разные варианты, и некоторые звуки в слове даны в круглых или квадратных скобках. В таких случаях если слово из реального языка лучше соответствовало реконструкции без звуков в скобках, то соответствующее реконструированное слово приводилось без подобных звуков.

Если в реальном языке было несколько диалектно разных,

но очевидно родственных слов, то бралось во внимание только то слово, которое наиболее соответствовало реконструкции. В ряде случаев приводились две разные диалектные формы, но они считались за одно слово. Точно так же если реальное слово соответствовало двум или более вариантам реконструкции, они считались единым вариантом. В некоторых случаях варианты реконструкций явно **дополняли** друг друга: так, в бирманском языке «нет» звучит как *мэхоу'ба*, тогда как в сино-кавказской реконструкции с этим значением есть слова *тə*, *h_wV*, *bV*.

Во всех случаях я оставлял слова всех языков в том написании, в каком нашел их в соответствующем словаре. Единственное исключение составляют щелкающие звуки (кликсы) в койсанских языках. Поскольку существуют все-таки правила их транскрипции в других языках [12], т. е. **общепринятые соответствия** между кликсами и обычными звуками других языков, нам показалось целесообразным передавать их в соответствии с этими правилами: | (dental click) обозначен как [c]; # (palatal click) — как [č]; ! (alveolar click) — как [q]; // (lateral click) — как [l]. Кроме того, иногда при написании слов в бирманском и ряде других языков игнорировались надстрочные знаки, обозначающие тон, ударение и длительность гласного звука. При изучении реального языка это было бы недопустимо, но в нашем случае, думаю, простительно.

Основным рабочим инструментом служила приведенная в **Приложении II** таблица. Поскольку почти все доступные мне словари были либо на английском, либо на русском языках, в Таблице были четыре обязательных столбца плюс собственно рабочие. Обязательные столбцы: 1) английский 100-словный список Сводеша, 2) русский 100-словный список Сводеша, 3) ностратическая реконструкция и 4) сино-кавказская

реконструкция. В рабочие столбцы вставлялись слова 100-словного списка из соответствующих языков. Данная таблица в «бумажной» форме может выглядеть громоздкой, но в электронной форме она исключительно удобна для работы. Я всегда четко разделял как разные этапы работы: заполнение 100-словного списка соответствующего словаря и дальнейший поиск соответствий с ностратическими и сино-кавказскими реконструкциями.

Насколько этот поиск соответствий был объективным, может оценить любой профессионал. В **Приложении III** к данной статье даны все 100-словные словари, которые послужили материалом для сравнения.

2. «Калибровка» метода и ответы на критику

Чтобы понять, как работает (и работает ли вообще) метод сравнения 100-понятийных списков слов ностратической и сино-кавказской реконструкций с соответствующими списками базовой лексики реальных языков, необходимо сначала «подставить в задачу правильный ответ из конца задачника». Т. е. необходимо посмотреть, что получится при сравнении со 100-понятийными списками слов ностратической и сино-кавказской реконструкций соответствующих списков слов из языков:

- 1) заведомо ностратических (которые учитывались при создании ностратической реконструкции);
- 2) заведомо сино-кавказских;
- 3) заведомо не относящихся ни к сино-кавказским, ни к ностратическим.

Сначала возьмем те шесть языковых семей, которые заведомо считаются ностратическими в классической работе

В. М. Иллич-Свитыча [9]: индоевропейскую, афразийскую (семито-хамитскую), картвельскую, дравидскую, уральскую и алтайскую. Из этих семей проанализировано 10 языков.

Сначала два индоевропейских языка:

В **английском** языке очевидно ностратическими выглядят **30** слов из 100-словного списка. Далее приводятся эти слова, а в скобках после них — соответствующие им ностратические реконструкции:

big (pVKV), blood (bUjIV), bone (pVjNV), burn (pVrV), cold (küIV), come (kaIV; JvmV), drink (tVrV), dry (tVrV), eat (?itV), fire (pVrV), foot (pVHdV), heart (kerdV), kill (KolV), know (genV), knee (küjnV), leaf (IVpV), man (mänV), many (manga), mountain (mVtV), neck (nVKV), new (nVwV; nEwV), night (nVkv), see (silV), smoke ([s]VmV), tongue (tiŋV), tree (t[o]Ru), two (tü?), water (wetV), we (wV), thou (t[u]).

Вероятно ностратическими выглядят 17 слов: all (kVlV), fat (pVxV), feather ([p]ur(y)V), fish (PVjV), full (cwalV), hear (goRE), lie (IVgV), meat (mVkv), mouth (mVŋV), not (ni), root (wVr[t]V), say (čVwV; [s^]aNa), sleep (zVl(i)KE; zwVpV), star (dV[š]tV), who (Qo), woman (?vmV), yellow (HvlV).

Итого в английском языке предположительно **47** ностратических слов.

В 100-словном списке английских слов можно обнаружить и ряд слов, очевидно общих с сино-кавказскими языками: big (pVHV), drink (dVnV), feather (pVhVtV), foot (hītV), full (bVtV), give (ŋVxwV), horn (q_ūrV), leaf (ĭāpi), man (mVnxV), rain (rēnĭwV), tree (daró), two ((t)xqV). Итого 12 слов.

Вероятно родственными сино-кавказским выглядят еще 10 английских слов: all (HVĭV), burn (bVIV), earth (qārē), eat (VçV), fly (pírV), skin (kōnmo), tooth (hŋwāhV), water (V[t]wV), who (hē-nV), hair (kíwrV), mountain (muĭa[t]V). Итого 11.

Итого в 100-словном списке английского языка 23 слова, вероятно родственные сино-кавказским. Из них 15 (all, big, burn, drink, eat, feather, foot, full, leaf, man, mountain, tree, two, water, who) – совпадают со словами из ностратического списка. Отметим, что дополнительные английские синонимы к словам из 100-словного списка здесь не привлекались.

В русском языке очевидно ностратическими выглядят в 100-словном списке **42** слова: все (wić/ćV), кора (ҚorE), черный (sVrV), кровь (қurV), кость (қ[o]čV), грудь (қerdV), жечь (ЗЕñV), коготь (GoñGa), облако (bVlV), холодный (gVlV; küíV), умирать (m[ä]rV), пить (pVHV), сухой (sušV), перо ([p]urV), давать (dwVV), сердце (қerdV), знать (сŋV), колено (küjnV; bVl(m)V), длинный (telV), мужчина (mVSV), много (manga), гора (g^wVrV), новый (nVwV), один (ʔudV), красный (қurV), дорога (däRVga), корень (ҚurV), круглый (қErV), видеть (wEdwV; w[i]tV), кожа (kVcwV), дым (tVtV; VmV), дерево (d^wirV), два (tuʔV), теплый (t[ä]pV), вода (wetV), мы (mi), кто (Қo), ты (t[u]).

(+ дополнительные синонимы помимо непосредственно 100-словного списка: пепел (peíu), великий (wała), шкура (ҚorE), ходить (kVdV))

Вероятно ностратических слов 16: живот (wAtV), большой (wol[a]), жир (kUrV; ҚЕaгwi), летать (lVPV), рог (mVrgV), лист (lVpV), лежать (lVgV), мясо (ʔomsV; mVқV), луна (tVlgV(nV)), имя (lVmV), нет (ni), ночь (nVқV), спать (ЗwVpV), звезда (HVzwVrV), солнце (z^omV), что (CV).

Итого в русском языке в 100-словном списке предположительно **58** ностратических слов.

Очевидно сино-кавказские слова в русской базовой лексике: кровь* (gVrV), есть (VćV), полный (bVłV), рука (rVŋHV), красный* (HVrV), звезда* (Зwhaгi), камень (HVmcV), дерево* (daró), два* ((t)xqwV), что* (čV). Итого 10

слов.

(Слова, сходные со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций, здесь и далее обозначены **звездочкой***).

Предположительно сино-кавказские слова: зола* (láqū), кора* (xḵhí(w)ri), живот* (qwá[t]ā), большой* (bērčV), черный* (xḵārV), птица (tǐmhV; šVxḵV), грудь* (qVdV), собака (čǐrbV), перо* (pVhVǎV), огонь (pVgwV), рог (G_ūrV), лист* (Ḷača), мужчина* (mVnxV), нос (xVnV), человек (ćwějo), корень* ([c]Vr(V)čV), кожа* (kǒnto; qHāćwa), хвост (çĀqwa), вода* (V[t]wV). Итого 19 слов.

Итого 29 слов, из них 18 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Все прочие исследованные по данному методу языки были проанализированы подобным же образом. Полный анализ фонетически схожих слов всех исследованных в данной работе языков приведен в **Приложении I**.

Для “калибровки” метода мы проанализировали всего 10 ностратических языков, в том числе три индоевропейских (русский, украинский и английский), два алтайских (гагаузский и корейский), два афразийских (мальтийский и хауса), один уральский (венгерский), один дравидский (тамильский) и один картвельский (грузинский).

Также было проанализировано пять сино-кавказских языков: два сино-тибетских (китайский и бирманский), два северо-кавказских (чеченский и абазинский) и один енисейский (кетский).

В качестве “контрольных” было взято 10 достаточно изученных языков, которые, насколько нам известно, никто из современных лингвистов точно не относит ни к

ностратическим языкам, ни к сино-кавказским. Это языки семьи вольты-конго суахили (банту) и йоруба, а также “щелкающий” язык нама (готтентотский) в Африке, индейские языки малисит (алгонкинский), киче (майя) и апурина (аравакский), два австронезийских языка (малайзийский и гавайский), а также вьетнамский (австроазиатский) и тайский языки.

Все полученные по этим трем группам языков данные удобно свести в Таблицу 1, где их особенности будут наглядно видны. В данной таблице приведены такие данные:

- 1) количество очевидно ностратических слов к общему числу очевидных и предполагаемых;
- 2) **“ностратический коэффициент”**, получаемый путем умножения на 2 числа очевидно ностратических слов + число предполагаемых ностратических слов;
- 3) количество очевидно сино-кавказских слов к общему числу очевидных и предполагаемых;
- 4) количество общих сино-кавказских и ностратических слов в соотношении к числу только сино-кавказских.

А сейчас рассмотрим вопрос, который уже давно “вертится на языке” у профессиональных лингвистов-компаративистов: **как насчет случайных совпадений и пресловутой “сирены созвучий”?** - Наш метод позволяет элементарно проверить, насколько данные совпадения слов являются случайными. Мы применили такой вариант проверки: берем один из использованных нами выше 100-словных списков одного из реальных языков, переставляем слова под номером с 51 по 100 на места с 1 по 50, а слова с 1 по 50 – соответственно на места с 51 по 100 (см. Приложение II). Таким образом, лексических совпадений практически не будет. А затем ищем фонетические

соответствия и считаем по изложенной выше методике. Вот как выглядит результат в отношении перевернутого таким образом списка английского языка:

Всего в 100-словном “перевернутом” списке английского языка выглядят очевидно ностратическими 12 слов: mountain (manga), not (nüdi), seed (sEgV; ?itE), sleep (silV), swim (cwVHV), what (wEdwV), bite (pVtV), cloud (kUÍV), dog (tVHmV), good (kudV), hair (?i), horn (gVrV).

Предположительно ностратическими выглядят 15 слов: neck (mVCHV), nose (Vn3wV), sepe (say), small (śaNv), smoke (3EñV), sun (cwalV), this (tüKV), tooth (tolʔa), we (tVgwV), who (kVwjV), thou (täjV), fat (hodʔV), give (kVjV), hear (kUrV), heart (gagtV; jVrV).

Итого 27 слов. “Ностратический коэффициент” - 39.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: burn (bV), come (hVwVmtV), egg (eʔVr), hair* (?a; hi), head* (HVdV), horn* (kVrV), liver (lwǎrV).

Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: new (lEwŋV), nose* (nōmqí), one (sĕno), person (bVIV), rain (rVGV), sleep* (çinAV), tongue (fVmKV), walk (lwǎrV), we* (lwilV), who* (aqwV), woman (cwǎjŋe), cold (ç_ădV), green (gV), leaf (kVlʔV). Итого 14.

Итого 21 слово, из них 7 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Таким же образом были проверены перевернутые списки суахили, нама, украинского и чеченского языков.

Общий результат можно обобщить в Таблице 1:

Таблица 1.

языки	ностратические слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	ностратический коэффициент	сино-кавказские слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	общие ностратические и сино-кавказские слова / только сино-кавказские слова
английский	30 / 47	77	13 / 23	15 / 8
русский	42 / 58	100	10 / 29	18 / 11
украинский	40 / 60	100	9 / 23	14 / 9
венгерский	28 / 50	78	7 / 15	9 / 6
тамильский	37 / 53	90	9 / 19	5 / 14
грузинский	40 / 57	97	7 / 15	10 / 5
хауса	27 / 47	74	9 / 21	7 / 14
мальтийский	27 / 46	73	15 / 25	12 / 13
корейский	30 / 53	83	15 / 31	20 / 11
гагаузский	33 / 55	88	15 / 26	17 / 9
ностратические	27-42 / 46-60	73-100	7-15 / 15-31	5-20 / 5-14
китайский	22 / 46	68	26 / 43	15 / 28
бирманский	21 / 39	60	20 / 37	13 / 24
чеченский	21 / 43	64	25 / 41	22 / 19

абазинский	23 / 38	61	29 / 47	21 / 26
кетский	25 / 41	66	32 / 50	11 / 39
сино-кавказские	21-25 / 38-46	60-68	20-32 / 37-50	11-22 / 19-39
суахили	18 / 36	54	5 / 20	7 / 13
вьетнамский	20 / 37	57	12 / 25	12 / 13
малайзийский	17 / 39	56	11 / 27	5 / 12
гавайский	19 / 41	59	13 / 29	14 / 15
тайский	19 / 40	59	14 / 27	9 / 18
киче	17 / 33	50	7 / 21	6 / 15
апурина	17 / 38	53	10 / 18	8 / 10
малисит	20 / 36	56	11 / 23	7 / 16
нама	18 / 33	51	12 / 29	15 / 14
йоруба	16 / 35	51	8 / 20	7 / 13
«контрольные»	16-20 / 33-41	50-59	5-14 / 18-29	5-15 / 10-18
перевернутый украинский	15 / 35	50	6 / 21	11 / 10
перевернутый английский	12 / 27	39	7 / 21	7 / 14
перевернутый чеченский	19 / 31	50	12 / 27	9 / 18
перевернутый нама	13 / 30	43	6 / 16	5 / 11
перевернутый	7 / 31	38	8 / 20	4 / 16

суахили				
«уровень шума»	7-19 / 29-35	38-50	6-12 / 16-27	4-11 / 10-18

Данный результат можно обобщить в Таблице 2:

Таблица 2

языки	ностратические слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	ностратический коэффициент	сино-кавказские слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	общие ностратические и сино-кавказские слова / только сино-кавказские слова
ностратические	27-42 / 46-60	73-100	7-15 / 15-31	5-20 / 5-14
сино-кавказские	21-25 / 38-46	60-68	20-32 / 37-50	11-22 / 19-39
«контрольные»	16-20 / 33-41	50-59	5-14 / 18-29	5-15 / 10-18
«уровень шума»	7-19 / 29-35	38-50	6-12 / 16-27	4-11 / 10-18

Как видим, полученные результаты вовсе не выглядят случайными. Предложенная нами методика “арпиорного” определения фонетического сходства слов из любых современных языков с ностратической и сино-кавказской реконструкциями скорее всего является весьма несовершенной. Но она **единообразна** по отношению ко всем

обследованным языкам. И она дает **статистически значимые результаты**.

Весьма важным обстоятельством является также то, что близкородственные языки (как украинский и русский) дают весьма схожие результаты. Можно постулировать это и относительно языков, относящихся к одной языковой семье. Так выглядят австронезийские малайзийский и гавайский языки, афразийские мальтийский язык и хауса, алтайские корейский и гагаузский. Значительно меньшее число совпадений английского по отношению к славянским в значительной мере объясняется просто тем, что не учитывались многочисленные синонимы к английским словам из использованного нами 100-словного английского списка.

Собственно, это и дает основания для обобщений, когда *для общих выводов относительно группы очевидно родственных языков достаточно проанализировать любой язык из данной группы*.

Среди прочих результатов данного исследования нами был получен результат по языку манинка из африканской языковой семьи **манде**. Данный язык выглядит однозначно ностратическим. В связи с этим я обратился к известному российскому специалисту по языкам манде В. Ф. Выдрину с просьбой дать оценку этой гипотезе. К нашему удивлению, В. Ф. Выдрин вообще отказался рассматривать этот вопрос по существу. Он ответил так:

“Я достаточно консервативен, чтобы не солидаризироваться с Вашим подходом. Я остаюсь *жестким сторонником ступенчатой реконструкции*, при этом считая, что к привлекаемым языковым данным нужно относиться максимально строго и аккуратно - в частности, весьма желательно подвергать эти данные предварительной внутренней реконструкции. На мой взгляд, несоблюдение этих

требований ведёт к "отпусканию тормозов", после чего исследователь легко может усмотреть родство любых языков с любыми другими. Скажу также, что систематическим сравнением данных манинка с пра-ностратическим я не занимался - более того, считаю это методологически неправильным (если идти по этому пути, то почему сравнивать с ностратическим, а не прямо с русским?). Я сравниваю манинка с бамана, мандинка и хасонка (и т.д.), затем - с языками группы моколе и вай-коно, и т.д., до уровня пра-западного манде и, далее, пытаюсь реконструировать пра-манде. Если сказать точнее, то до реконструкции пра-манде ещё нужно проделать очень большой путь, и сейчас пройдена едва ли треть этого пути - соответственно, всерьёз сравнивать ещё не реконструированный пра-манде хоть с ностратическим, хоть с на-дене, хоть с пра-нигер-конго ещё рано (конечно, каждый имеет право выдвигать гипотезы на эту тему, и гипотез этих уже не так уж и мало - но, пока реконструкция не сделана, ценность их невелика).

Так что, как Вы видите, мы с Вами работаем в принципиально разных научных парадигмах. Всего доброго”.

Вообще интересный вопрос: В. Ф. Выдрин убежден в существовании макросемьи нигер-конго, но в то же время признает, что до “ступенчатой реконструкции” этого гипотетического праязыка еще очень далеко. Тогда откуда же он вообще взял, что такой гипотетический праязык должен существовать?! Значит, он признает, что существуют **еще какие-нибудь способы** определения дальнего родства языков **помимо** ступенчатой реконструкции? Может, это как раз то самое внешнее предварительное сравнение языков по “американскому” методу, когда “просто смотрим и видим”?

Теперь о “последовательной ступенчатой реконструкции”. Я ни в коей мере не отрицаю ценности и даже

необходимости подобной реконструкции. Собственно, и ностратическая, и сино-кавказская реконструкции в огромной мере опирались на данные реконструкции отдельных хорошо изученных языковых семей, таких, как индоевропейская или северокавказская.

Но вот что писал по этому поводу классик ностратики Вячеслав Маркович Иллич-Свитыч в своем "Опыте сравнения ностратических языков": "В передовых областях компаративистики (и прежде всего в индоевропейском языкознании) в последнее время обнаружилась определенная переоценка возможностей метода внутренней реконструкции, применение которого **без жесткого контроля внешнего сравнения** приводит к построению многочисленных одинаково вероятных и в равной степени **произвольных** протосистем. Подобная ситуация диктует необходимость выхода за рамки одной какой-либо языковой семьи. Лишь внешнее сравнение обеспечивает соответствующий контроль и позволяет выбрать единственный максимально приближающийся к реальности вариант исторической реконструкции из многих принципиально возможных. В этом смысле само существование "ностратического языкознания" оправдывается тем, что оно призвано не только использовать достижения индоевропеистики, уралоистики, алтаистики и т. д., но и само должно во многом способствовать развитию этих разделов компаративистики так же, как, например, индоевропеистика способствует развитию германистики, славистики, иранистики" [9, с. 2].

И, кстати, В. М. Иллич-Свитыч в своем "Словаре" не гнушался и широко сравнивать между собой современные языки, включая русский. Так же поступают и другие компаративисты.

К тому же, по нашему мнению, ступенчатая

реконструкция, скажем, “пра-нигер-конго” - абсолютно безнадежное дело, поскольку невозможно реконструировать то, чего никогда не было и нет...

О субъективности и прямом произволе исследователей при подобной “ступенчатой реконструкции” очень убедительно написала А. В. Дыбо: “Индоевропеистика и связанная с ней этимологическая традиция зачастую удовлетворяются реконструкцией корней праязыка, причем целью как бы ставится возведение возможно большего числа лексем к возможно меньшему числу корней — следствие превращения индоевропеистики в замкнутую самодостаточную систему. В значительной степени это определяется тем, что слово считается имеющим этимологию, если его удастся возвести к какому-либо из замкнутого набора глагольных корней; реконструкция лексемы не считается ее этимологией (типичны утверждения вроде: “слово **mā-ter* ‘мать’ этимологии не имеет”; как этимология слова **pāter* ‘отец’ проходит довольно сомнительное утверждение, что оно восходит к глаголу *рә-/рā-* ‘защищать’). Классическим примером доведения этого принципа до абсурда может служить состав словаря Ю. Покорного (Рок.), где около 70% вхождений — праязыковые корни со значениями “раздуться” и “сгибаться”, от каковых при помощи часто уникальных словообразовательных формантов производятся основы со всеми остальными значениями, долженствующими выражаться в языке” [7, с. 18].

Т. е. в **наиболее изученной** языковой семье мира ее ступенчатые реконструкторы зачастую ведут реконструкцию так, будто индоевропейские народы произошли непосредственно от обезьяны — такой себе особой индоевропейской обезьяны, которая только что научилась

разговаривать, произведя все слова своей речи от всего лишь нескольких корней, преимущественно со значениями “раздуться” и “сгибаться”. Что дело обстоит именно таким образом, наглядно демонстрирует совсем недавно вышедшая книга профессора из Черновцов В. В. Левицкого:

“Диффузность в плане содержания *на ранних стадиях развития языка* находит свое яркое проявление в синкретизме понятий “резать/связывать”, что полностью подтверждено результатами осуществленного нами анализа лексики, представленной в этимологическом словаре Ю. Покорного. Движение от диффузности к дифференцированности в плане выражения проявляется в постепенной замене диффузного фонетического (символического) значения звуков расчлененным функциональным значением. ...Вычисленные компьютером связи основаны на совместной встречаемости звуков *a, p, m* и *s*. Эти звуки входят в состав слов, обозначающих родство, и в состав слов со значением “влажный”, “сырой”. Единственное, как нам представляется, объяснение общности звукового состава анализируемых классов заключается в том, что если *p* и *m* были звуками чмокания, звуками, связанными с сосанием груди, то они же могли символизировать и нечто влажное, жидкость” [178, с. 206, 213].

А между тем индоевропейский праязык имеет ровно такое же отношение к “ранним стадиям развития языка” вкупе с чмоканием и сосанием на букву *p*, что и любой из современных индоевропейских языков. Индоевропейский праязык существовал еще в медном веке, т. е. им пользовался народ, знакомый уже с металлургией, пользующийся колесными повозками и обладающий сложной социальной

структурой с сословиями воинов и царей-жрецов. К тому же у индоевропейцев особым влиянием пользовались поэты, которые в частности довольно целенаправленно занимались именно совершенствованием языка. Думаю, некоторые из современных индоевропейских языков (вроде нуристанских) менее развиты в культурном отношении, чем праиндоевропейский. И существовал этот праязык каких-то шесть тысяч лет назад. Т. е. к питекантропам и неандертальцам носители праиндоевропейского языка имели ровно такое же отношение, как и мы сегодня.

Если подобное творится в индоевропеистике, можно представить, какой простор для квази-научного произвола открывается при исходящей лишь из самой себя “ступенчатой реконструкции” более экзотических языков!

Так что, по всей видимости, с “жесткими сторонниками ступенчатой реконструкции” **без жесткого контроля внешнего сравнения** мы и правда работаем в принципиально разных научных парадигмах. Что, впрочем, не мешает нам использовать конкретные научные результаты подобных ученых в тех вопросах, в которых они действительно разбираются. Это же относится и к исследованиям В. Ф. Выдриным *современных* языков манде.

Собственно, данная работа представляет собой попытку как раз **выработки методов универсального внешнего сравнения любых языков мира**. Безусловно, используемый вариант ностратической реконструкции очевидно несовершенен (как, впрочем, и любые другие варианты ностратической реконструкции). Вероятно, то же еще в большей мере относится и к сино-кавказской реконструкции. Но **какая-то существенная доля истины** в этих

реконструкциях присутствует. Доля истины **статистически** значимая. Потому и результаты сравнения по нашему методу вовсе не выглядят случайными и хаотическими.

3. Проблема синонимов в 100-словных списках

Отвергая “глотнохронологию”, мы также хотели бы хотя бы приблизительно прикинуть, с какой скоростью из языка могут уходить общеностратические корни. Логично в таком случае выбрать древний мертвый язык, у которого есть современный прямой потомок. Наиболее хорошо изученный вариант – древняя латынь (сложившаяся к первому веку до н. э.) и современный итальянский язык, окончательно выработавший обязательную литературную норму лишь в 19 веке, т. е. как раз две тысячи лет спустя. Но все оказалось не так просто.

Всего в 100-словном списке **итальянского** языка [67] отмечаем **34** очевидно ностратических слова: favilla (kawɫV), cortecchia (ḲorE), crosta (KurcV), ventre (wVntɫV), seno ([c]V(n)ʒwV), bruciare (p̣VrV), morire (m[ä]rV), cane (Ḳüy(a)n̄V), terra (tVr̄V), grasso (kUrV), fuoco (p̣VxwV), piede (p̣VHdV), bravo (bVr̄V), pelo ([p]ilV), mano (mVn̄V), capo (ḲapV), sentire (SoñV), ginocchio (küjnV), conoscere (g(w)enV), pidocchio (biḡV), collo (ḲVIV), nuovo (nVwV), no (ni), vedere (wEdwV), dormire (tVrV), coda (ḲudV), quello (ʔu), questo (ʔu; ḲV), due (tuʔV), tiepido (t[ä]pV), noi (n̄V), cosa (ḲV), giallo (GäHlu), tu (t[u]).

Примечание: В итальянском языке наиболее существенными правилами произношения букв являются: 1) *c* (и *cc*) перед *o*, *a*, *u* и согласными читается как *k*, перед *i* и *e*

читается как *č*; 2) *q* (и *qq*) перед *a*, *o*, *u* и перед согласными, кроме *l* и *n* читается как *g*, перед *i* и *e* — как *ž* (*дж*); 3) *ql* читается как *ль* (*ʎ*), *qn* — как *нь* (*ɲ*); 4) Звуки [*k*] и [*g*] перед *i*, *e* обозначаются *ch*, *gh* [68].

Предположительно ностратических слов в итальянском 23: *pancia* (wAñCV), *osso* (k[o]čV), *unghia* (GoñGa), *scottare* (kVtV), *nuvola* (nVbV), *dare* (dwVV), *sapere* (Saħk[a]), *lungo* (ŋVIV), *luna* (tVlgV(nV)), *carne* (ńVķV(rV)), *monte* (mVtV), *notte* (nVķV), *tondo* (tompV), *cuore* (ķerdV), *dire* (tVIV), *cuoio* (ķudV), *pelle* (perV), *piccolo* (culV), *stella* (dV[š]tV), *sasso* (čajV), *lingua* (tilV(ŋV)), *andare* (däRVkV), *chi* (ķV).

Итого **57** слов. Ностратический коэффициент — **91**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: *pancia** (bVnķwA), *fuoco** (pVgwV), *corno* (q_ūrV), *sasso** (čăčwV), *quello** (?u), *lingua** (tāmV; ʎānpV), *due** ((t)xq̄wV), *cosa** (xV).

Итого 8 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: *ventre** (ʎwñŋi; qwa[t]a), *lisca* (tāk_ā), *foglia** (ʎapāl xq̄wE), *piccolo** (IVkV), *caldo* (?IVmV), *chi** (hē-nV). Итого 6.

Итого 14 слов, из них 11 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Как видим, итальянский язык имеет стандартный вид индоевропейского языка. Но когда мы переходим к латинскому языку, то сталкиваемся с колоссальной проблемой: огромным количеством **синонимов**. Всего в 100-словном списке латинского языка мы насчитываем 270 слов против 140 в итальянском. Соответственно, в латинском языке оказалось и рекордное количество ностратических параллелей.

Всего в 100-словном списке **ЛАТИНСКОГО** языка [69; 70] отмечаем **53** очевидно ностратических слова: cortex (ҚorE), venter (wVntV), magnus (manga), corvinus (қarV), urere (wVrV), nebula (nVbV), gelidus (gVIV), hibernus (қVpV), mori (m[ä]rV), canis (Қüy(a)nV), potare (pVHV; tara), assus (sušV), terra (tVrV), gena (ʔvnjV), pluma (pVIV), focus (pVxwV), probus (bVrV), pilus ([p]ilV), manus (mVnV), caput (қapV), cor (қerdV), genu (küjnV), tongēre (tanV), folium (bolV; pVrV; lVpV), pedis (biṭV), mas (mVSV), vir (xwīre; wiXRv), collum (қVIV), novus (nVwV), nox (nVқV), naris (newRV), ni (ni), iter (tErgE), cursus (ʔurV), videre (w[i]tV), cernere (čurV), corium (ҚorE), cutis (қudV), dormire (tVrV), paulus (pVwjV), nebula (nVbV), cauda (қudV), qui (ʔu), qui (ʔu) [2], trabs (tRu), duo (tüʔ[o]), gradi (gVrV), tepidus (t[ä]pV), nos (nV), quod (қV), quis (қV), femina (ʔvmV), tu (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 31: abdomen (bVdV), uterus (ʔudV), unguis (GoñGa), amplus (ʔvmbV), haema (қVnV), os (қ[o]čV), scire (sVnV; c^eʔNV), torrēre (tülV), edere (ʔitV), pingue (pVxV), locuples (қOpV), dare (dwVV), viridis (wišV), poples (bVIV), ego (ʔvgV), longus (ηVIV), luna (tVlgV(nV)), caro (nVқV(rV)), haud (ʔe), stirps (SirV), globosus (қoIV), dictare (tVHV; teʔq), pellis (perV), tergum (to(w)qa), pusillus (culV), stella (dV[š]tV), saxum (čajV), isa (cV), lingua (tilV(ηV)), cedere ([c`]V), flavus (HvIV).

Итого **84** слова. Ностратический коэффициент — **137**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: hiemalis (QVmV), exaridus (i-xGAr-), focus* (pVgwV), plenus (bVtV), audire (-VdV), cornu (q_ürV), cervix (cwiŕs_V), haud (hwV), humilis (GwVmV), qui* (ʔu), hic (ʔi), lingua (lamV; ḷānpV), trabs* (daro), duo* ((t)xqwV), gradi (kVrV),

Итого 15 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: cortex*

(xkħíri), venter* (λwĩnʔi; qwa[t]a), haema* (hwĩʔnV), frigidus (rV́GwV), juba (jVkV), brachium (bHaxkV), folium* (λāpi; ʃapālxq̄wE), mas* (mV́nxV), vir* (wV́nV), cursus* (HrenxmV), globosus* (bV́IV), arena (swVré), exiguus (k̄īʔV), sidus (ciŋwV), saxum* (čăčwV), calidus (ʔIVmV), liquor (ħwirí), quod* (xV).
Итого 18.

Итого 33 слова, из них 14 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Очевидно, что латинский язык оказывается в неравном положении по сравнению с другими языками. Мы попробовали устранить это несоответствие, оставив в тех графах, где было по три и более синонимов, только первое слово, но не трогая те графы, где было по два синонима. В итоге число анализируемых слов в латинском языке (122) примерно сравнялось с числом анализируемых слов в итальянском языке (141) и в большинстве других.

Всего в 100-словном списке **латинского** языка (без дополнительных синонимов) отмечаем **32** очевидно ностратических слова: cortex (K̄orE), venter (wVntV), urere (wVrV), nubes (nVbV), mori (m[ä]rV), canis (K̄üy(a)n̄V), terra (tV́rV), manus (mV́nV), caput (q̄apV), cor (q̄erdV), genu (küjnV), folium (bolV; HelV; pVrV), pedis (biṭV), vir (xwĩre; wiṭRV), collum (k̄VIV), novus (nVwV), nox (nVq̄V), naris (newRV), dictare (tVHV), videre (wEdwV), cernere (čurV), corium (K̄orE), dormire (tVrV), cauda (k̄udV), hic (ʔi), trabs (tRu), tepidus (t[ä]pV), nos (n̄V), quod (k̄V), quis (k̄V), femina (ʔvmV), tu (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 26: favilla (g^wVIV), amplus (ʔvmbV), avis (HVwjV), unguis (GoñGa), bibere (p̄VHV), siccus (sušV), edere (ʔitE), oculus (HuQ̄a), penna

(pVÍV), pes (pVÍkV), dare (dwVV), bonus (bVrV; bVtV), viridis (wišV), capillus ([p]ilV), ego (ʔvgV), nosse (sVnV), cubare (pVķV), caro (ńVķV(rV)), luna (tVlgV(nV)), non (ni), radix (weRaHtV), stella (dV[š]tV), lingua (tilV(ŋV)), ire (gVrV), aqua (ʔEķu), flavus (HvlV).

Итого **58** слов. Ностратический коэффициент — **90**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: plenus (bVłV), cornu (q_ūrV), cervix (ćwirs_V), hic* (ʔi), trabs* (daro), quod* (xV).

Итого 6 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: cortex* (xķhri), venter* (qwá[t]ā; λwñnʔi), sanguis (ćāŁwV), frigidus (rVGwV), penna* (přdwV), pes* (břmłV), folium* (λāpi), homo (mVnxV), via (GwáV), radix* (Vr(V)čV), arena (swVré), corium* (kōnmo), cauda (ćĀqwĀ), lingua* (λānpV), ire* (kVrV), femina* (qwānV). Итого 16.

Итого 22 слова, из них 13 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

В итоге в итальянском языке мы видим ностратический коэффициент в **91** балл, в латинском со всеми синонимами – рекордные **137** баллов, а в латинском без дополнительных синонимов – всего **90** баллов. Но при этом о лучшей сохранности общеностратической лексики у более древнего языка все же можно судить: Среди проанализированных слов сокращенного списка латинского языка “ностратический коэффициент” был меньше всего на один балл (90 против 91), чем современный итальянский, хотя было взято на 19 слов меньше (122 против 141).

Однако следует понимать, что проведенная процедура имела чисто *спекулятивный* характер. Если в словаре данного языка приводится несколько слов с нужным нам

значением, то мы должны по идее их все и привести. И если эти слова находят прямые соответствия с такими же по значению словами из ностратической и сино-кавказской реконструкций, то нет действительных оснований для того, чтобы их не учитывать.

Во всяком случае, очевидно, что базовая лексика итальянского языка почти вся восходит к латинскому языку, но в то же время в латинском языке было гораздо больше синонимов. И является ли правомерным сравнение языков со значительно отличным числом синонимов – вопрос очень непростой.

По этой же причине мы были вынуждены отказаться от идеи сравнить **коптский** язык с **древнеегипетским**. Достаточно было прочитать:

“Синонимы не были в глубокой древности синонимами, а их многочисленность в языке — неопровержимое свидетельство его архаизма. (...) Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с содержанием Берлинского словаря [древнеегипетского языка. - И. Р.], чтобы убедиться в том, что очень многие египетские слова, в глубокой древности имевшие, по всей вероятности, разные значения, воспринимаются нами как синонимы. Например, понятие «наводнение» обозначают 13 слов, «крыло» — 7 слов, «мрак» — 10 слов, «огонь» — **21 слово** и т. д. ... Из 106 корней на w — 59 встречается уже в староегипетском языке, 25 было добавлено в среднеегипетском языке и 18 — в Новом царстве. Коптский язык начинает терять это богатство древнеегипетской лексики: из 106 корней на w в нем остается лишь 35” [71, с. 130, 34].

Так что здесь шумерский язык с его относительно незначительным по сравнению с древнеегипетским языком числом синонимов – наилучший пример. Он наглядно

свидетельствует, что у древних ностратических языков ностратический коэффициент в любом случае был существенно выше, чем у большинства современных. В шумерском он составил **104**.

В проанализированном нами 100-понятийном списке шумерского языка примерно 200 слов, если не считать разные варианты произношения одного слова, а со всеми вариантами – 282 слова. Мы проделали с шумерским языком ту же спекулятивную процедуру сокращения списка до одного первого слова в списке, если слов более двух. В итоге список сократился до 135 слов.

Всего в 100-словном **сокращенном списке шумерского языка** выглядят очевидно ностратическими **27** слов: dè-dal (tVtV), gù (kùLV), hu (HVwjV), zú...kud (c`VXV), gíg (kUkE), ten (tVŋV), kú (kVmV), pa (pVÍV), nu (nVjV), ba-rV (p̄arV), dé (tVdV), suhur (sVHrV), ge (ʔvgV), zu / sú (c[ü]ŋV; sVnV), pa (pVrV), ku (kvÍV; kVwjV), kur (g^wVrV), ka (k`VCV; xamŋV), gú (kUri[h]u; k̄üCV; kVV), nu (ni), úr (wVrV), kàr (k̄ErV), kus (kVcwV), ù: (uye), nú (ŋūjV), su (sVIV), za (si).

Предположительно ностратическими в нем выглядят 22 слова: úš (ʔVsxV), kak (kač`V), mù (nü(j)di), tilhar (tVgV), kur (kaÍV), nunuz (muña), izi (žišV), šag (šuwE; žVjŋV), gíd (p̄uʔ[a]dV), lu (p̄alV), mu (ÍVmV), lú (kUÍV), imi (mvnV), a-rá (ʔurV), eg (teʔq), numun (nUÍV), gi (kVtV), i-bí (nVbV), kun (k̄udV), zú / su (c[^]iʔÍV), du (däRVkV), mí (ʔvmV).

Итого **49** слов. “Ностратический коэффициент” - **76**.

Очевидно сино-кавказскими выглядят слова в базовой лексике: gù (QwVnV; qwǎłV), kur* (HVrV), pa* (pVhVtV), ba-rV* (p̄rV), sag / za (čVqV), ug (VHwV), gú* ([G]wVnGwV), gi* (k̄iʔV), giš / geš (HvžwV).

Итого **9** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: hu* (hĩni), sig (śVŋV), suhur* (čħwērə), ge* (ŋV), pa* (ḷāpí), lu* (ḷāwqV), uzu (žǎžV), sahar (swVré), eme (mélçí). Итого 9.

Итого 18 слов, из них 10 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Как видим, и в этом случае вывод о ностратической принадлежности шумерского языка сохраняет свою силу. Но при этом родство шумерского языка с остальными ностратическими начинает выглядеть примерно на том же уровне, что и родство с прочими ностратическими языками афразийских языков.

Что характерно: число слов в *произвольно* сокращенном списке шумерского языка уменьшилось более чем вдвое: с 282 до 135. А при этом ностратический коэффициент снизился вовсе не в два раза, а всего лишь на четверть: со 104 баллов до 76. В латинском языке число слов в сокращенном списке уменьшилось также более чем вдвое (с 270 до 122), а ностратический коэффициент уменьшился на треть: со 137 баллов до 90. Так что большие по числу синонимов 100-понятийные списки все-таки с определенными оговорками **можно** использовать.

Это еще лучше видно на примере не-ностратических языков Африки, в частности нилотских. Нами были проанализированы два близкородственных нилотских языка — **туркана** и **маа** (язык племени масаев).

Оба этих языка относят к **нилотской** языковой семье. «Отношение между нило-сахарскими и нилотскими языками подобно отношению между индоевропейскими языками и западно-германскими (включающими английский, фризский, фламандский, голландский и африкаанс)» [119]. Более того, при этом их внутри прочих нилотских языков включают в

одну группу (восточные нилотские языки) [117].

В 100-понятийном списке туркана нами найдено **44** очевидных соответствий со списком маа (слова маа приводятся в скобках): ekuron (n-kúron), akaabuket (a-búák), ikeny (en-kwényi), akoit (ol-ôito), esikina (ɔl-kína), atonere (a-itianya; a-duŋó taɕ), akimat (a-mát), kwar (en-kulupúóni), akimuj (a-muyiokí), akong (ɛnkóŋɕ), akopiro (enk-ópiró), akim (ɛnkíma), akipor (a-ipirri), akeju (ɛn-keɟɕ), akan (ɛnk-áiná), akou (kúe), etau (ɔl-taɕ), amuwara (e-mówúó), akung (ɛn-kúŋɕ), akiper (a-iperipera), emany (e-mónyúa), elacit (ɛ-láshéí), akiring (en-kiriŋo), elap (ɔl-ápa), akituk (ɛn-kútúk), akwaare (ɛn-kewaríe), ekume (en-kumé), mam (m-), apei (obô), itungunan (ɔl-tɕŋáni), erukudi (ol-kítíkoto), akilulung (a-lɕlɕŋa), asinyen (ɔ-sínyái), apuru (em-pu), akiboi (a-bík), akolong (ɛnk-ɔlɔŋ), ya (ajo), lo (léle), angajer (ɔl-ŋéjéɾ), ekyalai (ɔl-alâî), eketoi (ol-kitetoi), ngaarei (aáre), nyo (inyóó), ngai (ŋáí).

Такое количество общих слов в базовой лексике безусловно говорит о достаточно близком и очевидном родстве.

Можно проверить язык маа и по-другому. Выделим из его 100-понятийного списка такие понятия, которым соответствует только одно слово (не считая диалектных различий в звучании). Подобных слов в 100-понятийном списке маа набралась ровно треть: rokíra, n-kúron, sárɕk, ol-ôitô, ol-oisótoo, a-irɔbí, a-toyú, en-kulupúóni, ol-mosoŋi, ɛnkóŋɕ, enk-ópiró, ɛnk-áiná, ɔl-táɕ, em-bénéuyíó, e-mónyúa, a-adó, ɛ-láshéí, ɔl-ápa, ol-dóinyó, ŋéjúk, ɛn-kewaríe, en-kume, m-, obô, ɔl-tɕŋáni, ɛn-tanâi, kitî, ɔl-ákíra, o-sóit, ɔl-ŋéjéɾ, ɔl-alâî, aáre, kí-. Всего **33** слова.

Среди слов языка туркана соответствующими этим словам оказались: ekuron (n-kúron), akoit (ol-ôito), kwar (en-

kulurúóni), akong (Εγκόηϣ), akopiro (enk-ópiró), akan (Εnk-áína), etau (ɔl-taϣ), emany (e-mónyúa), elacit (ε-láshéí), elap (ɔl-ára), akwaare (Εn-kεwaríe), ekume (en-kumé), mam (m-), apei (obô), itungunan (ɔl-tϣŋáni), angajer (ɔl-ŋéjér), ekyalai (ɔl-alâî), ngaarei (aáre). Итого 18.

Если умножить по пропорции 18 на три, то получим **54**, т. е. выше половины слов. Из этого опять-таки следует вывод, что язык маа генетически близок к туркана.

Как видим, сходство между данными по языку маа и туркана действительно как между языками, принадлежащими к одной языковой группе. При подсчете по нашему методу получился “ностратический коэффициент” у маа – **69**, у туркана – **68**.

Но здесь следует иметь в виду, что словари этих языков, послужившие нам основой для составления 100-понятийных списков, были далеко не однотипны. В “100-словном” списке языка маа оказалось **335** (!) слов, и у нас не было возможности выделить из массы приводившихся синонимов какое-либо главное слово. В общем ситуация по числу синонимов здесь *рекордная* среди всех обследованных нами языков, даже гораздо хуже, чем с латинским языком. В 100-словном же словаре языка туркана – **144** слова.

Мы посчитали число случайных совпадений и по “перевернутым” 100-понятийным спискам маа и туркана. Эти данные отражены в Таблице 3:

«Перевернутый» список туркана показал обычный «уровень шума» случайных совпадений. В то же время число случайных совпадений с ностратической реконструкцией бессмысленного «перевернутого» 100-понятийного списка языка маа оказалось даже существенно выше (!!), чем число таких же совпадений реального списка этого языка. Само количество синонимов в маа дало такой эффект, что число

случайных, очевидно ложных совпадений превысило по «ностратическому коэффициенту» уровень реального списка маа и вышло, вообще говоря, на уровень ностратических языков.

Таблица 3:

список:	ностратические слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	ностратический коэффициент	сино-кавказские слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	общие ностратические и сино-кавказские слова / только сино-кавказские слова
реальный 100-понятийный список маа	24 / 45	69	10 / 21	11 / 10
реальный 100-понятийный список туркана	24 / 44	68	10 / 25	12 / 13
“перевернутый” список маа	27 / 49	76	7 / 22	8 / 14
“перевернутый” список туркана	17 / 29	46	8 / 10	8 / 2

Как видим, если результаты сравнения реальных 100-понятийных списков языка маа и языка туркана со списком слов ностратической реконструкции практически совпадают, то результаты такого же сравнения ложных «перевернутых» списков этих языков резко различны.

Из этого однозначно следует, что совпадения с ностратической реконструкцией реального списка языка маа *неслучайны* и что **количество синонимов в 100-словных списках реальных языков не принципиально влияет на результаты анализа по нашему методу.** Единственное очевидное требование: при определении “уровня случайного шума” следует учитывать только “перевернутые” списки языков, близкие к действительно 100-словным.

4. Полученные результаты

Всего по изложенному выше методу было обследовано **85 языков** народов мира. Среди них 10 языков Европы, 23 языка Азии (включая Кавказ), 27 языков Африки, 12 языков Северной Америки, 6 языков Южной Америки, 3 языка Австралии и 4 языка Океании. По социальному статусу языки занимают весь спектр от самых распространенных в мире (английский, китайский) до исчезающих и недавно вымерших, а также один древний мертвый и один искусственный.

По принадлежности к языковым семьям языки разных континентов были обследованы с разным уровнем репрезентативности. Так, Евразия на уровне языковых семей и изолированных языков обследована практически полностью, а Африка — в отношении явного большинства. В то же время индейские, папуасские и австралийские языки обследованы

лишь сугубо выборочно (несколько более подробно — языки Северной Америки).

По принадлежности к языковым семьям и к условным культурно-языковым общностям было исследовано:

- 6 индоевропейских языков: **английский** (германский), **суринамский** (креольский) [134], **украинский** и **русский** (славянские), **итальянский** [67; 68] и **латинский** [69; 70] (романские);
- 2 афразийских: **мальтийский** [16] (семитский), **хауса** [15] (чадский);
- 13 “нигеро-кордофанских”, в том числе **суахили** [29] (группа банту), **йоруба** [150] (бенуэ-конго), **басса** [165; 166] (кру), ампарипа [125] (группа догон), **бангиме** [126] (изолированный?), **эга** [161; 162] (ква), **дагбани** [157] (гур), **нафаанга** [158] (сенуфо), **санго** [147] (адамава-убанги), **волоф** [137] (западно-атлантический), **мейн** [138] (иджо), **точо** [133] (кордофанский), **манинка** [64; 65] (манде);
- 8 “нило-сахарских”, в том числе **туркана** [117] и **маа** [80] (нилотские), **зарма** [79] (сонгаи), **манга** канури [156] (сахарский), **темейн** [159] (группа темейн), **со** [146] (семья кульяк), **кача** [132] (семья каду / тумтум), **мору** [163; 164] (центрально-суданский);
- 5 “койсанских” [35], в том числе **нама** (готтентотский, центральнокойсанская семья), **бушменский та** (южнокойсанская ветвь), **бушменский жу** (северокойсанская ветвь), **сандаве** и **хадза** (изоляты);
- 2 северо-кавказских: **чеченский** [17] (нахско-дагестанские языки), **абазинский** [21] (абхазо-адыгские языки);

- 2 сино-тибетских: **китайский** [18; 19] и **бирманский** [20];
- 5 “австрических”, в том числе **малайзийский** [33] и **гавайский** [124] (австронезийские), **вьетнамский** [34; 63] (австроазиатский), **хмонг** [136] (мяо-яо) и **тайский** [129];
- 2 “палеоазиатских”: **нивхский** [52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59] и **юкагирский** [46; 47; 48; 49; 50];
- 2 “чукотско-камчатских”: **корякский** [51] и **ительменский** [85; 86];
- 2 “эскалеутских”: **эскимосский юпик** [39; 41; 42] и **алеутский** [39; 40; 41; 42];
- 15 “индейских”, в том числе **апачи хикарилья** [140; 141; 142] (атапасский) и **тлинкит** [41; 45] из семьи на-дене, а также **ацтекский** (нахуа) [154], **киче** [30] (майя), **кечуа** (Боливия) [88], **аймара** [155], **гуарани** [145], **намбиквара** [139] (изолированный, Амазония), **апурина** [31] (аравакский), **алабама** [153] (мускогский), **чероки** [151; 152] (ирокезский), **хайда** [148] (изолированный), **мивок** [122] и **цимшиан** [123] (семья пенути), **малисит** [32] (алгонкинский);
- 3 “папуасских”: **мианмин** [77] (трансновогвинейская семья), **амбулас** [144] (семья сепик-раму), **камасау** [143] (семья торричели);
- 3 австралийских: **вагиман** [76] (семья гунвингу), **камиларои** [130] и **гупапуингу** [131] (семья пама-ньюнга);
- 1 андаманский: **онге** [75];
- 1 уральский: **венгерский** [10];
- 1 дравидский: **тамильский** [13];

- 2 алтайских: **гагаузский** [135] (тюркский) и **корейский** [160];
- 1 картвельский: **грузинский** [14];
- 1 енисейский: **кетский** [22; 23; 24; 25; 26];
- 7 языков Евразии, считающихся полностью изолированными: **японский** [11], **айнский** [60], **баскский** [27, 28], **бурушаски** [127; 128], **шумерский** [61; 62], **кусунда** [121] (Непал), **шомпен** [149] (Никобарские острова);
- и 1 искусственный: **квенья** [43; 44].

В общем, мы стремились к тому, чтобы **статистическая выборка языков мира** была хотя бы в самом общем смысле **репрезентативной**.

Информационная ценность сравнения языков мира с ностратической и сино-кавказской реконструкциями оказалась различной. Сравнение с сино-кавказской реконструкцией оказалось в целом значительно менее информативным. В подавляющем большинстве языков мира совпадения с сино-кавказской реконструкцией в целом оказались на “уровне шума”. Но такое сравнение было эффективно в отношении выделения сино-кавказских языков из общего числа остальных.

Однако — и это, пожалуй, наиболее загадочный результат данного исследования — наряду с собственно сино-кавказскими и собственно ностратическими по результатам языками несколько языков четко проявили особенности и ностратических, и сино-кавказских языков **одновременно**. Такие языки мы условно назвали “**гибридными**” и выделили в отдельную группу.

Сравнение с ностратической реконструкцией позволило сделать неожиданный фундаментальный вывод: **количество**

совпадений с ностратической реконструкцией в подавляющем большинстве языков мира статистически существенно превышает “уровень шума” случайных совпадений звучания слов, не связанных лексической близостью. Это значит, что уже при разработке ностратической реконструкции исследователи “докопались” до серьезного числа морфем, которые сохранились от древнейшего **единого языка человечества.**

Что такой язык **должен** был существовать – видно, в частности, из исследований генетиков, в особенности исследований мужской Y-хромосомы. Для них очевидно, что, по крайней мере, по мужской линии все люди – потомки одного человека, который жил в сравнительно-историческом смысле не так уж и давно. Все современные люди в прямом смысле не столь уж дальние родственники. Иначе говоря, человечество прошло через генетическое “бутылочное горлышко”:

“Исследования последнего времени значительно снизили возраст «мужского» MRCA («Y-хромосомного Адама»). Еще в 1995 г. Уитфилд с соавторами получили возраст MRCA по Y-хромосоме в районе **40 тыс. лет** на основе секвенирования протяженного участка (18.3 т.п.н.) в районе гена SRY [89]. Затем аналогичные оценки были получены в более представительном исследовании по секвенированию участка Y-хромосомы (TMRCA = 59 тыс. лет; 95 % CI = **40–140**) [90] и на основе распределения восьми Y-сцепленных микросателлитов (TMRCA = 46 (95 % CI **16–126 тыс. лет**)) [91]. Что же касается корня генеалогического древа гаплотипов Y-хромосомы, то все исследования указывают на африканское происхождение «Адама». Последние оценки возраста MRCA по Y-хромосоме значительно ниже, чем TMRCA для мтДНК [митохондриального ДНК, передаваемого

по женской линии. - И. Р.] (177 тыс. лет) [92], аутосомного локуса (ген β -глобина, 850 тыс. лет) [93] или X-хромосомы (535 тыс. лет и 1860 тыс. лет для двух разных участков) [94, 95]. ...Возраст общего предка современных мужских линий меньше, чем можно было бы ожидать” [96].

Вообще-то генетикам корректнее было бы вести речь не об «Y-хромосомном Адаме» (тем более что “митохондриальная Ева” на полторы сотни тысяч лет старше), а об «Y-хромосомном Ное и его сыновьях». Возможно, мифологическая память человечества в распространенной по миру легенде о единственной семье, выжившей после страшной катастрофы, сохранила память о действительной исторической ситуации, случившейся примерно 40 тысяч лет назад.

В связи с этим предлагаем назвать все языки, восходящие к “Ноевому” праязыку, **нойскими**.

Очень вероятно, что в мире существуют только нойские языки. Так, все исследованные нами койсанские языки основных семей довольно очевидно являются нойскими, а язык хадза – даже бореальным.

В поисках языка с ностратическим коэффициентом существенно менее 50 мне пришло в голову проверить на этот счет *искусственные* языки. Сколько-нибудь заметное распространение среди них получили только эсперанто и квенья: только об этих двух искусственных языках можно сказать, что они служат живым средством общения между людьми. Эсперанто для наших задач неинтересен: он не только ностратический и индоевропейский по своему лексическому составу, но даже конкретно романский. Решил проверить квенью (искусственный “эльфийский” язык, созданный Дж. Р. Р. Толкиным, автором эпического цикла об истории Средиземья). Его “ностратический коэффициент” оказался **55**.

Т. е. язык квенья выглядит не как ностратический или сино-кавказский, но во всяком случае как обычный нойский язык. Учитывая, что Дж. Р. Р. Толкин был профессиональным лингвистом из Оксфорда, это неудивительно. Насколько известно, Толкин использовал для своего словаря слова из реальных земных языков. Толкиновское Средиземье располагалось явно на Земле...☺

Однако существует и другая библейская легенда: о могучих и грешных великанах **рефаим**, большинство которых погибло во время Потопа. Но великану Огу удалось спастись на Ноевом Ковчеге, и потомки его есть среди людей [97]. Итак, предположительно не-нойские языки мы назовем **рефаимскими**.

В связи с этим первый очевидный вопрос: а существуют ли рефаимские языки? Нам удалось с высокой долей вероятности обнаружить по крайней мере один такой язык — **кача** из языковой семьи **каду** (тумтум), условно относимой то к кордофанским, то к нило-сахарским языкам. Его ностратический коэффициент равен **45**, что соответствует обычному “уровню шума” и существенно ниже подобного коэффициента у любых других обследованных языков. При этом у “перевернутого” списка языка кача “ностратический” коэффициент оказался равен **54**! Впрочем, в связи с достаточно высоким числом синонимов в 100-словном списке кача эти данные мы не учитываем при обобщении материала по “уровню шума”.

Обратим внимание на то, что по уже упоминавшимся Y-хромосомам древнейшей группой, чьи предки по мужской линии ранее всех отделились от остального человечества, были носители **гаплогруппы А**. Число носителей этой гаплогруппы среди различных племен бушменов колеблется от 12 до 44 %. А вот среди жителей юга республики Судан эта

доля составляет в среднем 53 %, подымаясь у динка до 62 % [98]. Динка — это нилотский народ, родственники туркана и маа. Но носители языков каду тоже живут именно здесь, в этом же регионе.

Сравнение 100-понятийных списков реальных языков со списком ностратической реконструкции позволило четко выделить наряду с собственно ностратическими и родственными им лишь на самом общечеловеческом «нойском» уровне **«контрольными» языками** также *группу языков с промежуточным числом соответствий с ностратической реконструкцией*: меньше, чем у собственно ностратических, но существенно больше, чем у обычных «контрольных». Это прежде всего сино-кавказские языки. Наиболее логичное объяснение этого факта относительно сино-кавказских языков — более близкое генетическое родство ностратических языков с сино-кавказскими, чем с какими-либо иными. Это тем более подтверждается наличием группы “гибридных” языков. В отношении этой ветви нойских языков, объединяющей сино-кавказскую и ностратическую макросемьи, мы употребляем термин **«бореальные языки»**. Однако помимо ностратических и сино-кавказских в данную группу попал еще целый ряд самых разных языков со всех континентов.

Все эти данные можно обобщить в следующей таблице:

Таблица 4:

№	языки	ностратические слова: очевидные / вместе с предполагае мыми	ностр атичес кий коэф фицие нт	сино- кавказские слова: очевидные / вместе с предполага емыми	общие ностратиче ские и сино- кавказские слова / только сино- кавказские слова
1	английский	30 / 47	77	13 / 23	15 / 8
2	русский	42 / 58	100	10 / 29	18 / 11
3	украинский	40 / 60	100	9 / 23	14 / 9
4	итальянский	34 / 57	91	8 / 14	11 / 3
5	латинский	53 / 84	137	15 / 32	14 / 18
5а	латинский сокращенный	32 / 58	90	6 / 22	13 / 9
6	суринамский	26 / 53	79	6 / 20	14 / 6
7	венгерский	28 / 50	78	7 / 15	9 / 6
8	японский	26 / 49	75	10 / 13	11 / 2
9	шумерский	40 / 64	104	16 / 29	14 / 16
9а	шумерский сокращенный	27 / 49	76	9 / 18	10 / 8
10	тамильский	37 / 53	90	9 / 19	5 / 14
11	грузинский	40 / 57	97	7 / 15	10 / 5
12	хауса	27 / 47	74	9 / 21	7 / 14

13	мальтийский	27 / 46	73	15 / 25	12 / 13
14	юкагирский	30 / 54	84	16 / 25	12 / 13
15	корякский	27 / 50	77	7 / 18	8 / 10
16	нивхский	32 / 49	81	12 / 24	8 / 16
17	манинка	32 / 59	91	12 / 23	13 / 10
18	мивок	29 / 53	82	16 / 27	17 / 10
19	цимшиан	27 / 46	73	15 / 26	13 / 13
20	корейский	30 / 53	83	15 / 31	20 / 11
21	нафаанга	28 / 54	82	6 / 20	16 / 4
22	басса	26 / 51	77	13 / 27	10 / 17
23	гагаузский	33 / 55	88	15 / 26	17 / 9
24	волоф	34 / 62	96	9 / 24	16 / 8
25	санго	34 / 55	89	12 / 25	13 / 12
31	дагбани	30 / 56	86	18 / 34	16 / 18
26	аймара	35 / 51	86	13 / 34	16 / 18
	ностратически е	26-53 / 46-84	73-137	7-18 / 13-34	5-21 / 2-18
	ностратически е без латинского	26-42 / 46-64	73-104	7-18 / 13-34	5-21 / 2-18
27	айнский	42 / 60	102	27 / 37	21 / 16
28	бурушаски	39 / 55	94	22 / 36	17 / 19
29	апачи хикарилья	35 / 59	94	30 / 54	30 / 24

30	манга (канури)	35 / 62	97	29 / 52	19 / 33
	“гибридные”	35-42 / 55-62	94-102	22-30 / 36-54	17-30 / 16-33
32	китайский	22 / 46	68	26 / 43	15 / 28
33	бирманский	21 / 39	60	20 / 37	13 / 24
34	чеченский	21 / 43	64	25 / 41	22 / 19
35	абазинский	23 / 38	61	29 / 47	21 / 26
36	кетский	25 / 41	66	32 / 50	11 / 39
37	баскский	29 / 42	71	22 / 39	18 / 21
38	тлинкит	24 / 40	64	19 / 36	10 / 26
39	намбиквара	23 / 46	69	22 / 39	13 / 26
	сино-кавказские	21-28 / 38-46	60-71	19-32 / 36-50	10-22 / 19-39
40	зарма	24 / 40	64	18 / 29	14 / 15
41	туркана	24 / 44	68	10 / 25	12 / 13
42	маа (масаи)	24 / 45	69	10 / 21	11 / 10
43	кечуа (Боливия)	25 / 44	69	14 / 25	15 / 10
44	гуарани	26 / 44	70	10 / 21	10 / 11
45	ительменский	25 / 40	65	8 / 19	5 / 14
46	хмонг (мяо)	21 / 41	62	12 / 21	8 / 13
47	вагиман	24 / 41	65	10 / 22	8 / 14
48	камиларои	25 / 42	67	7 / 15	7 / 15
49	гупапуингу	24 / 42	66	9 / 20	10 / 10

50	мианмин	22 / 43	65	12 / 25	9 / 16
51	амбулас	27 / 40	67	12 / 24	14 / 10
52	хадза	24 / 44	68	17 / 29	14 / 15
53	догон (ампари па)	24 / 42	66	10 / 20	12 / 8
54	бангиме	26 / 42	68	7 / 13	6 / 7
55	точо (Кордофан)	26 / 43	69	9 / 16	7 / 9
56	мору	27 / 43	70	13 / 28	15 / 13
57	хайда	25 / 46	71	14 / 26	10 / 16
58	алабама	25 / 43	68	17 / 30	12 / 18
59	ацтекский	25 / 44	69	14 / 30	11 / 19
	эти прочие бореальные	21-27 / 40-46	62-71	7-17 / 13-30	5-15 / 7-19
60	суахили	18 / 36	54	5 / 20	7 / 13
61	вьетнамский	20 / 37	57	12 / 25	12 / 13
62	малайзийский	17 / 39	56	11 / 27	5 / 12
63	гавайский	19 / 41	59	13 / 29	14 / 15
64	тайский	19 / 40	59	14 / 27	9 / 18
65	киче	17 / 33	50	7 / 21	6 / 15
66	апурина	17 / 38	53	10 / 18	8 / 10
67	малисит	20 / 36	56	11 / 23	7 / 16
68	чероки	18 / 38	56	9 / 23	11 / 12
69	нама	18 / 33	51	12 / 29	15 / 14

70	йоруба	16 / 35	51	8 / 20	7 / 13
71	сандаве	20 / 36	56	14 / 25	12 / 13
72	бушменский та	19 / 39	58	10 / 24	14 / 10
73	бушменский жу	22 / 36	58	9 / 26	10 / 16
74	онге	17 / 40	57	9 / 23	10 / 13
75	эскимосский юпик	19 / 37	56	5 / 12	5 / 7
76	алеутский	18 / 39	57	9 / 21	7 / 14
77	темейн	16 / 40	56	12 / 27	17 / 10
78	эга	17 / 41	58	5 / 24	9 / 15
79	со (кульяк)	17 / 33	50	14 / 22	3 / 19
80	кусунда	18 / 34	52	14 / 26	10 / 16
81	мейн (иджо)	15 / 43	58	7 / 18	9 / 9
82	шомпен (ущербный список)	18 / 39	57 (~ 63?)	6 / 15	6 / 15
83	камасау	17 / 33	50	11 / 24	8 / 16
84	квенья	17 / 38	55	7 / 21	9 / 12
	«КОНТРОЛЬНЫЕ»	15-22 / 33-43	50-59	5-14 / 12-29	5-17 / 7-19
	нойские языки	15-42 / 33-84	50-137	5-32 / 12-50	5-22 / 2-39
	перевернутый английский	12 / 27	39	7 / 21	7 / 14
	перевернутый украинский	14 / 35	49	6 / 21	11 / 10

	перевернутый чеченский	19 / 31	50	12 / 27	9 / 18
	перевернутый туркана	17 / 29	46	8 / 10	8 / 2
	перевернутый нама	13 / 30	43	6 / 16	5 / 11
	перевернутый зарма	15 / 34	49	12 / 26	11 / 15
	перевернутый суахили	7 / 31	38	8 / 20	4 / 16
	«уровень шума»	7-19 / 27-35	38-50	6-12 / 10-27	4-11 / 2-18
85	рефаимский (?) кача (каду)	15 / 30	45	6 / 21	7 / 14
	перевернутый кача	14 / 40	54	8 / 26	11 / 15

Эти данные можно обобщить в следующей таблице:

Таблица 5

языки	ностратическ ие слова: очевидные / вместе с предполагае мыми	нострат ический коэффи циент	сино- кавказские слова: очевидные / вместе с предполага емыми	общие ностратическ ие и сино- кавказские слова / только сино- кавказские слова
ностратические	26-53 / 46-84	73-137	7-18 / 13-34	5-21 / 2-18
ностратические без латинского	26-42 / 46-64	73-104	7-18 / 13-34	5-21 / 2-18
сино- кавказские	21-28 / 38-46	60-71	19-32 / 36- 50	10-22 / 19-39
“гибридные”	35-42 / 55-62	94-102	22-30 / 36- 54	17-30 / 16-33
прочие бореальные	21-27 / 40-46	62-71	7-17 / 13-30	5-15 / 7-19
«контрольные»	15-22 / 33-43	50-59	5-14 / 12-29	5-17 / 7-19
нойские языки	15-42 / 33-84	50-137	5-32 / 12-50	5-22 / 2-39
«уровень шума»	7-19 / 27-35	38-50	6-12 / 16-27	4-11 / 10-18
рефаимский кача (каду)	15 / 30	45	6 / 21	7 / 14
перевернутый кача	14 / 40	54	8 / 26	11 / 15

Безусловно, однозначно утверждать рефаимский характер языка кача вряд ли представляется возможным. Но для этой

гипотезы есть очень серьезные основания. Языки семьи кульяк (на примере языка со) из того же региона — также под подозрением.

Как видим, в среднем количество совпадений с сино-кавказской реконструкцией по реальным языкам также несколько выше, чем “уровень шума”. Это легко объяснимо с учетом близкого родства ностратического и сино-кавказского праязыков.

Из данных таблиц можно сделать еще целый ряд нетривиальных выводов.

5. Анализ результатов: выводы и предположения

Первый и самый очевидный вывод из Таблицы 4 — это то, что целый ряд языков мира **однозначно не является ностратическими**, хотя о них и высказывались подобные гипотезы. Это в первую очередь *эскимосские* и *алеутский* языки.

Кроме того, если корякский язык выглядит ностратическим, то ительменский язык в отличие от корякского оказался не-ностратическим, хотя и сходным с бореальными. Из этого следует, что *ительменский язык не родственен другим чукотско-камчатским*. Впрочем, относительно родства языка ительменов (камчадалов) с корякским и чукотским у лингвистов и ранее были большие сомнения: «Существуют две точки зрения относительно генетической принадлежности И.я. Гипотеза А: И.я. и другие чукотско-камчатские языки восходят к одному праязыку; резкие отличия И.я., отмеченные на всех уровнях, объясняются интенсивным иноязычным влиянием; предполагается, что И.я. поглотил какой-то иной, нечукотско-

камчатский язык (В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, П. Я. Скорик). Гипотеза Б: И.я. генетически не связан с другими чукотско-камчатскими языками; элементы общности представляют собой результат конвергентной эволюции (Д. Уорт, А. П. Володин, А. С. Асиновский); таким образом, есть основания считать И.я. генетически изолированным, противопоставленным в чукотско-камчатской группе безусловно родственным чукотско-корякским языкам. Генетической связи между И.я. и языком айнов (южные соседи ительменов) также нет» [87]. Наши данные подтверждают эту гипотезу Б.

Точно так же не подтверждается родство на каком-либо уровне между бореальными по виду *папуасскими* языками семей трансногвинейской и сепик-раму, с одной стороны, и “контрольной” по виду семьей торричели, с другой. Данная точка зрения также вовсе не нова: “Папуасское население Океании образовалось в результате нескольких последовательных миграций, поэтому многие языки папуасов не связаны между собой. ...К самым многочисленным семьям трансногвинейской и сепик-раму относятся народы, связанные своим происхождением с наиболее поздним слоем папуасских мигрантов. ...К древнейшему слою папуасов относятся народы семьи торричелли... а также народы более мелких семей” [167, с. 126]. Эта точка зрения нашла свое очевидное подтверждение.

Также очевидным является *отсутствие родства между так называемыми америндскими языками*, куда часто включают все индейские языки за исключением семьи на-дене. Впрочем, в данную концепцию сегодня и так верит мало кто из лингвистов. Среди т. н. “америндских” языков обнаружены языки всех основных выделенных нами групп: ностратические, сино-кавказские, “гибридные”, бореальные и

“контрольные”, а их ностратический коэффициент колеблется от 50 у киче до 94 у апачей. Абсолютно не подтверждается и некритически позаимствованная в русскоязычные обзоры классификация Гринберга [120], объединившего собственно семью пенути и ряд других с языками майя в макросемью “макро-пенути”. Если верить нашему методу, то языки мивок (пенути) и киче (из группы майя) в принципе не могут быть родственными: у мивок “ностратический коэффициент” составляет 82, а у киче – 50.

Не менее очевидно *выглядят совершенно искусственными группами все три так называемые африканские “макросемьи” - нигеро-кордофанская, нило-сахарская и койсанская.*

Совершенно очевидно, что **нило-сахарская надсемья в ее принятых ныне границах является искусственным объединением неродственных языков.** Собственно, это подозревал и С. А. Старостин: «Нигер-конго — самая большая языковая семья в мире, там примерно полторы тысячи языков, и с точки зрения изученности и исторической реконструкции это тоже катастрофично, потому что практически ничего не сделано... Затем есть нило-сахарские языки, с которыми совсем плохо. Существенно хуже, чем с нигер-конго. На конференции говорили: у койсанских языков характерное — это кликсы, они все время щелкают, у нигер-конго характерное — это именные классы. Там, начиная с банту, видна эта система, у них есть по 15 и больше именных классов, в каждом существительном — префикс единственного и множественного числа, это все согласуется с глаголом и так далее. А все языки, которые не имеют именных классов и кликсов, относятся к нило-сахарским, естественно, **географически**» [78].

Более того, выглядят искусственными объединениями

даже дробные подразделения этой макросемьи. Так, К. Эрет предложил *кир-аббайскую* семью в составе восточносуданской надсемьи нило-сахарских языков. В состав этой кир-аббайской семьи он включил в частности нилотские и темейнские языки [168]. Но согласно нашему исследованию языки темейн и нилотские очевидно **не** являются родственными. У нилотских языков туркана и маа “ностратический” коэффициент составляет 68 — 69, а у языка темейн — 56.

Не менее искусственной выглядит и нигеро-кордофанская “макросемья”. Это наглядно видно из следующей таблицы:

Таблица 6. Нигеро-кордофанские языки:

№	языки	ностратические слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	ностратический коэффициент	сино-кавказские слова: очевидные / вместе с предполагаемыми	общие ностратические и сино-кавказские слова / только сино-кавказские слова
	ностратические без латинского	26-42 / 46-64	73-104	7-18 / 13-34	5-21 / 2-18
1	манинка (манде)	32 / 59	91	12 / 23	13 / 10
2	нафаанга (сенуфо)	28 / 54	82	6 / 20	16 / 4
3	басса (кру)	26 / 51	77	13 / 27	10 / 17

4	волоф (зап. - атлантические)	34 / 62	96	9 / 24	16 / 8
5	санго (адамава-убанги)	34 / 55	89	12 / 25	13 / 12
6	дагбани (гур)	30 / 56	86	18 / 34	16 / 18
	прочие бореальные	21-27 / 40-46	62-71	7-17 / 13-30	5-15 / 7-19
7	ампари па (догон)	24 / 42	66	10 / 20	12 / 8
8	бангиме	26 / 42	68	7 / 13	6 / 7
9	точо (Кордофан)	26 / 43	69	9 / 16	7 / 9
	«контрольные»	15-22 / 33-43	50-59	5-14 / 12-29	5-17 / 7-19
10	суахили (банту)	18 / 36	54	5 / 20	7 / 13
11	йоруба (бенуэ-конго)	16 / 35	51	8 / 20	7 / 13
12	эга (ква)	17 / 41	58	5 / 24	9 / 15
13	мейн (иджо)	15 / 43	58	7 / 18	9 / 9
	«уровень шума»	7-19 / 29-35	38-50	6-12 / 10-27	4-11 / 2-18

Как видим, **отсутствие генетического родства между различными языками “нигеро-кордофанской макросемьи” доказано однозначно.** Скажем, языки волоф (ностратический коэффициент 96) и йоруба (ностратический коэффициент 51) не могут быть родственными *ни при каких условиях*. Отметим,

что объединение столь разнородных языков в единую “макросемью” и ранее поддерживали далеко не все исследователи. Так, известный советский лингвист-африканист Д. А. Ольдерогге писал: “Языки манде отличаются от всех остальных языковых групп Тропической Африки настолько, что их считают особой языковой семьей, отличной от всех других африканских языков” [66, с. 62].

Впрочем, относительно койсанских языков наше исследование может сделать лишь один вывод: язык *хадза* точно не родственен остальным койсанским. Он явно бореальный. Из этого **не** следует, что остальные койсанские языки не могут быть все родственными. Кроме того, довольно очевидным оказался *нойский* характер этих “щелкающих” языков, которые в последнее время стали часто считать резко отличными от всех прочих языков Земли. Эта теория в целом нами не подтверждается.

Хадза – это народ охотников и собирателей, сохранивших исключительно древние черты первобытной культуры. “Происхождение хадза не вполне ясно. Так как антропологически они относятся к негрской малой расе с небольшим количеством капоидных черт, их традиционно рассматривали как остаток койсанских народов в Восточной Африке. Но недавнее генетическое исследование показало, что они, фактически, больше связаны с западноафриканскими *пигмеями*. Согласно Knight et al. (2003) [81], Y-гаплогруппы хадза главным образом представлены субветвью B2b (52%), то есть той же самой субветвью, которая присутствует у типичных представителей пигмеев — народов мбути и бака. Большая доля E3a (30%) показывает известную примесь банту. Остальные Y-гаплогруппы представлены другими E-субветвями. Митохонриальная ДНК (мтДНК) представлена гаплогруппами L2 (главным образом L2a1, пигмейского

происхождения) и L3 (преимущественно L3g, восточно-африканского происхождения), и ни одна из них не совпадает с таковыми койсанских народов Южной Африки” [82]. Между прочим, в литературе встречаются упоминания о том, что *языки пигмеев* мбути и биака – тоже “щелкающие”, как и собственно койсанские [84].

Существенная примесь крови банту тут не должна смущать: этнографы описывают, что даже в наше время (!) образ жизни охотников-собирателей подчас оказывается привлекательнее образа жизни земледельцев (скотоводство на родине хадза было невозможно из-за мухи цеце): “Основным отличием Менданы от других поселений пигмеев, где мы побывали, было то, что кроме пигмеев (12 человек, пять семей), здесь жили и банту (22 человека, семь семей). Причем, если обычно пигмеи перенимают у банту навыки земледелия и начинают вести оседлый образ жизни, то в Мендане произошло наоборот. Банту пришли к пигмеям, оставив земледелие, и занялись охотой и собирательством” [83].

Возможно, когда-то таким же образом некая пришлая (возможно, даже не из Африки) группа носителей прабореального языка передала свой язык предкам хадза. Скорее всего, это было еще в конце палеолита. Примерно тогда же носители прабореальных языков могли оказаться и в Австралии, а также на Новой Гвинее и в Америке. В любом случае *в отношении “бореального” единства языков речь однозначно должна идти еще об эпохе палеолита и ледниковом периоде.*

Наконец, относительно отсутствия родства весьма интересен результат по языку хмонг из семьи *мяо-яо* в Юго-Восточной Азии. В отличие от соседних австроазиатских, тайских и австронезийских языков хмонг выглядит скорее бореальным; хотя все это не слишком надежно, ведь разница в

ностратическом коэффициенте не так уж велика. “Миф о происхождении от собаки связывает народы Южного Китая и Юго-Восточной Азии с древними северными народами, расселенными по соседству с Центральной Азией и занимавшихся в основном скотоводством. В этнографическом плане особый интерес представляет тяготение мифа и черт материальной культуры народов мяо и яо к этой северной зоне” [175, с. 164].

В своем учебнике С. А. Бурлак и С. А. Старостин оставили под вопросом ностратический характер эскимосско-алеутских, эламского, юкагирского, чукотско-камчатских языков [36, с. 334, 337, 382]. Г. С. Старостин посвятил проблеме принадлежности *эламского* языка отдельную статью [37]. Мы критически проанализировали эту статью в последней электронной версии нашей монографии, где показали, что приведенные самим Г. С. Старостиным аргументы свидетельствуют скорее о ностратическом характере эламского языка [38]. Но составить для него полноценный 100-словный список пока не представляется возможным. Из остальных перечисленных языков с помощью нашего метода ностратическая принадлежность ительменского, эскимосских и алеутского языков не подтвердилась. Зато полностью подтвердилась *ностратическая принадлежность прочих чукотско-камчатских и юкагирского языков*. Не стала таким уж сюрпризом и ностратическая принадлежность *японского* языка (алтайская принадлежность которого доказана С. А. Старостиным), а также изолированных *нивхского* и *шумерского* языков.

Обратим при этом внимание, что *относительно изолированных языков, подобных нивхскому и шумерскому, “ступенчатая реконструкция”*

невозможна в принципе. Это значит, что единственным методом определения их дальнего родства может служить **только** сравнение их лексики с лексикой глубоких реконструкций, подобных ностратической и сино-кавказской.

В определенной мере ожидаемым было и **доказательство ностратического характера индейских языков из макросемьи пенути**, на примере языков *мивок* и *цимшиан*.

Вообще ситуация с семьей пенути имеет довольно интересную историографию. Н. С. Трубецкой еще в 1958 году поставил под сомнение генетическое родство индоевропейских языков, высказав предположение, что их общие черты могли возникнуть конвергентно, в результате тесного общения (наподобие языкового союза). Он дословно писал: “Для доказательства принадлежности данного языка к индоевропейскому семейству, (...) необходимо наличие следующих шести структурных признаков, свойственных всем известным нам индоевропейским языкам (живым и вымершим):

1. Отсутствие гармонии гласных.
2. Число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова.
3. Слово не обязано начинаться с корня.
4. Образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы.
5. Наряду с чередованиями гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных.
6. Подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее глагола переходного.

Каждый из перечисленных выше шести структурных признаков встречается порознь и в неиндоевропейских языках,

но все шесть вместе - только в индоевропейских. Язык, не обладающий всеми шестью названными признаками, не может считаться индоевропейским, даже если словарь его включает в себе много элементов, совпадающих с индоевропейским. И, наоборот, язык, заимствовавший большую часть своих словарных и формативных элементов из неиндоевропейских языков, но представляющий перечисленные выше шесть признаков (наряду с хотя бы небольшим числом слов и аффиксом, общих другим индоевропейским языкам), должен быть признан индоевропейским. Из этого следует, что язык может **сделаться** индоевропейским или, наоборот, перестать быть индоевропейским” [118].

С. А. Старостин и С. А. Бурлак в своем учебнике для вузов “Сравнительно-историческое языкознание” в опровержение этого “антикомпаративистского” построения привели именно индейские языки пенути как пример языков, обладающих всеми перечисленными Н. С. Трубецким свойствами индоевропейских [36, с. 155]! В своей критике Н. С. Трубецкого они были безусловно правы. Но все-таки, исходя из нашего метода, родство языков пенути с прочими ностратическими (включая и индоевропейские) налицо. И, кроме того, Е. А. Хелимский уже высказывал предположение о том, что языки пенути могут быть ностратическими [179, с. 41-42].

Достаточно ожидаемым был и результат относительно семьи языков *на-дене* в Северной Америке. В частности, то, что язык *тлинкит* из этой семьи выглядит очевидно сино-кавказским. “Во второй половине XX в. различные лингвисты (Э. Сепир, С. Старостин, Э. Вайда, Дж. Гринберг, М. Рулен и несколько десятков других) независимо друг от друга пришли к выводу о связи языков на-дене с сино-кавказскими и енисейскими языками” [169].

Однако нами был получен весьма спорный и, честно говоря, неприятный с точки зрения общей убедительности нашего метода результат относительно однозначно относимого к семье на-дене языка *апачей*, а также уверенно относимого к сино-кавказским языка *бурушаски* в Гималаях. Они попали в сводной Таблице 4 в разряд “гибридных”, сочетающих очевидные черты ностратических и сино-кавказских. Исходя из ситуации с языками на-дене и бурушаски, по нашему мнению, подобные “гибридные” языки *следует относить к сино-кавказским*.

Если исходить из данной гипотезы, то следует предполагать сино-кавказский характер не только языков тлинкит и баскского, но и языков бурушаски, апачи, а также *айнского* языка (Япония), и семьи *канури (сахарской)* в Африке.

Но не исключено, что в некоторых случаях речь действительно идет о гибридных языках, с чертами как сино-кавказских, так и ностратических. Характерно, что в “гибридных” языках в целом гораздо выше число слов, общих и с ностратической, и с сино-кавказской реконструкциями. «Ясно, что [языковые] законы могут иметь исключения, но компаративист должен исходить из презумпции поиска законов, не знающих исключений. На их основе объясняется максимум фактов, а затем уже приходится думать, как объяснить то, что никак не подпадает под действие законов» [116, с. 14].

Наиболее неожиданный и в определенной мере сенсационный результат данного исследования: нами установлен очевидно ностратический характер значительной части языков Тропической Африки, в частности, шести языковых семей “нигеро-кордофанской макросемьи”: манде, сенуфо, гур, адамава-убанги, кру и

западно-атлантической. Данный результат может и *должен* быть проверен традиционными для компаративистики методами (в частности, методом “ступенчатой реконструкции”). При этом следует обратить внимание на “почти гибридный” результат по языкам гур.

Географически пять групп этих ностратических африканских языков (мы будем их условно называть **афро-ностратической языковой макросемьей**) — манде, кру, гур, сенуфо и западно-атлантическая — представляют собой компактный массив на юго-западе Западной Африки, граница которого проходит через Кот-д-Ивуар. Переселение далее на восток народов фульбе и буса произошло уже в позднее время. Языки группы адамава-убанги также занимают компактную территорию в пределах Центрально-Африканской республики и прилегающих районов Заира, Судана и Камеруна. С теми и другими граничит огромный массив семьи языков бенуэ-конго или, иначе, “южная группа семей вольты-конго”, которую, по нашему мнению, только и следует называть (вероятно, вместе с ква) *языковой семьей вольты-конго*, с народами банту в качестве самых типичных представителей.

Этот раздел Западной Африки на два принципиально разных языковых региона полностью совпадает с таким же культурным разделом, проходящим через Кот-д-Ивуар:

“Те, кто искал в лесу убежища от северных завоевателей, обосновались к западу от реки Бандама (южные манде, племена кру), а отступавшие с востока — к востоку от нее. Бандама, таким образом, разделила миграционные потоки и стала важной этнической границей. Народы, живущие к востоку от реки Бандама, ведут свое происхождение от суданских народов, которые на протяжении веков продвигались к лесной зоне и далее к Атлантическому океану. Смешавшись с коренным населением, они образовали

совершенно особую этническую провинцию. ...Аньи и бауле, некогда переселившиеся с востока и происходящие от акан, имеют вековые традиции возделывания ямса и многолетних культур. Ямс занимает особое место в традиционном укладе этих групп. ...Народы, живущие к западу от Бандамы, принадлежат к так называемой цивилизации риса. Рисоводство — характерное традиционное занятие народов, относящихся к гвинейско-либерийскому этническому массиву. Граница между территориями, где распространены культуры ямса и риса (по р. Бандама), делит не только Кот-д-Ивуар, но и всю Западную Африку на две зоны земледелия, отражающие различные этноисторические влияния” [170, с. 100, 102].

По нашему мнению, разведение риса пришло в районах с влажным экваториальным климатом на смену разведению *проса* в более северных засушливых районах Сахеля, откуда пришли предки афро-ностратических народов. Т. е. речь идет о традиции разведения злаков в противовес культуре ямса у народов вольта-конго. Скажем, о народах *сенуфо*, обитающих на севере того же Кот-д-Ивуар, сказано так: “Сенуфо и боболби на севере страны — типичные жители саванны, издавна занимающие свою нынешнюю территорию. ...Сенуфо выделяются весьма высокой культурой земледелия. ...В северной подзоне, с ее затяжным (до 5 месяцев) сухим сезоном лучше всего удаются относительно скороспелые культуры, среди которых важнейшее значение имеют *просо* и сорго” [170, с. 102, 97]. Схожая культурно-историческая ситуация сложилась и в регионе народов адамава-убанги. Читаем о самом крупном из них, народе банда: “Банда — выходцы из Судана. Спасаясь от работорговцев, но и находили убежище на убангийских землях в горных районах Котто и Шинко. Постепенно банда расселились по всей стране. Главное их занятие — земледелие. ...Основная их пища — маниок и

просо... из просяной муки делают лепешки” [171, с. 230].

Мы в прежней своей работе [38] подчеркивали, что просо, не известное на ранних неолитических памятниках Ближнего Востока, скорее всего было самостоятельно введено в культуру еще в конце мезолита предками ностратических народов, носителями кукрекской культуры на юге Украины. Помимо выращивания проса “визитной карточкой” ностратических народов было разведение одомашненного на юге Украины еще в эпоху мезолита крупного рогатого скота [73; 74]. О том, что подобное население, первоначально европеоидное по антропологическому типу, проникло в Тропическую Африку в конце эпохи неолита, наглядно свидетельствуют знаменитые *сахарские фрески* “скотоводческого периода” в горах Тассили-Анджер. Там наряду с огромным количеством рисунков быков и коров были найдены также и сцены выращивания злаков (очевидно, именно проса) [172, с. 79]. (Примеры фресок даны на обеих сторонах обложки этой книги).

Причем для первооткрывателей этих фресок была очевидна их связь как раз с говорящим на афро-ностратических языках населением запада Западной Африки, в частности, с фульбе [172, с. 12], а также с упомянутыми ранее сенуфо: “На фреске, выполненной в основном охрой кирпичного цвета, изображен человек. Его тело заштриховано, лицо покрыто маской, напоминающей стилизованную голову антилопы. Под рогами — большой закругленный колпак, две параллельные черточки по бокам обозначают уши. Мне вспоминается, что подобные маски существуют в Западной Африке. И действительно, когда позднее в Париже я занялся изучением коллекции Музея Человека, то к моему изумлению, оказалось, что в наши дни масками такого типа пользуются во время обрядов инициации племени *сенуфо*, живущие на

Берегу Слоновой Кости” [172, с. 56].

С. А. Старостин указывал, что единственной общей чертой всех “нигеро-кордофанских” языков лингвисты считают наличие системы именных классов. Но наличие этих классов в афро-ностратических языках можно легко объяснить влиянием субстрата местных языков вольта-конго. Тот же С. А. Старостин отмечал в своем учебнике: “Система грамматических категорий креольского языка может быть частично заимствована из субстратного языка. Например, гаитянский креольский язык грамматически более сходен с эве — тем африканским языком, который был родным для большинства гаитянских рабов, - чем с французским, послужившим для этого языка основным источником лексики” [36, с. 65 - 66]. Не то ли происходило и в процессе завоевания Судана скотоводами Сахары?

Сравним: система именных классов существует и в сугубо ностратических дравидских языках. Но почему-то их на этом основании никто не объединяет в в одну языковую макросемью с народами банту. В то же время в очевидно родственном языкам банту языке йоруба именные классы и роды отсутствуют...

Вопрос о принадлежности “контрольных” по виду языков иджо предстоит решить лингвистам, но в любом случае языки иджо должны быть ближе к языкам вольта-конго. Что же касается языков догон и вероятно родственного им бангиме, а также кордофанских, то их родственников очевидно следует искать среди “нило-сахарских” бореальных языков.

Самый сложный вопрос — об очевидно ностратических и сино-кавказских по виду языках индейцев Южной Америки. Исходя из всей совокупности наших данных, переселение ностратических народов в Америку не могло произойти ранее конца мезолита, а сино-кавказских — ранее неолита. Понятно,

что при продвижении через Северо-Восток Сибири они должны были утратить навыки скотоводства и земледелия. Хотя сама традиция создания регулярных запасов пищи у них и должна была бы сохраниться. Сино-кавказские племена надене явно происходят с Северо-Запада Северной Америки или даже непосредственно с Аляски, т. е. находятся неподалеку от Берингового пролива. Племена семьи пенути жили отчасти на том же Северо-Западе (цимшианы). Можно понять, как они попали оттуда в Калифорнию.

Куда труднее объяснить ностратический характер базовой лексики народа *аймара* в Андах, на территории современной Боливии. Гипотезы о ностратическом характере аймара нам неизвестны, за исключением следующего замечания: “Фразы на аймара дают стойкое ощущение, что язык почти родной - грамматика не "инопланетная", не чуждая” [173]. По крайней мере, от Калифорнии (где жили ностратические народы пенути) совсем недалеко до Мексики. «Пытаясь объяснить столь, казалось бы, неожиданное возникновение [в IX в. до н. э.] чавинской культуры, вызвавшей коренной переворот в жизни индейцев области Анд, некоторые из американистов высказали предположение, что истоки этой культуры следует искать в других областях Америки, и прежде всего в Мексике. Дело в том, что в Тлатилько, неподалеку от Мехико, была найдена керамика, весьма напоминающая керамику чавинян и примерно того же возраста» [174, с. 125]. А от Перу уже совсем недалеко и до Амазонии, где обнаружился совершенно сино-кавказский по виду язык *намбиквара*. Без сомнения, это самый загадочный результат нашего исследования. Проверить его — дело специалистов.

6. Заключение. Реконструкция праязыков и поиски

прародин

Данный метод и полученные им результаты в целом соответствуют общей методологической базе современной компаративистики и опираются на ее важнейшие достижения в виде ностратической и сино-кавказской реконструкций и 100-словного списка базовой лексики Сводеша, который здесь преобразован в 100-понятийный. Предложенный нами метод существенно дополняет методологический арсенал современной компаративистики.

Если аналогом традиционных методов компаративистики служат кропотливые археологические раскопки, то данный метод можно сравнить с **аэрофотосъемкой**. Быстрая аэрофотосъемка никоим образом не заменяет серьезные, вдумчивые раскопки. Но сверху лучше видна общая картина археологических памятников, а главное, видно, где вообще следует копать археологам. Напомним, что сенсационное открытие на территории Украины городов Трипольско-Кукутеньской цивилизации эпохи энеолита было сделано именно с помощью аэрофотосъемки. Так и наш метод позволяет быстро проверить весь массив языков мира, для которых возможно составить более-менее полный 100-словный список базовой лексики.

Важнейшая эвристическая особенность метода выявления дальнего родства языков путем сравнения 100-понятийных списков их базовой лексики с соответствующими по значению списками слов ностратической и сино-кавказской реконструкций состоит в том, что **реконструированная лексика выявляется в тех языках, которые не привлекались к созданию соответствующих реконструкций**. Это было ярко видно на примере, скажем, шумерского или афро-ностратических языков.

Данная особенность открывает возможности для расширения применения метода в дальнейшем не только на новые языки, но и на новые глубокие реконструкции. Мы, например, не исключаем, что сравнение со 100-понятийным списком, скажем, *австрической* реконструкции позволит выявить родство с австрическими языками каких-то индейских языков. Вообще, создав глубокую реконструкцию на материале ограниченного числа языковых семей (тех же индейцев или папуасов), можно будет затем проверить ее с помощью нашего метода на других языках. А привлечение нового материала из выявленных таким образом родственных языков позволит в свою очередь уточнить глубокие реконструкции.

В компаративной лингвистике следует по-новому поставить задачу реконструкции **“бореального” праязыка** — именно в том понимании термина **“бореальные языки”**, который предлагается в данной работе. Очевидно, что к такой реконструкции можно привлекать данные **только** тех языков, которые выявлены именно как бореальные. А вот, скажем, привлечение данных т. н. **“австрической”** реконструкции, объединяющей австроазиатские, тайские и австронезийские языки, для **“бореальной”** реконструкции ничего не даст и вообще является бессмысленным. Но в то же время такое сравнение, возможно, будет весьма ценным для реконструкции **“нойского” праязыка — глобальной** реконструкции.

Вообще четкое выделение родства на уровне бореальных языков (в предложенном здесь понимании) среди прочих нойских — пожалуй, наиболее интересный и важный результат данного исследования. Именно так ***можно объяснить выявление огромного пласта ностратической лексики в самых разных языках мира.***

В этом смысле в 2005 году замечательно высказался С. А.

Старостин: “Вот расстояние между двумя праязыками 10 тысяч лет... Сравним [ностратические. - И. Р.] японский и французский. Вот это расстояние примерно в 10 тысяч лет. Предположим, мы возьмем амерингский и доведем его до XIV тысячелетия. Очень хорошо. У нас имеется пять-шесть глубоких семей, но я не думаю, что больше. Но нельзя свести их между собой и построить промежуточные этапы. Это странное обстоятельство, потому что при всем языковом различии мы видим сходство. Я вижу сходство между нигерконго и евразийскими, масса изоглосс с амерингскими. Смотришь Новую Гвинею, там в громадных количествах лезут ностратические корни. То есть связь довольно явная, заметная даже на уровне тех реконструкций, которыми мы обладаем. Если это не случайные совпадения, а я так не думаю: встречаешь, например, какое-нибудь австралийское *ухо*, которое будет *кула* или *кулка*, но это, вне всякого сомнения, ностратическое *ухо* — *кула*, оно же кушитское, есть оно и в евразийских, кавказских и т.д. Это не 30 тысяч лет [раздельного существования праязыков уровня ностратического. - И. Р.]” [78].

На основании полученных данных нами предложен не “горизонтальный”, а **“ступенчатый” способ классификации языков мира, исходя из нескольких последовательных бифуркаций:**

1) Первая, самая ранняя бифуркация — расхождение между “нойскими” и рефаимскими языками. Собственно, могут быть выявлены и другие рефаимские языки помимо каду/тумтум. И они совсем не обязательно могут быть родственными. Но зато нойские языки — все родственны на самом глубинном уровне.

2) Вторая бифуркация — расхождение между бореальными и прочими “нойскими” языками. Очевидно, что в

составе “нойских” языков может быть еще несколько ветвей, равных по таксону бореальным языкам.

3) Третья бифуркация — расхождение между разными бореальными макросемьями, в том числе сино-кавказской и ностратической.

4) Четвертая бифуркация — расхождение между разными языковыми семьями (в т. ч. индоевропейской семьей) ностратической макросемьи.

Данный способ классификации имеет прямые аналогии с современными классификациями генетического разнообразия человечества, в частности, с классификациями по Y-хромосоме и по митохондриальной ДНК. Они также построены на ряде последовательных бифуркаций, связанных с новыми мутациями. Правда, генетики выделяют больше таких бифуркаций, и о полном отождествлении данных генетики с данными лингвистики говорить не приходится. Однако мы здесь указали на предположительную связь между гаплогруппой А по Y-хромосоме и рефаимскими языками. Нойские же языки, возможно, связаны с распространением универсальной внеафриканской гаплогруппы С. *Археологически, вероятно, распространение нойских языков было связано с возникновением и распространением культур верхнего палеолита приблизительно 40 тыс. лет назад.*

Можно выдвинуть гипотезу и относительно отождествления с археологическими культурами носителей бореальных языков. Здесь ключевым моментом может служить факт распространения бореальных языков в Австралии и среди части папуасов при отсутствии их среди аборигенных народов Индокитая и юга Восточной Азии (если придерживаться разделяемой специалистами концепции о сравнительно поздней миграции предков сино-тибетских

народов и мяо-яо из Центральной Азии, о чем уже шла речь выше).

“Хоабиньские стоянки (в широком понимании этого термина), занимающие огромное пространство от Южного Китая до Восточной Суматры, содержат орудия развитой индустрии галек и отщепов, которая имеет возраст от 13 тыс. до 4 тыс. лет. Однако есть основания предполагать, что этот технокомплекс сложился гораздо раньше, и его возраст — 30 тыс. лет. ...В эпоху раннего голоцена от Филиппин и Восточной Индонезии до Австралии распространился более прогрессивный технокомплекс отщепов и пластин... Хоабинь и технокомплекс отщепов и пластин очень различаются технологически, орудия со шлифованными краями до сих пор не обнаружены нигде, кроме Австралии. В целом производство отщепов и пластин [в Австралии, Индонезии и на Филиппинах] относится, видимо, к периоду между VI-Vтысячелетиями до н. э. и I тысячелетием н. э. Представляется маловероятным, чтобы эти культуры были продуктом только местного развития... Индийские пластины и микролиты более разнообразны по форме, чем в Юго-Восточной Азии. У. Ферсервис [177, гл. 3] считает, что формы, распространенные в Индостане, **пришли из Западной Азии и Европы**; если это не совпадение, евразийское влияние, видимо, действительно способствовало широкому распространению мелких орудий этого типа в период голоцена. Миграции морем из Индии на Андаманские острова, Суматру и обратно были, конечно, возможны” [176, с. 61, 74, 83, 81].

Индустрия отщепов и пластин характерна как раз для более ранней эпохи финального палеолита (позднего плейстоцена) в Европе и Северной Азии. Известна она и в Америке. Таким образом можно в качестве предварительной гипотезы указать на *возможную связь распространения*

бореальных языков и народов с распространением позднелеолитической технологии отщепов и пластин.

Данный метод дает определенные новые аргументы также в дискуссии относительно **поиска прародины ностратических и сино-кавказских народов**. Прежде всего из характера встречаемости в различных языках мира ностратической и сино-кавказской лексики можно сделать достаточно очевидный вывод: *сино-кавказская макросемья не одновременна ностратической, а представляет собой существенно более позднее историческое явление*. Мы бы предположительно связали сино-кавказскую макросемью с кругом археологических культур “расписной керамики” эпохи позднего неолита-энеолита (от Триполья до Яншао), а собственно сино-кавказскую прародину искали бы в культурах Анатолии эпохи раннего неолита.

Данная точка зрения неплохо подтверждается археологически. *В качестве четкого археологического маркера распространения сино-кавказских народов может выступать спиральный орнамент и связанный с ним культ змеи.*

Образ змеи играл исключительную роль в религиозно-магических представлениях племен трипольской культуры: «Без змея “не обходится” почти ни один керамический сосуд трипольцев. Однако у них он отнюдь не всегда добрый охранник и защитник очага и богатства. Создается впечатление, что в их представлениях жил какой-то *злой змей-дракон*, и они ассоциировали его именно с ужом. Он изображается, как правило, на крышках сосудов снаружи или изнутри, и вид у него свирепый – круглые глаза, большие рога, крылья-когти. На одной такой крышке в одном его глазу сохранилось красное зернышко – значит, глаза у ужа-дракона в представлениях ранних трипольцев были красные, как бы

налитые кровью. Подобных изображений очень много на сосудах-зерновиках, есть двойные изображения змея, двойной спиралью обвивающие сосуды. Спираль, вполне возможно, была для трипольцев символом» [180, с. 26]. Спиральный орнамент типичен для трипольских сосудов. Родство населения Трипольской культуры с северо-кавказцами, в особенности с хурритами признается большинством археологов [184, с. 108 — 110].

Сравним с керамикой эпохи неолита в памятнике Сусаннино-4 (Нижний Амур): “Керамика со спиральным орнаментом, нанесенным поверх вертикального зигзага прочерченными линиями. Спирали безусловно являются стилизованными изображениями змей. Есть уникальный фрагмент краснолощеного сосуда с рельефно вылепленным реалистичным изображением змеи, у которой четко показаны голова, глаза, а чешуя передана гребенчатыми отрисками” [181, с. 16 — 17]. Как мы помним, язык айнов, аборигенов севера Явонии и Сахалина проявил четкие признаки “гибридного”, то есть очевидные черты родства с сино-кавказскими. Это совсем рядом с Нижним Амуром.

Сравним дальше: “Петроглифы Нижнего Амура имеют глубокие черты сходства с петроглифами северо-западного тихоокеанского побережья Северной Америки. Это нанесение рисунков на валунах у самой воды, техника: выбитые желобки с шершавой поверхностью, основные сюжеты. Это прежде всего череповидные личины с огромными глазами, иногда с «ушами» или неким сиянием вокруг головы, водоплавающие птицы, лодки и *змеи* (Сакачи-Алян) или змеевидный монстр, чудовищный дракон с волнисто изогнутым, как у змеи, туловищем и широко раскрытой клыкастой пастью (Северо-Запад Америки), а также концентрические круги и лунки-чаши” [182]. - Это очевидный мост к сино-кавказским народам

Америки, племенам на-дене.

Читаем: “Баншань (Pan Shan), ветвь культуры Яншао китайского неолита. Огромные могильники на холмах в верхнем течении р. Хуанхэ (провинция Ганьсу) раскопаны Андерсоном в 20-х гг., исследованы погребения по обряду ингумации, сопровождавшиеся большим количеством керамики. Наиболее распространенным типом является большая шаровидная урна со *спиральным* или иным криволинейным орнаментом, черной и красной росписью. Погребальный узор состоит из красной ленты между двумя черными, украшенными бахромой. Параллели с Туркестаном, Кавказом и Украиной до сих пор не получили объяснения” [183]. Как видим, лакуна между Триполем, Кавказом, Туркестаном (где обитают буришки) и Китаем успешно заполнена. А значение культа дракона в китайской культуре общеизвестно.

И о предках кетов и других енисейских народов Сибири: “Очевидно, что некоторые формы ножей и клевцов были принесены на Енисей из Северного Китая и Монголии вместе с притоком населения карасукской культуры” [185, с. 121]. Естественно, археологи отмечают “расцвет культа змеи в Восточной Сибири в эпоху бронзы, т. е. в шиверско-карасукское время” [186, с. 350].

Результаты данного исследования также подкрепляют нашу гипотезу о существовании праностратического языка в период мезолита. Высочайший ностратический коэффициент украинского и русского языков (при крайне малом числе синонимов в их 100-понятийных списках) прекрасно подтверждает нашу гипотезу о **ностратической прародине в ареале кукрекской мезолитической культуры на юге современной Украины и прежде всего в Крыму** [5, с. 336 – 351]. Предки украинцев и русских меньше всего сдвинулись с

территории своей прародины. Поэтому логично предположить, что им меньше всего были свойственны процессы **креолизации** языка, сопровождающие в той или иной мере любые процессы переселения народов в новые края. Отметим, что именно с этой культурой, а также с соседней с нею горнокрымской мезолитической культурой многие археологи связывают отчетливые признаки **самостоятельного перехода к производящему хозяйству**: к разведению крупного рогатого скота и свиней [100, с. 200-201; 101; 102; 103; 104; 105; 106; 107; 108, с. 185-187; 109; 110, с. 16-17, 29; 111, с. 38; 112, с. 133-134 и др.] и к земледелию [113, с. 35]. Мы посвятили этому специальную работу [74].

Укажем на еще один существенный момент. Среди компаративистов пользуется популярностью гипотеза А. Ю. Милитарева и В. А. Шнирельмана, отождествивших афразийскую прародину с натуфийской культурой эпохи мезолита [114]. В своей монографии мы подвергли эту гипотезу достаточно жесткой критике [5, с. 351 – 352]. Однако при дальнейшем знакомстве с литературой оказалось, что натуфийцы, вероятно, все же имели какое-то отношение к происхождению ностратических народов в целом: “Важной чертой кремня натуфийских стоянок является значительное преобладание среди геометрических микролитов удлинённых сегментов и сегментоподобных прямоугольников, что характерно и для шан-кобинских [горнокрымских мезолитических. - И. Р.] стоянок Крыма. Техника их изготовления с помощью крутой краевой ретуши, нанесенной в одном направлении (реже — встречной), в Крыму и Натуфии идентична. Заметную роль в обеих культурах играют разного рода спинники, встречаются микрорезцы и т.д. [115]. Таким образом, **натуфийская культура среди культур Ближнего Востока представляет собой, на наш взгляд, ближайшую**

аналогию шан-кобинским памятникам Крыма, что, очевидно, указывает и на их генетическое родство. К изложенному можно добавить, что памятники натуфийской культуры выявлены теперь на территории Сирии и в Малой Азии, то есть непосредственно в районах Южного Причерноморья» [100, с. 59, 64].

Наконец, последний, самый простой вывод и самое очевидное предложение: **необходимо обследовать данным методом все языковое разнообразие мира**, как минимум на уровне представителей всех близкородственных языковых групп и изолированных языков. Таких необходимых для обследования языков вряд ли наберется свыше 200. Нам представляется, что дело того стоит!

Литература

1. Старостин С. А. Два подхода к изучению истории языка: В начале было слово... Когда? // Знание — сила, № 8/2003 [Электронный ресурс] <http://www.znanie-sila.ru/online/issue_2295.html>.
2. Nostratic etymology [Электронный ресурс] <<http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\nostr\nostret&first=1>>.
3. Sino-Caucasian etymology [Электронный ресурс] <<http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\sinocauc\scet&first=1>>.
4. Старостин С. А. О доказательстве языкового родства. // Впервые опубликовано в: Типология и теория языка (к 60-летию А. Е. Кибрика). М., Языки русской культуры, 1999. — С. 57-69. Перепечатано в: Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 779-793.
5. Рассоха И. Н. Украинская прародина индоевропейцев. - Харьков: ХНАМГ, 2007. - 392 с.
6. Беликов В. И. Языковые контакты и генеалогическая классификация. Статья на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» [Электронный ресурс] <<http://www.ruthenia.ru/folklore/belikov2.htm>>.
7. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). - М.: Институт языкознания РАН, 1996. - 390 с.
8. Дьячок М. Т. Глоттохронология: пятьдесят лет спустя (Сибирский лингвистический семинар. - Новосибирск, 2002, № 1) [Электронный ресурс] <<http://www.philology.ru/linguistics1/dyachok-02b.htm>>.

9. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (б-К). – М.: Наука, 1971. – 372 с.
10. Хаас Э. С. Русско-венгерский словарь. 2-е изд. / Под ред. К. Е. Майтинской. - М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. - 608 с.
11. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. - М.: Наука, 1991. - 300 с. (японский 100-словный список — с. 258 — 263).
12. Щелкающие звуки и передача их на письме [Электронный ресурс] <<http://linguarium.iling-ran.ru/scripts/clicks-ru.shtml>>.
13. Андронов М. С., Ибрагимов А. Ш., Юганова Н. Н., Коновалов Е. И. Русско-тамилский словарь: Около 25000 слов / Под ред. П. Сомасундарама и Е. И. Коновалова. - 2-е изд. - М.: Русский язык, 1989. - 608 с.
14. Figueiredo R. B. FREELANG Georgian-English and English-Georgian online dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/georgian.php?lg=gb>>.
15. Лаптухин В. В. Русско-хауса словарь / Под ред. Адо Гвадабе Кано. - М.: Советская энциклопедия, 1967. - 412 с.
16. Figueiredo R. B. FREELANG Maltese-English and English-Maltese online dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/maltese.php?lg=gb>>.
17. Карасаев А. Т., Мациев А. Г. Русско-чеченский словарь. - М.: Русский язык, 1978. - 728 с.
18. Грамматика китайского языка [Электронный ресурс] <http://www.studychinese.ru/viewpage.php?page_id=145>.
19. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] <<http://slovarus.info/kit.php>>.
20. Новиков Н. Н., Колобков В. П. Русско-бирманский словарь / Под ред. У Эй Шве. - М.: Сов. Энциклопедия, 1966. - 880 с.

21. Сердюченко Г. П. Язык абазин (Общие сведения об абазинах, их диалекты, фонетика, морфология, тексты и словарь). Труды Института национальных школ АПН РСФСР и Черкесского научно-исследовательского института // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Выпуск 67. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955. - 296 с.
22. Дульзон А. П. Кетский язык. - Томск: Изд-во Томского университета, 1968. - 636 с.
23. Kazakevich O. Multimedia Database of Ket Language [Электронный ресурс] <http://minlang.srcc.msu.ru/kets/g/g_dall_en.htm>.
24. Figueiredo R. B. FREELANG Ket-English and English-Ket online dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/ket.php?lg=gb>>.
25. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. - Л., 1982. - С. 147 - 246 [Электронный ресурс] <[http://www.nostratic.ru/books/\(141\)Starostin_Yeniseian1.pdf](http://www.nostratic.ru/books/(141)Starostin_Yeniseian1.pdf)>.
26. Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984. - С. 19-37. [Электронный ресурс] <[http://www.nostratic.ru/books/\(61\)starostin%20-%20hypo2.pdf](http://www.nostratic.ru/books/(61)starostin%20-%20hypo2.pdf)>.
27. Русско-баскский словарь // Проект «Герника: веб-портал о баскской культуре» (г. Москва) / А. Архипов [Электронный ресурс] <http://gernika.ru/index.php?q=ты&option=com_hiztegia&Itemid=10>.
28. Gambill Guy T. FREELANG Basque-English and English-Basque online dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/basque.php?lg=gb>>.
29. Русско-суахили словарь: около 30000 слов / Громова Н. В., Довженко А. И., Карпович Б. Б., Мячина Е. Н. - М.: Наследие,

1996. - 720 с.

30. Christenson Al. J. (Brigham Young University). K'iche'-English dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.famsi.org/mayawriting/dictionary/christenson/index.html>>.

31. Da Silva Facundes, Sidney. The Language of the Apurinã people of Brazil (Maipure/Arawak). Tese de Doutorado. University of New York, Buffalo, 2000.

32. Francis D. A., Leavitt R. M. FREELANG Maliseet-English and English-Maliseet online dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/maliseet.php?lg=gb>>.

33. Погадаев В. А., Ротт Н. В. Русско-малайзийский словарь: Около 30000 слов. - М.: Русский язык, 1986. - 504 с.

34. Нгуен Ханг Ан. Карманный русско-вьетнамский словарь. - М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. — 526 с.

35. Starostin G. A Lexicostatistical Approach towards Reconstructing Proto-Khoisan // Mother Tongue, v. VIII. 2003, p. 81-126 [Электронный ресурс] <<http://starling.rinet.ru/Texts/khoilex.pdf>>.

36. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для вузов. – М.: Академия, 2005. – 432 с.

37. Starostin G. On the Genetic affiliation of the elamite language [Электронный ресурс] <<http://starling.rinet.ru/Texts/elam.pdf>>.

38. Рассоха И. Н. 12. Дополнение. Ностратическая прародина: предварительная гипотеза // Украинская прародина индоевропейцев [Электронный ресурс] <http://www.hrono.info/libris/lib_r/rass12indo.html>.

39. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Соотношение языков эскимосско-алеутской семьи по лексикостатистическим

данным // Лингвистические исследования 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. - С.47 — 62.

40. Головкин Е. В. Морфологический каузатив в алеутском языке // Языки народов севера Сибири. - Новосибирск, 1986. - С. 120 -128.

41. Word-lists of the languages of Russian Alaska (in the German, Russian, and Alaskan Native languages, with English added in the present edition)/ by: Ferdinand Petrovich von Wrangell, & Michael Ivanovich Nosov. 1839 A.D. St. Petersburg >> Digital Typography: © 2009 A.D. [Электронный ресурс] >> <http://www.asna.ca/alaska/research/slovar.pdf>

42. Сводеш М. Лингвистические связи Америки и Евразии // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования. - М.: Наука, 1965. - С. 271 — 322.

43. По поводу Списка Сводеша. Была такая тема в сообществе Quenya [Электронный ресурс] >> <http://shinnor.livejournal.com/43998.html>.

44. Fauskanger H. K. English – Quenya [Электронный ресурс] >> <http://www.uib.no/People/hnohf/>.

45. Observations about the Tlingit & Kodiak (Alutiiq) languages (in the Tlingit, Alutiiq, and Russian languages) originally compiled by Rev. Priest John Veniaminov in the 1830's. Published 1846 A.D. St. Petersburg [Электронный ресурс] >> Digital Typography: <http://www.asna.ca/alaska/research/zamechaniya>.

46. English - Yukaghir Dictionary© 2004 Irina Nikolaeva & Thomas Mayer [Электронный ресурс] >> <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/documentation/start3.html/>

47. Irina Nikolaeva. A historical dictionary of Kolyma Yukaghir. Mouton de Gruyter 2006.

48. Приношу благодарность Елене Масловой (Станфордский ун-т, США) за личную консультацию по юкагирскому языку.

49. Приношу благодарность Ирине Николаевой (Оксфордский и Эссекский ун-ты, Великобритания) за личную консультацию по юкагирскому языку.
50. Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
51. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. - Ленинград: Наука, 1972. - 324 с.
52. Крейнович Е. А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. - М.: Наука, 1973. - 496 с.
53. Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Том I. Образцы народной словесности. Часть 1. Эпос. Тексты с переводами и примечаниями. - Спб.: Тип. Императорской АН, 1908. - 232 с.
54. Крейнович Е. А. Об именах пространственной ориентации в нивхском языке // Палеоазиатские языки. - Ленинград: Наука, 1986. - С. 157 — 167.
55. Бурыкин А. А. Тюркский зетатизм-ротацизм, тюркско-нивхские лексические параллели и некоторые проблемы сравнительно-исторической фонетики алтайских языков // Лингвистические исследования. Социальное и системное на различных уровнях языка. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. - С. 30 — 37.
56. Панфилов В. З. Нивхско-алтайские языковые связи // Вопросы языкознания, 1973. - № 5. - С. 3 — 12.
57. Отаина Г. А. Качественные глаголы в нивхском языке. - М.: Наука, 1978. - 128 с.
58. Пейрос И. И., Старостин С. А. О тонах нивхского языка // Палеоазиатские языки. - Ленинград: Наука, 1986. - С. 213 — 218.
59. Shiraishi H. Topics in Nivkh Phonology [Электронный ресурс] >>
<http://ext->

web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/HTML/Shiraishi_binnenwerkgecorrigeerd.pdf.

60. Косарев В.Д. Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект: Около 6000 слов и выражений [Электронный ресурс] >> <http://krafto.narod.ru/AJNU-NUCA.htm>.

61. Halloran J. A. Sumerian Lexicon. Version 3.0 [Электронный ресурс] >> <http://www.sumerian.org/sumerian.pdf>.

62. Словарь шумерского языка (eme-gir) [Электронный ресурс] >> <http://www.trilinguis.ru/linguistic/shumer/dictionary.aspx>.

63. English - Vietnamese dictionary [Электронный ресурс] >> <http://vdict.com/seed,1,0,0.html>.

64. Лабзина В. П. Язык манинка: Тексты, словарь. - М.: Наука, 1973. - 104 с.

65. Tillinghast T., Liebrecht M. Report of a linguistic survey on the Malinke of Western Mali and Senegal with special regard to the Malinke of Kita.щ — Société Internationale de Linguistique B.P. 2232 - Bamako - Rép. du Mali, 1996 [Электронный ресурс] >> <http://www.sil.org/SILESR/1999/006/>.

66. Страны и народы: научно-популярное географическо-этнографическое издание в 20-ти т. Африка. Общий обзор. Северная Африка. - М.: Мысль, 1982. - 349 с.

67. Ковалев В. Ф., Красова Г. А. Краткий итальянско-русский и русско-итальянский словарь. - М.: Русский язык, 1991. - 655 с.

68. Итальянско-русская практическая транскрипция: Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс].

69. Поляшев М. П. Русско-латинский словарь [Электронный ресурс] >> <http://www.linguaeterna.com/ru/lex.html>.

70. Русско-латинский словарь [Электронный ресурс] >> <http://www.notan.h1.ru/ruslat>

71. Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. - М., 1963. [Электронный ресурс] >> <http://www.egyptology.ru/lang.htm#Korostovtsev>.
72. Серебренников В. А. Вероятностное обоснование в компаративистике. - М.: Наука, 1974. - 352 с.
73. Рассоха І. М. Південь України — один із світових центрів виникнення скотарства // Культура народів Причорномор'я, 2009, № 163. - С. 90 — 94.
74. Рассоха І. М. Південно-Український центр неолітичної революції // Харківський історико-археологічний збірник. Випуск 5. - Харків: Мачулін, 2009. - С. 29 — 76.
75. Cogoy E. FREELANG Onge (Andaman)-English and English-Onge online dictionary [Электронный ресурс] >> <http://www.freelang.net/online/onge.php?lg=gb>.
76. Wilson St., Harvey M. The Wagiman online dictionary. [Электронный ресурс] >> <http://www.arts.usyd.edu.au/departs/linguistics/research/wagiman/dict/dict.html>.
77. Weston, Pamela and Jean Smith, compilers. 2009. — English - Mianmin dictionary. [Электронный ресурс] >> <http://www.sil.org/pacific/png/abstract.asp?id=51181>.
78. И вновь: когда возникли языки?: Круглый стол ЗС // Знание — сила, 2005. - № 4 [Электронный ресурс] >> http://195.54.192.236/online/issue_3211.html.
79. Zarma dictionary. Developed by Peace Corps, Niger. Revised 2001 [Электронный ресурс] >> <http://www.bisharat.net/Zarma/index.htm>.
80. Payne D. L. & Ole-Kotikash L. Maa Dictionary: Maasai (ИКеekonyokie, ИРurko, ИWuasinkishu) and Samburu [Электронный ресурс] >> <http://www.uoregon.edu/~maasai/Maa%20Lexicon/index-english/main.htm>.
81. A. Knight et al.: African Y Chromosome and mtDNA

Divergence Provides Insight into the History of Click Languages // Current Biology. — 2003. — V. 13. — P. 464 — 473.

82. Хадза (народ): Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс].

83. Хижняк А. Путь мизунгов // Вокруг света, 1997. - № 10. [Электронный ресурс] >>
<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1067/>.

84. Р. Нудельман Р. Язык предков // Знание - сила. - М., 2003, № 8. [Электронный ресурс] >>
<http://www.philology.ru/linguistics1/nudelman-03.htm>.

85. Володин А. П. Ительменский язык. - Ленинград: Наука, 1976. - 426 с.

86. Крашенинников С. Описание земли Камчатки. Ч. 3 — 4. // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 2. - Спб.: Императорская АН, 1819. - С. 187-194 [Электронный ресурс] >>
<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1693>

87. Володин А. П. Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. - М., 1997. - С. 60-71 [Электронный ресурс] >> <http://www.philology.ru/linguistics4/volodin-97a.htm>.

88. Gambil Guy T. FREELANG Bolivian Quechua-English and English-Bolivian Quechua online dictionary [Электронный ресурс] <http://www.freelang.net/online/quechua_bolivian.php?lg=gb>.

89. Whitfield L.S., Sulston J.E., Goodfellow P.N. Sequence variation of the human Y chromosome // Nature. 1995. V. 378. - P. 379–380.

90. Thomson R., Prietchar J.K., Shen P. *et al.* Recent common ancestry of human Y chromosomes: evidence from DNA sequence data // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2000. V. 97. - P. 7360–7365.

91. Pritchard J.K., Seielstad M.T., Perez-Lezaun A., Feldman M.W. Population growth of human Ychromosomes: study of Y

- chromosome microsatellites // *Mol. Biol. Evol.* 1999. V. 16. - P. 1791–1798.
92. Ingman M., Kaessmann H., Paabo S., Gyllensten U. Mitochondrial genome variation and the origin of modern humans // *Nature*. 2000. V. 408. - P. 708–713.
93. Harding R.M., Fullerton S.M., Griffiths R.C. *et al.* Archaic African and Asian lineages in the genetic ancestry of modern humans // *Am. J. Hum. Genet.* 1997. V. 60. - P. 772–789.
94. Harris E.E., Hey J. X chromosome evidence for ancient human histories // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 1999. V. 96. P. 3320–3324.
95. Kaessmann H., Heissig F., von Haeseler A., Paabo S. DNA sequence variation in non-coding region of low recombination on the human X-chromosome // *Nat. Genet.* 1999. V. 22. P. 78–81.
96. Степанов В. А., Харьков В. Н., Пузырев В. П. Эволюция и филогеография линий Y-хромосомы человека // *Вестник ВОГиС*, 2006, Т. 10, № 1. — С. 57— 73.
97. Щедровицкий Д. В. Рефаим // *Мифы народов мира. Энциклопедия.* - М.: БСЭ; Олимп, 2000. Т. 2. — С. 379.
98. Haplogroup A (Y-DNA) // From Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс].
99. Старостин С. А., Милитарев А. Ю. О древе Языков (обзор мнений) [Электронный ресурс] <<http://www.fund-intent.ru/science/scns023.shtml>>
100. Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К.: Наукова думка, 1982. - 256 с.
102. Бибииков С. Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и гроте Мурзак-Коба в Крыму. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — М., 1946, XIII.
103. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. — *Советская археология*, 1957,
104. Столяр А. Д. Об одном центре одомашнивания свиньи. —

Советская археология, 1959, № 3. — С. 3 — 18.

105. Телегін Д. Я. Про становлення скотарства і землеробства на південному заході Європейської частини СРСР. — Археологія, 1977, 21.

106. Громова В., Громов В. И. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии // Труды Ассоциации истории четвертичного периода, 1957, вып 1.

107. Бибилова В. И. Фауна из навеса Фатьма-Коба. - Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1959. - № 8.

108. Дмитриева Е. Л. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир I // Материалы и исследования по археологии СССР. № 91. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. 166 - 187.

109. Давид А. И. Новые находки остатков антропогенных млекопитающих на территории Молдавии // Антропоген Молдавии. - Кишинев: Штиинца, 1969.

110. Даниленко В. М. Кам'яна Могила. – К.: Наукова думка, 1986. – 152 с.

111. Вінокур І. С., Телегін Д. Я. Археологія України: Підручник для студентів історичних спеціальностей вищих навчальних закладів. - Тернопіль: Навчальна книга — Богдан, 2004. - 480 с., іл.

112. Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. – К.: Наукова думка, 1977. – 180 с.

113. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. № 91. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 192 с.

114. Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и

доклады конференции. Часть 2. Лингвистическая и историческая реконструкция (проблемы междисциплинарных исследований). – М.: Наука, 1984. – С. 35-53.

115. Garrod D., Bate D. The Stone age of mount Garmel. - Oxford, 1937.

116. Алпатов В. М. Компаративистика, ее критики и герои // Вопросы филологии. -М., 2006. - № 2. - С. 6 – 14.

117. Ohta I. A Classified Vocabulary of the Turkana in Northwestern Kenia // African Studi Monographs. Supl. 10: 1 – 104, July 1989 [Электронный ресурс] <http://jambo.africa.kyoto-u.ac.jp/kiroku/asm_suppl/abstracts/ASM_s10.html>.

118. Трубецкой Н. С. мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. - 1958, № 1. - С. 65-77. [Электронный ресурс] <<http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-87d.htm>>.

119. Payne D. L. The Nilotic Language Family [Электронный ресурс] <<http://www.uoregon.edu/~dlpayne/Nilotic/NiloticFamily.htm>>

120. Greenberg J. H., General classification of Central and South American languages // Men and cultures. Selected papers of the Fifth International congress of anthropological and ethnological sciences, Phil., 1960. - P. 791-94.

121. Watters D. E. Notes on Kusunda Grammar: A Language Isolate of Nepal / With the participation of: Y. P. Yadava, M. P. Pokharel, B. Prasain // Himalayan Linguistics Archive 3. (2006). – National Foundation for the Development of Indigenous Nationalities, Kathmandu, Nepal. – P.1-182. [Электронный ресурс] <<http://www.linguistics.ucsb.edu/HimalayanLinguistics/grammars/HLA03.html>>.

122. Broadbent S. M. The Southern Sierra Miwok Language. -

Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1964
[Электронный ресурс]
<http://www.yosemite.ca.us/library/southern_sierra_miwok_language/>.

123. Sm'algyax Living Legacy Talking Dictionary / T. Blumhagen
and others [Электронный ресурс] <<http://smalgyax.unbc.ca/>>.

124. FREELANG Hawaiian-English and English-Hawaiian online
dictionary / Authors/copyrights: Renato B. Figueiredo

[Электронный ресурс]

<<http://www.freelang.net/online/hawaiian.php?lg=gb>>.

125. Douyon D., Blench R. Ampari Pa, a Dogon language in
Northern Mali and its affinities. - Bamako, 2005 [Электронный
ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Niger-Congo/Dogon/Ampari%20Pa%20wordlist%20paper.pdf>>.

126. Blench R. Bangi me, a language of unknown affiliation in
Northern Mali. - Cambridge: Mallam Dendo, 2005

[Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Isolates/Bangime%20wordlist%20paper.pdf>> .

127. Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка. -
Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927. - 364 с., карта.

128. Климов Г. А., Эдельман Д. И. Язык бурушаски. - М.:
Наука, 1970. - 116 с.

129. Online Thai <> English Dictionary / Copyright © 2004-2009
thai2english.com [Электронный ресурс]

<<http://www.thai2english.com/dictionary/thou.html>>.

130. Austin P., and Nathan D. English — Kamilaroi Wordlist
[Электронный ресурс]

<<http://coombs.anu.edu.au/WWWVLPages/AborigPages/LANG/GAMDICT/GAMDICTF.HTM>>.

131. Lowe B. Interactive Gupapuyngu Dictionary // Aboriginal
Resource and Development Services Inc. [Электронный ресурс]

<<http://www.ards.com.au/Gupapuyngu/index-english/main.htm>>.

132. English – Katcha [this is based on a typescript deriving from the papers of Roland Stevenson and was typed by Andrew and Janet Persson of SIL. Editing and formatting by Roger Blench]. [Электронный ресурс] <<http://lucy.ukc.ac.uk/pub/alda/sudan/KATCHA~1.DOC>>.
133. Blench R. Tocco wordlist [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Niger-Congo/Kordofanian/Tocco/Tocco%20wordlist.pdf>>.
134. Sranan Tongo – English Dictionary / Edited by: John Wilner [Электронный ресурс] <<http://www.sil.org/americas/suriname/Sranan/English/SrananEngDictIndex.html>>.
135. Freelang Gagauz-English dictionary / Authors/copyrights: Renato B. Figueiredo [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/dictionary/gagauz.php>>.
136. FREELANG Hmong-English and English-Hmong online dictionary / Authors/copyrights: Renato B. Figueiredo [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/hmong.php?lg=gb>>.
137. FREELANG Wolof-English and English-Wolof online dictionary / Authors/copyrights: Renato B. Figueiredo [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/online/wolof.php?lg=gb>>.
138. Abegha M.L., Blench R. A Dictionary of Mein an Ijò language of the Niger Delta, Nigeria. - Cambridge: Mallam Dendo Ltd., 2007 [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Niger-Congo/Ijoid/Ijoid%20page.htm>>.
139. Kroeker M. Dicionário escolar bilíngue: Nambikuara — Português; Português —Nambikuara. - Porto Velho, RO: Sociedade Internacional de Linguística, 1996. [Электронный ресурс]

<<http://www.sil.org/americas/brasil/publcns/dictgram/NBDic.pdf>>

140. Jicarilla Lexicon Menu // Lachler J., Co-Author: Dictionary of Jicarilla Apache; Publisher: UNM Press, October, 2006. This material is based upon work supported by the US National Science Foundation under Grant No. 0094373. [Электронный ресурс] <<http://interglacial.com/d/jicarilla/do/>>.

141. Apache World List / Compiled by F. Uplegger. Spring 1966 [Электронный ресурс] <http://www6.nau.edu/library/scadb/imagdisplay.cfm?item_num=50267&type=Text>.

142. Apache, Jicarilla & Navajo (Navaho) Language Dictionary (Text & Images). // Edward S. Curtis's The North American Indian, Digital Library Collections, Northwestern University Library, Northwestern University [Электронный ресурс] <<http://curtis.library.northwestern.edu/curtis/viewPage.cgi?showp=1&size=2&id=nai.01.book.00000001&volume=1#n>>.

143. Sanders A., Sanders J., compilers. Wand Tuan wand puate: Yumbo yumbo buagi raqe wund (As tok bilong Tok Ples Wand Tuan: Kamasau practical tri-glot dictionary). - Ukarumpa: Summer Institute of Linguistics/ , 1996. - 394 p.

[Электронный ресурс]

<<http://www.sil.org/pacific/png/abstract.asp?id=37442>>.

144. Kundama J., Adéru Sapayé and P. R. Wilson, compilers. Available: 2006; Created: 1968–1987. Ambulas dictionary. [Manuscript] 173 p. [Электронный ресурс] <<http://www.sil.org/pacific/png/pubs/48018/Ambulas%20Lexicon/index-english/main.htm>>.

145. English to Guarani dictionary < Dictionary < Dicts.info [Электронный ресурс] <<http://www.dicts.info/dictionary.php?l1=English&l2=Guarani&word=nde&Search=Search>>.

146. Carlin E. A dictionary of So, a Nilo-Saharan language of NE

- Uganda / Editing and formatting by R. Blench, 2009 [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Nilo-Saharan/Kuliak/So%20dictionary.pdf>>.
147. English-Sango // Sangolex. com, the only English - French - Sango Dictionary on the Internet" [Электронный ресурс] <<http://sangolex.com/index-english/main.htm>>.
148. Lawrence E. Haida gictionary, 1977 [Электронный ресурс] <<http://www.eric.ed.gov/ERICWebPortal/contentdelivery/servlet/ERICServlet?accno=ED162532>>.
149. Blench R. The language of the Shom Pen: a language isolate in the Nicobar islands. — Cambridge: Mallam Dendo, 2007 [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Isolates/Shompen%20paper.pdf>>
150. English-Yoruba Dictionary // Yoruba Dictionary by Pamela Smith Ph.D & Adebusola Onayemi FRCPC [Электронный ресурс] <<http://www.yorubadictionary.com/>>.
151. Freelang Cherokee (Aniyawiya)-English and English-Cherokee online dictionary / Authors/copyrights: Shawn Buchanan Greene. [Электронный ресурс] <http://www.freelang.net/online/cherokee_aniyawiya.php?lg=gb>.
152. Evartt D. English/Cherokee Dictionary [Электронный ресурс] <<http://www.wehali.com/tsalagi/index.cfm?event=search>>.
153. English-Alabama Finderlist // Dictionary of the Alabama Language / C. Sylestine, H. K. Hardy, T. Montler. - Austin: University of Texas Press, 1993. [Электронный ресурс] <<http://www.cas.unt.edu/~montler/Alabama/Dictionary/>>.
154. Freelang Nahuatl-English dictionary / G. T. Gambill, R. J. Campbell. [Электронный ресурс] <<http://www.freelang.net/dictionary/nahuatl.php>>.
155. Diccionario Quechua - Aymara al español. [Электронный ресурс] <<http://www.katari.org/diccionario/diccionario.php>>.

156. Jarrett K. A dictionary of Manga, a Kanuri language of Eastern Niger and NE Nigeria // Roger Blench. - Kay Williamson Educational Foundation & Mallam Dendo Ltd, 2007. [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Nilo-Saharan/Saharan/Manga%20dictionary%20Unicode.pdf>>.
157. Dagbani-English Dictionary / H. Blair, Tamakloe, H. Lehmann, Lee Shin Chul, A. Wilson, M. Pageault, K. Olawski, T. Naden, R. Blench. This version prepared by R. Blench [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Niger-Congo/Gur/Dagbani%20dictionary%20CD.pdf>>.
158. Nafaanra Dictionary. Prepared & Published by: Nafaanra Literacy and Translation Project in búkúkúl cooperation with the Ghana Institute of Linguistics, Literacy, and Bible Translation, 2000 [Электронный ресурс] <www.sil.org/computing/shoebox/Nafaanra.pdf>.
159. Blench R. Comparative Temein wordlists [Электронный ресурс]: <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Nilo-Saharan/Eastern%20Sudanic/Temein%20cluster/Comparative%20Temein%20wordlist.pdf>>
160. [Электронный ресурс]: <<http://translate.google.com/?hl=ru#en|kol>>.
161. Blench R. The Ega language of Côte d'Ivoire: Etymologies and implications for classification. - Cambridge, 2004 [Электронный ресурс] <<http://www.rogerblench.info/Language%20data/Niger-Congo/Kwa/Ega.pdf>>.
162. Vole-Richard R. Sketch grammar of Ega language, 1982 [Электронный ресурс]: <<http://www.language-archives.org/sample/langdoc.uni-bielefeld.de>>.
163. Boone D., Watson R. Moru-Ma'di survey report (PDF). - Nairobi, 1996: SIL electronic survey report SILESR 1999-001. [Электронный ресурс]:

- <<http://www.sil.org/silesr/1999/001/mmsurvey-w97.pdf>>.
164. Blackings M, Fabb N. A Grammar of Ma'di. - Berlin: Walter de Gruyter, 2003 [Электронный ресурс]: <<http://books.google.com.ua/books?id=j1zDfnNK-QcC&pg=PA4&lpg=PA4&dq=Moru+grammar&source=bl&ots#v=onepage&q=Moru%20grammar&f=false>>.
165. Bassa-English Bible Dictionary [Электронный ресурс] <<http://cefliberia.org/extras/Bassa%20Dictionary.htm>>.
166. Word list for Bassa [Электронный ресурс] <http://archive.phonetics.ucla.edu/Language/BSQ/bsq_word-list_1984_02.html>.
167. [Пучков П. И.] Океания. Введение // Страны и народы. Научно-популярное географическо-этнографическое издание в 20-ти т. Австралия и Океания. Антарктида / Под ред. П. И. Пучкова и др. - М.: Мысль, 1981. - С. 98 — 137.
168. Ehret C. A historical-comparative reconstruction of Nilo-Saharan. Sprache und Geschichte in Afrika (SUGIA). Beiheft 12. Köln, 2001.
169. Языки на-дене. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс].
170. Блохин Л. Ф. Берег Слоновой Кости // Страны и народы. Научно-популярное географическо-этнографическое издание в 20-ти т. Западная и Центральная Африка / Под ред. М. Б. Горнунга, Г. Б. Старушенко и др. - М.: Мысль, 1979. - С. 94 — 109.
171. Сагоян Л. Ю. Центральноафриканская империя // Страны и народы. Научно-популярное географическо-этнографическое издание в 20-ти т. Западная и Центральная Африка / Под ред. М. Б. Горнунга, Г. Б. Старушенко и др. - М.: Мысль, 1979. - С. 227 — 233.
172. Лот А. В поисках фресок Тассили. Пер. с франц. - М.:

Изд-во восточной литературы, 1962. - 140 с., ил.

173. Андо-экваториальные языки на сайте Игоря Гаршина

[Электронный ресурс]

<<http://garshin.ru/linguistics/languages/amerindian/south-amerindian/ando-equatorial.html>>.

174. Стингл М. Индейцы без томагавков. - М.: Прогресс, 1984.

175. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. - М.: Наука, 1976. - 300 с.

176. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. - М.: Наука, 1986. - 523 с.

177. Fairservis W. A. The roots of ancient India. New York, 1971.

178. Левицкий В. В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка: Опыт квантитативного анализа этимологического словаря. - Черновцы: Рута, 2008. - 232 с.

179. Хелимский Е. А. Проблема границ ностратической макросемьи языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 5. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. – М.: Наука, 1984. – С. 31-48.

180. Бельская Г. 5000 лет назад: Триполье // Знание – сила, 3/1979. – С. 23-27.

181. Конопацкий А. К. Керамика эпохи неолита в памятнике Сусаннино-4 (Нижний Амур) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 9-18.

182. Окладников А. П. Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. –

С. 41-49.

183. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. - М.: Прогресс, 1990. — 368 с.: ил.

184. Залізник Л. Л. Первісна історія України: Навчальний посібник для студентів історичних спеціальностей вищих навчальних закладів освіти. - К.: Вища школа, 1999. - 263 с.: іл.

185. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.: ил.

186. Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327-350.

187. Хоккет Ч. Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. - М.: Прогресс, 1970 [Электронный ресурс]

<<http://www.classes.ru/grammar/152.new-in-linguistics-5/source/worddocuments/51.htm>>.

188. Лингвистическая феноменология: Языковые феномены на сайте Игоря Гаршина. Языки-рекордсмены [Электронный ресурс] <<http://garshin.ru/linguistics/system/phenomenal.htm>>.

189. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие. - 2-е изд. - Минск: Амалфея, 2004. - 368 с.

Приложение I

Полный анализ фонетически схожих слов всех исследованных в данной работе языков, выявленных путем сравнения 100-понятийных списков их базовой лексики с соответствующими по значению списками слов ностратической и сино-кавказской реконструкций

Полный анализ 100-словных списков **английского, русского, итальянского, латинского** языков, а также сокращенных списков латинского и шумерского языков и **“перевернутого” списка английского языка** дан в основном тексте данной работы.

1. Всего в 100-словном списке **украинского** языка отмечаем **40** очевидно ностратических на вид слов: всі (wić/ćV), попіл (pe/UÍu/ü), кора (ҚorE), великий (wała), чорний (sVrV), кров (қurV), кістка (қащ`V; girV), груди (ʔudV; қerdV), палити (paÍV), хмара (қümV), холодний (küÍV; gVIV), вмирати (m[ä]rV), сухий (sušV), око (HuҚа), пір'я ([p ʔur(y)V), давати (dwVV), чути (sVtVmV), серце (sVΛV; қerdV), коліно (küjnV; bVl(m)V), знати (sVnV; cŋV), гора (g^wVrV), новий (nVwV), ні (ñi), один (ʔudV), дорога (däRVga), корінь (ҚurV), круглий (қErV), шкіра (gwVrV; ҚorE), дим (tVtV; VmV), зірка / зоря (HVzwVrV), сонце (z[^]omV), цей (cV), дерево (d^wirV), два (tüʔ[o]), ходити (kVdV), теплий (t[ä]pV), вода (wetV), ми (mi), хто (Қо), ти (t[u]).

Предположительно ностратических по виду слов в нем 20: живіт (wAtV), пазур (č`wVpV), пити (pVHV), їсти (ʔitV), жир (kUrV; siÍV), вогонь (ʔumV), добрий (bVrV), літати (IVPV), голова (qirV; toÍV), ріг (mVrgV), листя (IVpV), лежати (IVgV), довгий (tel(h)V), багато (paÍV; mVHV), м'ясо (ʔomsV; mVқV), ім'я (ÍVm(ŋ)V), ніч (nVқV; kVčwV), бачити (PvkV), спати (зwVpV), що (CV).

Итого **60** слов. “Ностратический” коэффициент — **100**.

Очевидно сино-кавказские по виду слова в базовой лексике: кров* (gVrV), палити* (bVIV), їсти* (VćV), рука (rVŋHV), листя* (ʔаща), камінь (HVmçV), дерево* (daró), два* ((t)xqwV), що* (čV). Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: кора* (xқhí(w)ri), живіт* (qwa[t]ā), чорний* (xқarV), хмара* (mārλwA), собака (čirbV),

вухо (ʃwǎnʃV), пір'я* (pǐdwV), повний (bVʃV), чути* (-VdV), печінка (cwǎjje), воша (šǎri), чоловік (śwějo), хвіст (çǎqwa), вода* (V[t]wV).
Итого 14.

Итого 23 слова, из них 14 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

(Слова, общие и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций, здесь и далее обозначены звездочкой).*

2. Всего в 100-словном списке **венгерского** языка отмечаем **28** очевидно ностратических на вид слов: kereg (kerV), ver (wirV), mell (mǎlgi), egethi (kVtV), haldokolni (kolʃa), kutia (KUCV), inni (UNV), enni (UNV), repülni (IVPV), jo (ʃvjV), erthi (goR[X]E), gyilkölmi (KolV), terd (tUrV), lap (IVpV), kez (gäsA), feküdmi (pVkv), nyak (nVKV), piros (pVIV), gyöker (kUjkV), kerek (kerV), homok (KumV; kUmV), bór (perV), kicsi (kuc(w)V; kvtV), kettő (gagtV), menni (meŋV), mi (mi), ki (kV), te (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 22: toka (tVtV), nagy (manga), csont (k[o]čV), felhő (bVl(w)V), szaraz (tVrV), fül (kiwIV), tojas (tUIV), zsir (kUrV), tűz (tUIV), teli (tVrV), adni (k`od[e]), haj (ŋVjV), fö (pVNV), en (ŋV), tudni (tanV), maj (mVkv), eső (musV), kover (kiwV), nap (nVzv), az (ʃa), ez (ʃe), nyelv (ŋVnV).

Итого **50** слов.

Очевидно сино-кавказские слова в венгерской базовой лексике: isterni (ixq(w)É), lap* (łǎpi), hold (HvIV), gömbölyű* (bVIV), mag (mǎhwV), kicsi* (kīʃV), kover (GwērV). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kereg* (xkhí(w)ri), mell* (mǎmV), idejönmi (iç(w)E), inni* (dVnV), szaraz* (í-xGǎr-), tojas* (tVtV), en* (ŋV), aludmi (ʃvλ_Vr-). Итого 8 слов.

Итого 15 слов, из них 9 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

3. Всего в 100-словном списке **японского** языка (диалект Токио) отмечаем **26** очевидно ностратических по виду слов: kawa (qEwV), hara (kVrgV), ōkii (č`okV), kuroi (karV), chichi ([c]VzwV), yaku (to[h] (V)kV; BuKV; dekO), kumo (kümV), inu (KüyñV; Küy(a)ñV), kawaita (kVjwV), tobu (tE[p]V), ii (ʃvjV), ke (k`VSV), atama (wVtVmV), shinzō

(s[^]üz[^]ǎ), shirami (sajrV), ha (ḱAP_V), niku (ńVḱV), kuchi (k[^]VCV), hana (ḱVŋV), nai (ni), kawa (kVcwV), hoshi (HvzwVrV), oyogu (XoyV; HojV), kore (ḱV), aruku (däRVkV), onna (k/u/nV).

Предположительно ностратических слов в нем 23: hai (kawɪV), kamu (taɣmV), chi (ʔVsxV), hone (ḱVmV), samui (SvŋV), kuru (kaɫ(ʔ)V), shinu (č[^]VḱV), nomu (UNV), tsutshi (tuḱ[a]), abura (c[^]ebV), hi (HenkV), korosu (KolV), nagai (ŋVIV), kubi (kV[z]V), yoru (sVrV), michi (mVrV; gwVCV), ne (ŋüŋte), kemuri (kuz[^]mV), are (ʔa), ha (ḱVmbV), ki (ḱUrV), kiroi (KvŋV), anata (nV; ʔ[u]).

Итого **49** слов. “Ностратический” коэффициент — **75**.

Очевидно сино-кавказские по виду слова в японской базовой лексике: kuroi* (xḱärV), hone* (xḱweńV), kuru* (HvrV), ke* (kǃwrV), hana* (xVnV), kawa* (qHǎ́cwa), onna* (qwǎnV). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kawa* (qwaǃV), kamu* (HémxGǎ́), tsume (sǎnǒ), hitotsu (Hvcǎ́), hi* (HwǃxqV), ha* (HVdV).

Итого 13 слов, из них 11 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

4. Всего в 100-словном списке **тамилского** языка отмечаем **37** очевидно ностратических на вид слов: карутта (ḱarV), марɫы/мулаи (mǎlgi), нираккы (ŋera), кулирана (küɫV), най (ŋVḱV; ḱüjnA), кайнда (ḱVjwV), нилам (niwǎa; náɫV), ун (UNV), муттаи (mu(n)tV), кан (ʔvnjV), ирахы (ilV; urV), неруппы (ŋera), мин (mEńi), пара (pǎrV), коды (k[^]od[e]), талаи (tolV; taɫʔa), кел (ḱiwɫV), нан (ŋV), кол (KolV), ниламана (ŋVIV), пен (pVNV), михудийаха (mVHV), тингал (tEŋgVIV), малаи (malV), кажутты (kV[z]V), вер (wVrV; weRaH(V)tV), кан (gAń/ńV), тол (tVIV), сирьы (cVrV), куттайяна (ḱVtV), кал (ḱEɫV), на (ŋVnV), пал (paɫV), марам (marV), иру (jVrV), по (pǎmHV), ни (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: елла (ḱVɫwV), ираттам (wirV), куруви (HVwjV), ери (war[i]), са (č[^]VḱV), кожуппы (kouɫ[o]; gwVjV; p[^]VxV), ти (t[e]ɣw[a]), та (dwVV), падам (p[^]VHdV), пажай (bǎrʔV), ан (mǎnV), мажай (musV), сол (tVIV), сел ([c[^]]V), нам (ńV).

Итого **53** слова. “Ностратический” коэффициент — **90**.

Очевидно сино-кавказские по виду слова в базовой лексике:

ираиппай (ĩrĽV), перийа (bērcĥV), карутта* (xķārV), пара* (pírV), али (ĩĽ_V), комбы (xq̄wēmV), нан* (ŋV), каллирал (KVĽV), малаи (muħa[Ľ]V), манидан (mV̄nxV),

Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: елла* (HvλV; V̄nλV), ва (ić(w)Ē), ира (ilq̄wV), вижи (ʔwīlʔi), кал (mħā̄λa), майир (mVĽV), кай (kwīlʔi), ан* (mV̄nxV), уткар (V̄twV(ŋ)). Итого 9.

Итого 19 слов, из них 5 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

5. Всего в 100-словном (без одного слова) списке **юкагирского** языка отмечаем **30** очевидно ностратических слов: anid'E (nü(j)di), қалрәwә (қuLV; қerV; q̄EwV), ләпул (bUjIV), мэлут (mälgı), pe:dE (p̄VdwV), эндә (nüdi), c'el (CaIV), kel (kaI(ʔ)V), ke:l'E (gwVIV), шуонбә (swV(n)čV; p̄VxV), тут (tVdV), polZis'e (boIV), пәмә (pVNV), ибал (baIV), аңа (mVŋV; хамŋV), ил'т'Е (wVIV), эмил (ʔamV; IVIV), т'угә (tErgE), qa:r (gwVrV), awә (ʔawV), Sejl (čajV), қайл (қEIV), k'it'il (қudV; p̄VIV), сал / шал (ʔ^älV), ataq (tuqV), әүрәј (gVrV), puge (pākV), мит (mi), Ga / qa (қV), kin (қV).

Предположительно ностратических слов в нем 24: oj (koja), шанґар (қVr̄pV), с'омо (č`oқV), канд (қVjŋV), ожэм (yugE), tibil ([p]ilV), лот'ил (tUIV), т'эн (tE[p̄]V), л'элм (alV), мэт (mi), чу:l (sUқV; s^i[ı]wV), пиә (p̄VrV), н'у (IVm(ŋ)V), пе (bVgV), jomu (mojnV), эллә (ʔvlV), ирки (ʔvrV), тивен (tälwA), пөмнәј (moŋV), јуо (HwVjV), л'уку (cuIV; cVқV), jel'o:d'E (dilV), SaqalE (GäHlu), тэт (t[u]).

Итого **54** слова. “Ностратический” коэффициент — **84**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: laCid-/sho:loq (láqū), қалрәwә* (q̄wāĽV; xķħí(w)ri), ирил (ĩrĽV), ләпул* (λEwŋV), pugulbe (p̄VħVĽV), majlE (mVĽV), көдәң ([k]wV̄n[t]V), појон (jonHV), т'ул (TVΛV), qa:r* (ʔwārćwə; xGērkwē), л'уку* (IVkV), сал / шал* (çĒĽV), ataq* ((t)xq̄wV̄), әүрәј* (kVrV̄), Ga / qa* (xV / xV̄HV), kin* (hē-nV). Итого 16 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: мэлут* (mĒmV), сукунрава (māgλwA), лукуләң (lħimĽwi), ал'ґа (xŋwanħV), л'элм* (eλú), leg (algĀn), polZis'e* (ʔapāl̄xq̄wĒ), јоғул (mħhwVIV), pol'ir (ʔvλ_Vr-). Итого 9.

Итого **25** слов, из них 12 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

6. Всего в 100-словном списке **грузинского** языка отмечаем **40** очевидно ностратических слов: q'vela (kVlV), ghvelp- (g^wVIV), kerki (kerV), didi (tVdV), mkerd- (kerdV; mälgi), hal- (/k/alV), ts'va (cwVwV), ghrubeli (ɣVrbV), dzaghli (zaxil/V), tr- (tVrV), sastumali (sVtVmV), quri (KvrWV), tixa- (tuḲ[a]), ch'ama (č`VmV), p'ox-il- (pVxV), prta ([p]urV), cecxli ([č]VcġaLV), prena (parV), tma (tVmV), sem- (sVmV), me (mi), kal- (KolV), k'iseri (kV[z]V), qel- (kVIV), ghome (ʔamV), cxviri (cwVxrV), nu (ni), gza (gwVCV), kviša (ki[č]V), nakhva (n[e]ġa), t'qav-i (tVwqV), dzin- (ziñNV; zVNV), lul- (l/layul/V), cuk-an-a (cVḲV; čuf(V)l/V), kva (kiwV), k'udi (ḲudV), ha- (ʔa), dzel- (z^älV), tbili (tpV), q'viteli (ḲUjtV).

Предположительно ностратических слов в нем 17: tutk- (tokV), cxr- ([z]VrV), bumbul-i (pVlV), pekh-i (pVlkV), c- (cwVHV), k'ai (ʔvjV), tavi (tolV; wVtV), rka (mVrgV), potel- (bolV), tili (täjV), ucq- (s^EKU), k'ani (kamV), mze (nVzV), eg (ʔe), ena (ηVnV), kbili (ḲVmbV; palV), ori (jVrV).

Итого **57** слов. “Ностратический” коэффициент — **97**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: q'vela* (HVġV), kerki* (xḲhiri), hal-* (QwVfV), prena* (pírV), xeli (xVlHe), k'ani* (kõmo), ha-* (ʔi). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: didi* (dVHV), chiti (šVxḲV), tvali (ʔwilʔi), chxim- (čīnLV), gvari (zwerhi), mze* (zəwi), eg* (gV), q'viteli* (eqwA). Итого 8.

Итого 15 слов, из них 10 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

7. Всего в 100-словном списке языка **хауса** отмечаем **27** очевидно ностратических слов: kwardē (gwVrV), ciki (CipV; pVKV), ɓangwal (manga; wala), ciza (c`VXV), kashi (Ḳač`V), kirji (kerdV), kona (ḲVnV), ci (CvIV), girgije (ɣVrbV), sanyi (SvηV), zo (zVwHV), giris (kUrV), mail (mVjrV), bayar da (be[rH]u; dwV[H]V), gasu (k`VSV), zusiya (s^üz^fä), ni (ηV; mi), halaka (qola; KolV), sani / shina (sVnV), miji/maza (mVSV), hanci (ḲVηV), ɗaya (dwV(j)ḲV), cira (z^irwV; SirV), gani (gAnV), fata

(p̄VtV), mu (mi), mine ne / mice ce (mi).

Предположительно ностратических слов в нем 20: toka (tVtV), baki (ʔvbV), jini (k̄VnV), kumba (č`wVp̄V), kaura (kolʔa; m[ä]rV), sha (šUK̄V), busheva (k̄Vs(w)V), ci (ʒeGV), wuta (qoʔi), kamili (kVnV; mVrV), kail (k̄apV; ʔolV), gwiwa (tVgwV), kwanta (k̄VwjV), dogo (tel(h)V), nama (ńVk̄V; lemV), dare (sVrV), a'a (ʔe), iri (p̄VrV), yi iyo (XoyV; HojV), dumi (duHIV).

Итого **47** слов. “Ностратический” коэффициент — **74**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике хауса: kwarde* (q̄waʔV), gashi (ħálsV), wuta* (x̄wVdV), ni* (ŋV), kindim (k^wVndV), hanci* (HVnV), babu (bV), ruwan- sama (rénʔwV), cira* ([c]Vr(V)çV). Итого 9.

Предположительно сино-кавказские слова: ciki* (ʔi), bangwal* (p̄VHV), gajimare (mārʔwA), kyau (HVwV), namiji (mVnxV), wata (wəŋçö), wuya (wVnGwV), mutum (mVnxV), hania (gāŋwV), yashi (jVmcV), duba (dVŋV), shura (kVrV).

Итого 21 слово, из них 7 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

8. Всего в 100-словном списке **мальтийского** языка отмечаем **27** очевидно ностратических слов: kollha (k̄VlwV), qoxra (QorE), hodon (ʔudV), zejza ([c]VʒwV), tahraq (to[h](V)kV), harqa (k̄VrV), ghajn (ʔvnjV), nar (ŋera), huta (ʔatV), ta' (taHo), id (udV), sema' (sVmV), rogga (p̄Vk̄V), twil (telV), fomm (xamŋV), muntanja (mVtV), werqa (bärʔV), gh-onq (HvŋV), lejl (IVIV), mnierher (mVŋV), ma (verb)+x (ma; ʔe), triq (tVrgV), meha (meŋV), gherq (QurV), gilda (QalV; kudV), zghira (cVrV; çuŋ(V)l/IV), xi (kV).

Предположительно ностратических слов в нем 19: zaqq (wañZ[a]), gidem (kikV), ghadma* (k̄VmV), dinja (dEqV), xaham (koyŋ[o]), rixa (ur(y)V), tar (tE[p̄]V; parV), jien (ŋV), qatel (qola), ntelaq (IVgV), laham (lemV), wah'da (ʔudV), tond (tompV), ra (çurV), duhhan (tVtV), stilla (dV[š]tV), gebla (k̄EIV), ahna (n̄V), int (nV; t[u]).

Итого **46** слов. “Ностратический” коэффициент — **73**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kollha* (HVʔV), qoxra* (xk̄ħri), ghadma* (ʔǝmdV), hodon* (qVdV), hamrija (ħénšwi; lhimLwi), kiel (iʔwVI-), qrun / qarn (q̄ūrV), werqa*

(ʎwǝrHV), qamla (ʔəmkV), gh-onq* ([G]wVnGwV), lejl* (ʔlǝʎa), ma (verb)+x* (ma; ʃwV), uman (mVnxV), qal (HíŁV), xi* (xV). Итого 15 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kbira (bērčV), kelb (čirbV), sieq (čVxkV), xaghar (čʃwǝrə), jien* (ŋV), fomm* (kwēm̄tī), mnieher* (mʃwVIV), hagra (GörGV), gham (āmzĚ), lsien (mǝłci). Итого 10.

Итого 25 слов, из них 12 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

9. Всего в 100-словном списке **чеченского** языка отмечаем **21** очевидно ностратическое слово: кевстиг (qEwV; sVdV; ʔUgV), даго (dekO), жIаьла (зaʃíV), пелаг (pVIV), цIе (ʒEñV), корта (qirV; ʔVrV), хила (kiwIV), со (zV), деха (tel(h)V), жижиг (s^iKV), цIе (ʒwǝrhǝ), цIина (ʒVjŋV), орам (š[e]R(V)mu), гIум (QumV), ган (gAn), нeI (nENV), тIулг (t/aj/IV), дижина-хила (ʒihNV; kVIV), и (ʔi), хи (HvpV), хьo (xwV).

Предположительно ностратических слов в нем 22: ге/гай (gwVIV), доккха (tVdV; pVKV), шийла (CalV), латта (wAtV; nālV), мохь (mVjrV), [xIума] яаа (kVmV), дала (dwVV), чо (swVčV), мерз (mVncV), маIа (mVjŋV), лела (IVpV), лод (IVpV), гIа (kAP_V), -Иилла (kvIV), лам (malV), бага (ʔvpV), мара (mVŋV; newRV), цIока (kVcwV), наб ян (ŋūjV), даха (däR[h]VkV), довха (duHIV), xIун (kV).

Итого **43** слова. “Ностратический” коэффициент — **64**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: ге/гай* (qwǝā), доккха* (dVHV), цIий (čāŁwV), накха (nōmqí), марха (mǝʎwǝ), пелаг* (pVhVʔV), цIе* (čǝjǝ), ког/ност (kHwVnšV), куьг (kwilʔǝ), хила* (eʎú), кур (q_ūrV), жижиг* (ʒǝʒV), цIина* (čǝŋʔV), буйьса (pVśV), хIан-хIа (ʃwV), орам* (Vr(V)čV), горга (kErV), ган* (HǝrqVn), xIy (mǝhwV), жима (GwVmV), кегий (kǝʔV), и* (ʔi), ший (nǝwšǝ), хи* (hwirǝ), хьo* (xGwV). Итого **25** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: юкь (lǝqū), кевстиг* (qwǝʔV; xkʃ(w)ri), мала* (HVmV), лерг (ŁVHʔV), латта* (lhǝmŁwǝ), [xIума] яаа* (ʔikwVn-), эха (HVxkV), чо* (čʃwǝmĚ), мерз* (mǝčǝ; mVʔV), лод* (ʎǝri), ворта (čwǝrs_V), Iан (manV), цIока* (qHǝcwa), дижина-хила* (ʔVʎ_Vr-), мела (IVmV). xIун* (xV).

Итого **41** слово, из них 22 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

10. Всего в 100-словном списке **китайского** языка отмечаем **22** очевидно ностратических слова: pī (pVKV), mò (mVCHV; kUmV), cāngcāng (SvηV), zhì (žíXV), huán (Küy(a)n̄V), dú (DVG-; dEqV), tǔ (tuK), rú (ZuwV), yǎn (ʔvnjV), bǐ ([p]ilV), dǎn (tVngV), kǒu (kiwIV), dǒng (tanV), míng (mānV), sù (süNV), yán ([s^]aNa), zhè (čV), chǐ (c^iʔIV), èr (jVrV), gēn (KvηV; KōnV), women (wV), ni (nV).

(Китайские слова даны в официальной транскрипции пиньин, где *r* читается как *ж*, *q* — как *ц*, *ng* — как твердое *н*, *x* — как *с*, *j* — как *цз*, *zh* — как *чж*. Слог /ər/ (ㄦ, 二, и т. д.) пишется er (эр).)

Предположительно ностратических слов в нем 24: zhì (č`oK̄V), zhù (ç^Vh̄w[i]), qiāng (V(n)ZwV), chuǐzhōng (č`VK̄V), xuān (sušV), shēnghuǒ (žEñV), luǎn (tUÍV), dàn (mu(n)tV), huǒ (t[e]ɣw[a]), tóu (toIV), dídí (pVdV), zuǐ ([s]UwV), míng (ÍVm(η)V), jiā (žVjηV), yú (P_ayV), xǐ (sVnV), yan (VmV; nVbV), li (sVIV), tǔgǔ (te(ʔa)lo), sānzúwū (z^omV; nVzV; siwV), dá (tVIV), xīn (žVjηV), cí (SāwCV), shì (mVSV). Итого **46** слов. “Ностратический” коэффициент — **68**.

Очевидно сино-кавказские слова в китайской базовой лексике: zhì* (çHəq̄wV), pī* (p̄V̄HV), mò* (rVmV), chà (çHād̄wV), dú* (çHād̄wV), lù (lh̄imŁw̄i), wò (CVwV), chéng (çīnΛV), bǐ* (b̄t̄wV), hǔo* (GwVdV), zhǐ (gwēZV), kuí (çV̄x̄k̄wV; kHwV̄n̄šV), jiā* (ʔVžV), huó (H̄V[q]wV), cāng (śVηV), shī* (šāri), míng* (mV̄nxV), shān (swénV), kǒu (śwénK̄V; k̄wēm̄tī), xīn* (çǎηʔV), sù* (p̄V̄sV), wú (h̄wV), tú (tVrgV), bì (b̄V̄IV), xīng (ciηwV), mù (mV̄nč̄é). Итого **26** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: dùzi (dulV), xuè (çāŁwV̄), shàng (x̄k̄wēnV̄), zhì* (iç(w)Ě), huán (x̄Hw̄ije), luǎn* (tVłV), jiǎo (çV̄x̄k̄wV), fǎ (p̄VwV), jù (q̄_ūrV), jiāngwò (áqwV), shì* (GĀçĚ), shāngēn ([G]wV̄nGwV̄), hóng (h̄wVm̄tV), gēn (mHānV), zhè (xḠerk̄we), lífēn (IVkV), sānzúwū* (žǎw̄). Итого 17.

Итого **43** слова, из них 15 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

11. Всего в 100-словном списке **бирманского** языка отмечаем **21** очевидно ностратическое слово: wун (wVntV), чи (č`oK̄V), байн

(boŋE), кхуе (ḲüjnA), хнэлоун (kuŋV; lVŋV), нга (ŋV), ду (tU), тэнин-лачжо (tEŋgVlV), эми (lVmV), ньа (nVḱV), хнэгаун (ḱVŋV), мэхоу' (ma; ʔe), ти' (dwV(j)ḱV; ʔudV), мо (mVnV; mVrVgV), чау' (čajV), чау'гэ (čajV; ḱElV), не (nVʒV), хо (ʔu), и (ʔi), лади (lVktV), тин (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 18: тэкхулоун (ḱVlVwV), әкхау' (qEwV), ми-шо-ди (swVdwV), куэлоунди (kolʔa), тау'ти (tar(')a), ми (lVmV; ʔumV), педи (be[rH]u), лә' (ŋVlV), чади (sVtVmV), ләнәди (lVgV), тан (pVN(T)V; ʔajV), мьазуа (manga), лу (ḱUlV), лоундэ (ḱolV), тәйе (tVwqV), йекуди (ḱVjV), йе (ʔEḱu), мэймма (ʔvmV).

Итого **39** слов. “Ностратический” коэффициент — **60**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: алоун (VnḷV), әкхау' (xḱhí(w)ri), чи* čHəqwV, чидэ (čHəqwV; dVHV), но (nōmqí), кхуе* (xHwíje), әса-сади (VçV), нга (xŋwaŋhV), сәйндэ (sVŋV), чади* (-VdV), нга* (ŋV), йау'ча (cwejo; GĀçĚ), хнэгаун* (HvnV; xVnV), мэхоу'* (mə; hwV), мэхоу'ба (mə; hwV; bV), чау'* (čăčwV), чау'гэ* (čăčwV; GwērV), хо* (ʔu), и* (ʔi), ба (PV).

Итого **20** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: тэкхулоун* (HvḷV), чә'хнгә' (h[ç]ĩñi), тау'ти (dVnV), чхау'тэ (xGéxGV), мье (pVmV), чхедау' (čVxḱwV), каундэ (ʔV(n)ʒV), әмуе (mōwxē), лә'* (xVʔHé), шильадэ (xwVʔV), ла (HVlV), схантитэ (čăŋʔV), лоундэ* (bVlV), мьозе (mēhwV), тхайнди (VtwV(ŋ)), чә (ciŋwV), вадэ (éqwA). Итого 17.

Итого **37** слов, из них 13 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

12. Всего в 100-словном списке **абазинского** языка отмечаем **23** очевидно ностратических слова: дыу (tVdV), шапхы (čwVpV), кыкIа (koḱV), былра (pálV; pVrV), гIа (gwVlV), перо ([p]ur(y)V), пырра (pārV), хьабра (burV), хьа (ḱarV), бгъбы (bärʔV), цIа (sajrV), жьы (s^iwV), хIагIара (g^wVrV), шIа (čVmV; [s]UwV; хамŋV), м (ma), гь (ʔe), чважвара (čVwV), чва (kVcwV), чвара (ʒwVpV), чIкIвын (cVḱV), цара ([c`]V; gVrV), пхара (pāḱV), шкIвакIа (swVḱV (~ c`w-, č`w-)).

Предположительно ностратических слов в нем 15: хьва (kawlV), чва (qEwV), ла (ʒaɣilV), мца ([ʒ]VcħaLV), бзи (bVrV; ʒarE), ячIа

(wišV), ласа (ilV), йаурата (gurV), цIхы (sí/üNV(-kV)), акIы (dwVķV), мгIва (gwVcV), бара (PvkV), хIакъвы (čajV; kiwV), дзачIвыя (CV), уа (xwV).

Итого **38** слов. “Ностратический” коэффициент — **61**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: дыу* (dVhV), ща (čāŁwV), былра* (bVIV), гIайра (HvrV), лымхIа (ŁVhV), перо* (pVhV), мца* (čajĭ), пыпра* (pírV), (йы)лытра (ĭŁ_V), хъабра* (burV; čhwēgrə), хъа* (ķUHV), гвы (reķwĭ), са (zV), чIва (cwāĭje), цIа* (šāri), хъацIа (GĀčĚ), жбы* (žāžV), шIа* (čwVhV), хъзы (HixqwV; žwērĭ), м* (ma), гъ* (hwV), ква (ūGwV), чва* (qHācwa), хвыц (GwVmV), цIхъва (čĀqwa), ацIла (čĕV), цара* (kVrV), шкIвакIва* ([št]ákV), уа* (wV).

Итого **29** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: чва* (čwāV), кIыкIа (qVdV), хъшвашва (štweHV), чIвыла (čHādwV), ала (ʔwĭʔi), шша (CVwV), (йы)лытра (ĭŁ_V), бзи* (ʔVžV), ласа (mVhV), хъвда ([G]wVnGwV), гIвычIвгIвыс (čwējo), мгIва* (gāhwV), шайдза ([c]Vr(V)čV), чIвара (ixqV), чIкIвын* ([t]iHV), хIакъвы* (čāčwV), ачIвыя (čV), гIважъ (čqwa). Итого 18.

Итого **47** слов, из них 21 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкции.

13. Всего в 100-словном (без одного слова) списке **кетского** языка отмечаем **25** очевидно ностратических слов: колон (kuV), кый (koja), хотыт' (qotĭ; kVtV), богдет (BuKV; pVdwV), тъваиŋ (tVrV), сикет (sEkV), а:с'а (ä[ž]V), бог (pVxwV), бул' (pVĭkV), котпет (k`od), туʔ (tolʔa), ху: (kuŋV), l- (lVpV), тагде- (taqU), угди (puʔdV), kâʔat (ķVIV), си (síNV), тап (tompV), кес' (ki[ž]V; [k][ü]šʔV), еколтъ (ĶāV), асаний ([s^]aNa), ху:т (ķudV), киде (ķV; hi), ко:и (kāV), кы:м (ʔvmV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: ʔат (HV(w)V), хы (ʔudV; ķVrgV), тага (ʔudV), до: (tVrV), qо-reŋ (kolʔa), ко: (k`VSV), батпул' (bVl(m)V), хи:Y (xwĭre), qо (k`VcV), ди (tV(H)mV), еʔй (ʔewV), хо: (HVzwVrV), дуо (tVtV), ч'ыс (čajV), ʔей (Ķālya), ас (CV).

Итого **41** слово. “Ностратический” коэффициент — **66**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: хеʔ (hāxĚ), дума (tĭmhV), с'ул' (čāŁwV), ʔат* (ʔĕmtV), ч'ип (čĭrbV), до:* (dVnV),

кы?т (kouʔ), бог* (p̄VgwV), кы (HVxkV), бул'* (b̄młV̄), с'оний (śVηV), ч'и? (čVqV), kâjga (k̄UHV), ко: (q̄_ūrV; xq̄wēmV), е?й* (VHwV), батпул'* (bVstV), l-* (ł̄ar̄i), се:нг (swǎj̄ne), о:н (jonHV), qaʔj (ʔá[x]qVwV), qo* (kwēm̄tī), ?и: (HixqwV), бь°н (bV), kus / хуш' (HVсə), хык (xq̄íxqə), ко:т (Gwá[t]V), -тонг (dVηV), usen (HVwsVn), хо:* (q̄ār̄qV), ч'ыс* (čǎčwV), ?и:ʔ (HwíxqV), киде* (?i). Итого **32** слова.

Предположительно сино-кавказские слова: кый* (q̄wǎłV), хы* (qwá[t]ā), taga* (qVdV), богдет* (bVIV), и:н (s̄ǎn̄o), si (V̄çV), ий (iʔwVl-), а:с'а (hǎlsV), ко:* (k̄łwrV), ыл' (x̄VłHé), хи:Y* (Hir(V)kwE), си* (p̄V̄sV), hone (GwVmV), ир (hwēri-), ур (hwiri), ас* (čV), кы:м* (qwǎnV), у (wV). Итого 18.

Итого **50** слов, из них 11 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

14. Всего в 100-словном списке **баскского** языка отмечаем **29** очевидно ностратических слов: kortika (QorE), azal (cvIV), sabel (CipV), handi (?vnV; tVdV), ikus (kikV), izeki (ç^Vhw[i]), heldu (kal(?)V), su (zVcwxV), hil (kolʔa), xukatu (k`Vk`V), hezur (ɣUçV; қаč`V; girV), jin (JvmV), zakur (заɣil), koipe (kouʔ[o]; p̄VxV), ikus (VkV), ile (ilV), ni (ηV), hil (KolV; qola), esan ([s^]aNa), belaun (bVIV), zorri (sajrV), mendi (mVtV), aho (egV), lo egin (layuV; ü[q]ye), gau (HüwdV), gorri (qurV), hura (?u), hau (?a), zu (si; t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 13: atzapar (č`wVp̄V), arrain (n̄()VrV), orri (porV), jan (UNV), zelula (tUÍV), hilargi (tEηgVIV), erro (SirV), buru (pVNV, tVrV), entzun (SoñV), emakume (?vmV), izar (HVzwVrV), ke (žun[k]V), zer (CV).

Итого **42** слова. “Ностратический” коэффициент — **71**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: ikus (ilqwV), edan* (dVnV), zelula* (tVłV), hanka (kHwV̄nšV), on (?V(n)žV), ni* (ηV), hil* (ilqwV), xukatu* (xGéxGV), eman (VmVn), luze (łuj̄sV), hilargi* (HVIV), zorri* (šǎr̄i), gizon (GĀçĚ), haragi (hwn̄r̄q̄), gorri* (HvrV), erro* (Vr(V)çV), biribil (bVIV), area (swVre), ikus (ixq̄wV), izar* (žwhǎr̄i), harri (GwērV), hura* (hu), zuhaitz (HvžwV). Итого **22** слова.

Предположительно сино-кавказские слова: kortika* (xk̄h̄(w)ri), lehor (i-xGĀr-), lur (q̄ǎré; lh̄imłw̄i), jan* (?ikwV̄n-), su* (çaj̄i), ikus

(HṽxkV), ziho (cīnΛV), bete (bVṽV), ile* (mVṽV), esan* (ēmcU), beso (bHaxkV), ikus (ṽHwV), eseri (eʔVr), orri* (ʔwǎrHV), egon (HrāgwV), hau* (ʔi), ur (ḥwirí). Итого 17 слов.

Итого **39** слов, из них 18 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

15. Всего в 100-словном списке языка **суахили** отмечаем **18** очевидно ностратических слов: -choma (ʔumV), -teketeza (dekO; tokVʔV), -ja (JvmV), -kavu (kVjwV), ubele (pVÍV), -zuri (ʒarE), mimi (mi), -lala (lVgV), mwanamume (mänV), mlima (malV), shingo (HvŋV), -sema/-nena ([s^]aNa), -lala (layul), hiyo (hu), hiki (hi), ulimi (lamV), jino (pVjNV), wewe (xwV).

Предположительно ностратических слов в нем 18: -uma (tVHmV), kifua (koḵV), -nywa (UNV), udongo (DVG-), tele (tVrV), -toa (toHo), unywele (nVwrV), mkono (mVnV), gao (gä[p]sA), -ua (ʔewV), vingi (manga), usiku (síNVkV), la (ʔvlV), mzizi (ʒ^irwV; mVrkV), mchanga (čajV), -simama (sVIV), -enda ([c`]V(n)), maji (mEwV).

Итого **36** слов. “Ностратический” коэффициент — **54**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике суахили: ganda (QwVnV), -fika (HuḳŪn), mbegu (mǎhwV), -dogo ([t]iHV), wewe* (wV). Итого 5.

Предположительно сино-кавказские слова: -mega (HěmxGA), chawa (šārū), ulimwengu (lḥimŁwi), -ruka (HṽxkV), mkono (fVmḵV), -ua* (ṽHwV), mwanamume* (mṽnxV), vingi* (jonHV), shingo* ([G]wVnGwV), usiku* (pVśV), hapana (ḥwV), mzizi* (mǎrqwǎ), mti (mṽnčē), mbili (malV), nani (hē-nV).

Итого 20 слов, из них 7 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

16. Всего в 100-словном списке языка **киче** (горных майя, Гватемала) отмечаем **17** очевидно ностратических слов: ti'ik (tVHmV), q'eq (ḵUkE), tu' (ʔudV), k'atik (kVṽV), uk'iaj (yugE), q'ab (gä[p]sA; gerčwV), bi' (pVtV), qul (ḵVIV), xera' (SirV; ʒ^irwV), kret (ḵErV), eta'm (tumV; tanV), cha' (čVwV), jililik (layulV), ja'i' (ʔe), xit (ḵVṽV), saq (swVḵV), q'än (KvŋV).

(Напомним: в транскрипции слов на языке киче буква j читается

как h (или испанское j), а x — как sh (русское ш.)

Предположительно ностратических слов в нем 16: komon (kVlŵV), -ij che' (cvlV), kik' (kVnV), baq (pVrVķV), tew (tVŋV), tz'i' (ʒaʒilV), chaqi'j (k`Vk`V), q'aq'(qoti), ripipik (lVPV), k'el (k[Eho]ka), in (ŋV), sanyeb (čajV), il (silV), xil (culV), abäj (bVgV), aq' (Qää).

Итого **33** слова. “Ностратический” коэффициент — **50**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике киче: uk'iaj* (ʔúqŵV), utz (ʔVžV), achi (GĀčĚ), k'i (k^wVndV), q'ij (HwíxqV), saq* ([št]ákŵV), q'an* (éqŵĀ). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: tz'ikin (tĥmhV), kik'* (hwĩʔnV), tu' (qVdV), kämik (HmoŋV), q'aq'* (pVķwV), ismal (mVłV), ta (-VdV), in* (ŋV), q'oyi'k (áqŵV), ti'j (TvΛV), wolowik (bVlV), sib (síHwV), ch'imil (ciŋŵV), che' (mVŋčĚ). Итого 14.

Итого 21 слово, из них 6 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

17. Всего в 100-словном списке нилотского языка **туркана** (Кения) [117] отмечаем **24** слова, очевидно схожих с ностратическими: akaabuket (Qoap[U]), akikony (kikV), -akiry- (ķarV), akinom (kVńV), iingok (ŋVķV), akimat (q[u]mʔV), akiwon (kVjwV), ngalup (ńālV), akimuj (kVmV), akong (ʔvnjV), akopiro ([p]urV; pVlV; [p]ilV), akim (ʔumV), akiring (ńVķV(rV)), akipor (parV), ejok (ʔvjV), etimat (tVmV), akung (küjnV), mam (ma), akiur (aga), akilulung (ķolV), akingolikin (kiñhU), akilot (kälV; gUIE), nga-kipi (ʔvpV), ngooni (ŋV).

Предположительно ностратических слов в нем 20: ekuron (kułV), aboi (bodV), apoloun (pVKV; wol[a]), edou (tVgV), nakaalimok (gVlV; külV; CalV), akit (ķiwłV), akierar (ķiwłV), amuwara (mukTV; mVrgV), ayong (ŋV), akiiyen (g(w)enV), akiper (pVķV), emoru (malV; pVrV), ekume (kVŋV), erukudi (däRVkV), ataagoroit (tV(H)mV; QurV), amuny (nENV), ajotoor (ŋūjV; tVrV), ngapuruso (nVbV), yege (ʔe), ngaarei (jVrV).

Итого **44** слова. “Ностратический коэффициент” - **68**.

Очевидно схожие с сино-кавказскими слова в базовой лексике: ikeny (hĩni), -akiry-* (xķarV), akimat* (HVmV), akipor* (pírV), ainakin (ŋVxwV), akou (ķÚHV), lukaalak (ławqV), mam* (ma), akiur* (ũGwV), akwangis (ákŵV).

Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: akikony* (HěmxGA), akinyam (ʔikwVn-), akopiro* (pǐdwV; pVhVtV), akiceket (gwēzV), akilelebun (bVtV), ayong* (ŋV), akiar (VHwV), akiien* (alg[w]ǎn), ngakotor (xqǎŋʔV), emoru* (muŋa[t]V), akwaare (hwinV), ekume* (xVnV), yege (gV), akilot* (kVrV), nakamonak, (mHǎnV). Итого 15.

Итого 25 слов, из них 12 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

18. Всего в 100-словном списке языка **апурина** (араваки, Бразилия) отмечаем **17** очевидно ностратических слов: (h)erēka (kʌrV), ari(ka) (war[i]), oki (HuKa), arã (parV), nota (ŋV), nama (mVŋV; čVmV), noki (nVKV), kona (ʔvnV), (h)ãt-i (ʔudV), imaka (ʔamV), kai (kiwV), i-je (ʔi; ʔe), nini (ŋVnV), ajana (V(n)), iporã (ʔvpV), ke-pa (kV), ke-ri-pa (kV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: -tãta (tUgV), mita- (mVkV), ina (JmV), ikipe (čVkv), anãpa (Küy(a)nV; kvpV), ãta (tar(')a), nika (UNV), -jike (tüKV), jam (ʔumV), -piti ([p]ilV), i-na (nVjV), katuma (kVnV), sika (Vkv; cwVHV), hareka (žarE; bVrV), ikanõka (nVkv), kiri (kvŋV; cwVxrV), kiki (kUÍV), -kotsa (kUjkv), tja (tVHV; šoK), -tjã (tVtV), -tsiri (c^iʔIV).

Итого **38** слов. “Ностратический” коэффициент — **55**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике апурина: (h)erēka* (gVrV), -piti* (pǐdwV), -kiti (hītwV), -jike* (jVkV), nota* (ŋV), sona (swēnV), (h)iuãka (HixqwV), -ki (qwirnV), i-je* (ʔi), ke-
pa* (xV; PV). Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: saçata (sěno), ikipe* (ilqwV), arã* (pírV), çako (bHaxkv), kiki (Hir(V)kwE), itoni- (jonHV), -tsiri (kVržwV), ãl-mina (mVnčē).

Итого 18 слов, из них 8 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

19. Всего в 100-словном списке языка **малисит** (алгонкины Канады) отмечаем **20** очевидно ностратических слов: wot (wAtV), kini (ʔvnV), skuhye (žwVHV; žiXV), tupqan (tuK[a]), kispakte (kVsV), sqot (qoti), wol- (wVIV), nil (ŋV), pittoksu / pittokot (pVdV), pihtatokot

(puʔdV), t-olaqosomon (tülV; alV; Hase), wihton (wiKV; tVŋV), ma-te- (ma), ne (ni), 'qot- (ʔudV), macelan (musV), toqtopin (tVgV), -otekon (toqa), kuhu ([ʔ]u[q]ye), keq (kV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: msi (wV(n)CV), pokehtun (kikV; tVHmV), mokosew- (mVCHV), pokahkon (kVnV), tk- (tVŋV), peciyamal (JmV), nopim (UNV; pVHV), ktahkomiq / skitkomiq (magV), wewoluhke (wEdwV), wihk (gwVjV), piyehs ([p]ilV), nehpal (KoIV), woc (wVrV), nipa- (nVkV), petolan (tälwA), nilun (ñV).

Итого **36** слов. “Ностратический” коэффициент — **56**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: wot* (qwá[t]ā), nil* (ŋV), ktanaqi (k^wVndV), oqom (ʔəmKV), woc* (wǎste), piskiye (pVšV), ma-te-* (ma), qoci (HVcə), kekesk (kǐʔV), soqon (çǎqWA), keq* (xVHV). Итого 11 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kuhucu (HVxgV), wiphun (bǐtwV; pVhVtV), sqot* (xwVdV), sit (hǐtwV), milan (VmVn; ǐL_V), piyehs* (pVwV), mawsuwin (mVnxV; cǐwjo), awt (Gwá[t]V), pqiya mkis (jVmcV), iyal (HǐLV), -uhkeri- (ixqV), nis (nǎwši). Итого 12.

Итого 23 слова, из них 7 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

20. Всего в 100-словном списке малайского (малазийского) языка отмечаем **17** очевидно ностратических слов: kulit (kLV), kerak (kerV), perut (bUrV), dada (ʔudV), kering (kVjwV(rV)), kuku (GonGa), sejuk (swVgV; jVkV), telur (tUÍV), bulu pelerah (pVÍV), bulu (burV; [p]ilV), kepala (kapV), aku (ʔVkV), akar (KurV), kulit (KáIV), kecil (kucV; çuǐ(V)l), dua (tuʔV), kuning (Kon(h)V; KvŋV).

Предположительно ностратических слов в нем 22: abu (pUlu), besar (bVtV), tulang (tVgwV), membakar (BuKV; kVrV), mati (m[ä]rV), minum (UNV), makan (kVmV), lemak (IVŋV), api (pVxwV), memberi (be[rH]u), baik (bVrV; bVtV), hiding (tVŋV; kVŋV), lutut (bVIV), tahu (tanV; šVkV), gunung (g^wVrV), malam (ʔamV; IVIV), tidur (tVrV), batu (bVgV), lidah (tiLV(Kū)), panas (pākV), kami (mi), awak (xwV).

Итого **39** слов. “Ностратический” коэффициент — **56**.

Очевидно сино-кавказские слова в малазийской базовой лексике:

kulit* (qwałV), besar* (bērčV), dada* (qVdV), bumi (pVmV), telur* (tVłV), bulu pelerah* (pVhVłV), bulu* (burV; mVłV), saya (zV), bukan (bV), manusia (mVnxV), bulat (bVIV). Итого 11 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: segala* (HVλV), kerak* (xkħiri), tulang (łāk_ā), sejuk* (štweHV), kering* (i-xGĀr-), makan* (ʔikwVn-), api* (pVgwV), lengang (rVηHV), lutut* (λwilV), banyak (jonHV), pasir (swVre), matahari (hwēri), dua* ((t)xqV), air (ħwirí), ara (PV), awak* (wV). Итого 16.

Итого 27 слов, из них 15 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

21. Всего в 100-словном списке **вьетнамского** языка отмечаем **20** очевидно ностратических слов: ho (koja), quát tháo (qEwV; gwVrV), bung (bUrV; kuηV), to (tVdV), uong (UNV), kho (k`Vk`V), an (UNV), mo (mVjrV), tat ca (tVdV), đau gỏi (tVgwV; küjnV), miếng (mVηV), không (ʔvnV), cat (čajV), noi chuyen (aNa; čVwV), da (tVIV; tVwqV), ngũ (ηūjV), đa (t/aj/IV), cai (cV), gì (kV), cái gì (CV; kV).

Предположительно ностратических слов в нем 17: ca (wV(n)CV), mau (mVLV), đót chay (zajja), thieu huy (tokVʔV), chang (GoñGa), trunđ (tUıV), lưa (IVmV; tUıV), bay (parV), mũa (musV), cho (cwVHV), giet (ʔewV), la cay (IVpV), nhiều (manga), mui (mVηV), re cay (z^irwV), cay (z^ālV), hai (gagtV).

Итого **37** слов. “Ностратический” коэффициент — **57**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: bung* (bVnkwA), quát tháo* (qwałV; QwVnV), to* (TVrV), xuong (xkweıV), kho* (xGéxGV), hay (HVwV), la cay* (λača), cai co (cwırs_V), minh (mVnxV), re cay* (Vr(V)čV), gì* (xV), cái gì* (čV; xV). Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: chim (ħ[ć]ĩnĩ), ngũc (nōmqí), chang* (sěno), may (mārλwA), đat lien (lħimŁwi), trunđ* (tVłV), bay* (pırV), toc (tüKV), mui* (mħwVIV), nhìn thay (dVηV), ngôi sao (ciηwV), lười (łamV), cay (čłV). Итого 13.

Итого 25 слов, из них 12 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

22. Всего в 100-словном списке (неполном, без 2-х слов) языка **нама** (готтентотского) отмечаем **18** очевидно ностратических слов:

soro-b (cvlV), [q]na-b (kuŋV), [q]khai (q(Uy)igŋU), *ha (kał(?)V), [č]u (č`VmV; zuwV), [c]oa (cwalV), [q]ga^i (?vjV), [c]u^b (swV(n)čV), [č]an (cwVnV), [l]goe (lVgV), [q]hu-b (ḲumV; kUmV), kho-b (ḲorE), [c]ga (cVḳV), [c]annis (žunV; čüŋV), ma^ (menV), [c]ui- (čajV), nammi (ŋVnV), [q]gu^ (gUIE), sa-s (si).

Предположительно ностратических слов в нем 15: hoa (ḳVlʷV), kai (č`oḳV; pVKV; mVkv), [č]kho-b (ḳ[o]čV), dao (dekO), [l]o (kolʔa), [c]o (sušV), [c]ae-s (žišV), dana- (talʔa), [č]gao-b (s^üz^fä), uri- (sajrV), am-s (xamŋV), tama (ma), tu-s (tälwA), dao-b (däR[h]Vga), [l]om (l /layul/lV).

Итого **33** слова. “Ностратический” коэффициент — **51**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: [č]nu (č`VŋdV), [c]ao-b (čāŁwV), [q]khai* (xgVHV; HVxgV), ha* (HVrV), [c]ae-s* (čajĭ), [q]ga^i* (HV[q]wV), [c]u^b* (čhwēŕé), ga(i)xu (HŋxqwV), [q]ao-b ([G]wVnGwV), kho-b* (kõmo; qHā́cwa), [c]ui-* (čăčwV), lammi (łamV). Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: hoa* (HVλV), kai* (čHəqwV; pVHV), ani- (hĩni), [l]o* (iwλĚ; ilqwV), [č]u* (VčV), [č]ai-b (č`V[l]xḳwV), ma (VmVn), [l]goe* (VgVł-), uri-* (šāri), [c]ui- (swénV), tama* (ma), [c]gui (HVcĕ), tsa (āmʒE), sao (čĀqwa), [q]gu^* (kVrV), [q]uri (ḳVlʔV), [q]am (éqwĀ). Итого 17.

Итого **29** слов, из них 15 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

Примечание: В койсанских языках мы обозначили “щелкающие согласные” (кликсы) в соответствии с принятой практикой: | (dental click) обозначен как [c]; # (palatal click) — как [č]; ! (alveolar click) — как [q]; // (lateral click) — как [l].

23. Всего в 100-словном (без двух слов) списке языка **сандаве** (Танзания) отмечаем **20** очевидно ностратических слов: λa (lVpV), baʔe (pVKV), [c]ʔiⁿ-khe (c`VXV; kikV), ḳaŋḳara (ḳUmV; ḳarV;), [q]i (girV), кама (?umV), cwaʔa (č`wVpV), [c]i (žiXV), [q]o- (ḳOpV), ḳwe (HwelV), ke⁽ⁿ⁾ (küjnV), gawa (g^wVrV), buλi (pVlV), [q]ʔuma (ḲumV), kelemba (ḲalV), со (cVḳV), cuḳa (žun[k]V), ha (?a), he (?e), ho (Ḳo).

Предположительно ностратических слов в нем 16: thui (HVwjV),

kaka (kVpV), [l]ʔi^ɔ (lVmV; HenkV), ce (sVHrV), zigida (s^hüz^hä), maxe (mänV), [q]num (xamŋV), [l]wa (lVmV), [c]a (čurV), bojo (pVrV), [l]ʔo (kVlV), [l]nume (menV), [q]he^ɔ (kä[lH]ä), hoqa (pākV), ho-co (kV), thame-cu (ʔvmV).

Итого **36** слов. “Ностратический” коэффициент — **56**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: [q]o- (höstV), ʒaŋga (śVŋV), ce (čVqV), ci (zV), kwe* (VHwV), maxe* (mVnxV), gawa* (ʔáqVwV), kweŋ ([G]wVnGwV), [c]nowa^ɔ (ciŋwV), cwa (čĀqwa), ha* (hu), he* (ʔi), ho* (hē-nV). Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: ʒa* (qwałV), [c]i* (ičĚ), [c]we (ʔwılʔi; wēmqV), ie (iĬ_V), ce* (čhwērə), [c]a (ʒačĥ), de (k^wVndV), cexe (HVcĚ), [l]ʔo* (ʔvĬ_Vr-), cuqa* (sĬHwV), ho-co* (xV). Итого 11.

Итого 25 слов, из них 12 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

24. Всего в 100-словном (без 2-х слов) списке **алеутского** языка отмечаем **18** очевидно ностратических слов: киг= (kikV), кинганакук (kVjŋV), саглах (ʒaħıl/lV), қака= (k`Vk`V), қа= (kVmV), аг= (VkV), айагах (ʔvjV), кануг(их) (kuŋV), кигақ (k[Eho]қа), қуйу= (kVwjV), тугидах (tVlgV), агилгих (egV-[r]-), гула= (ʔvlV), уку= (HuҚа), қачқиқ (kVcwV), чукуда (сVкV), qata (kV), кин (kV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: кимлах (gwVlV), қахқиқ (kUkE), симсис ([c]V(n)ʒwV), хиг= (HenkV), қагалгих (Goñ(V)Ga), таңа= (tar(')а; UNV), китах (pVNdV), чижа= (tVngV), ида= (wEdwV), йуглих (HelV), аду= (puʔ[a]dV), анг=усиқ (kVŋV), атақан (ʔudV), улуда= (pVlV), амгих (ʔamV), чугуқ (čajV), сдах (dV[š]tV), хитқиқ (kudV), алах (malV), ака- (kä[lH]V), тхин (t[u]).

Итого **39** ностратических слов. “Ностратический” коэффициент — **57**.

Очевидно сино-кавказские слова в алеутской базовой лексике: сах (šVxkV), кинганакук* (kVjŋV), таңа= (dVnV), ига(=хта)= (HVxkV), гула= (hwV), хи= (HĬV), киңу (kĬʔV), қачқиқ* (qHācwa), кин* (hē-nV). Итого 9.

Предположительно сино-кавказские слова: хузу (HvĬV), аңуна= (ʔvnV), угагикук (HuqŪn), чадуқ (čĭnĬV), китах* (hĭtwV), айагах

(H́V[q]wV), имлих (mVf́V), умсуг (zV), ида=* (ǐxq(w)É), қуйу=* (áqwV), ака-* (kVrV), улух (TvΛV). Итого 12.

Итого 21 слово, из них 7 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

25. Всего в 100-словном (без одного слова) списке **эскимосского юпик** языка отмечаем **19** очевидно ностратических слов: пылуқ (ṕVIV), қылта (q̄LV), аны= (ʔvnV), nengller- (ńVńkV), кыгы= (kikV), туқу= (č`Vq̄V), маник (miṅa), нуйак (ṅVjV), кымык (mVq̄V), унук (nVq̄V), қиңақ (q̄VṅV), қычик (kVcwV), мыкыты (q̄VtV), куимағ (q̄VjV), улу (tiLV), малғук (malV), ruqlange- (p̄aq̄V; duHIV), қатығ= (q̄V), са= (CV).

Предположительно ностратических слов в нем 18: амақ (mälgi), ыкуа= (tokVʔV), чытуқ (č`wVṕV), қимухта (Q̄üjnA), нуна (ńälV; niẃla), йңақ (ʔvnjV), чулук (ṕVIV), кынық (HenkV), вык (wišV), иңақты (ṅuhy[a]), такы= (tel(h)V), қанық (xamṅV), қаугйақ ([k][ü]šʔV), қавағ= (ʔaw[y]V; [ʔ]u/ü[q]ye), чимақ (čajV), памйуқ (ṕVIV), ала (ʔa), мық (mEwV).

Итого **37** слов. “Ностратический” коэффициент — **56**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике эскимосского языка юпик: қылта* (q̄wǎf́V), sungagyag (śVṅV), иғалуқ (HvlV), қиңақ (HvnV), таңығ= (dVṅV), қычик* (qHǎ́cwa). Итого 6.

Предположительно сино-кавказские слова: чиун (f̄wǎnf́V), иғу (twīf́V), чаимиқ (cwǎjṅ), кумак (ʔəmkV), қавағ=* (H́VwsVn), са=* (čV), maqari- (mHǎnV), қатығ* = (q̄VlʔV). Итого 8.

Итого 14 слов, из них 5 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

26. Всего в 100-словном (без трех слов) списке языка **квенья** (искусственный “эльфийский” язык, созданный Дж. Р. Р. Толкиным, автором эпического цикла об истории Средиземья) отмечаем **17** очевидно ностратических слов: hua (Q̄üy(a)ñV), suc- (sUK̄V), hen (ʔvnjV), nare (ṅera), quanta (kVnV), finde (p`un(́)V; pUdV), ma (mVńV), hon (kuṅV), ni (ṅV), ner (NajRV), mundo (mVṅV), miste (musV), helma (Q̄alV; kamV), fum- (HumṅV), sina (cV (~ č-)), me (mi), tye (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 21: ilqua (q̄Vl̄wV),

cumbo (CipV), hoa (ʔvnV), aiwe (HVwjV), lar (IVʒV; mVjrV), hala (ʔaʔV), cár (tVrV), indo (IVŋ(d)V), lasse (IVpV), vinya (wVIV; žVjŋV), lome (IVIV), ume- (ma), la (ʔvIV), er (ʔvrV), tie (tÉrgE), cen- (silV), -ola (layuʔV), pitya (pVwjV), sar (čajV), atta (gagtV), man (mi).

Итого **38** слов. “Ностратический” коэффициент — **56**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: tara (TVrV), ringa (rV'GwV), mara (mVrHV), ni* (ŋV), lasse* (ʒačā), har- (eʔVr), lamba (ʔamV; ʒānpV). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: ilqua* (HVʒV), hoa* (hāxÉ), serce (čāŁwV), hua* (xHw'ije), lar (ŁVHʔV), telco (čV[l]xkV), ore (rěkwī), ista (ixq(w)E; āmstE), anto (k̄wēm̄tī), lome* (ʔlēʒa), ume-* (ma), helma* (kōnmo), lor- (ʔVʒ_Vr-), sar* (čāčwV). Итого 14.

Итого 21 слово, из них 9 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

27. Всего в 100-словном списке (неполном: без 2-х слов) языка **ТЛИНКИТ** (семья на-дене, Аляска) отмечаем **24** очевидно ностратических слова: каниити (kawʔV; nü(j)di), каюгу (kVrgV), така (taχmV), кахит (koqV), хаиц (Hase; HvwcwV), гуахук (gwVIV; k`Vk`V), кангалют (HenkV), хат (ʔaʔV), тучехати (toHo; cwVHV), шахау (sVHrV), качин (gäsA; gerčwV), какин (küjnV), калитик (kVIV), клека (ʔvIV), теик (tV'rgV), хатин (gAñV), катуку (kudV; to(w)qa), хата (hodʔV), те (te'lo), катлютл (Kālyā; tiLV(Kū)), тлюгу (tRu), тех (tüʔ), хутикут (kVdV), шаўат (SāwCV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: цак (qac`V), атхаунт (to[h](V)kV; kVñV), сиат (swVgV), кахаку (Goñ(V)Ga), кус (kümV), их (pVxV; IVʒV), хач (ʔVkV), хуачак (ʔewV), тахахануку (tanV; g(w)enV), хата (taqU), гистис (dvštE), сиў (musV), Ктлем (Hāli; kUmV), юхахатанк (wVqV; tVHV), цик (žun[k]V), ганхўаен (HoJV).

Итого **40** слов. “Ностратический” коэффициент — **64**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: гаке (hāxÉ), тикек (dVHV), юшкет (šVxkV), сиат* (štweHV), кукаут (HuqŪn), хатана (HvmV; dVnV), гуахук* (xGéxGV), катлуку (KVʔV), хаха (ʔikwVn-), геке (HV[q]wV), шахау* (čhwāmé), гагат (HūxqwV), ка (GĀcÉ), тляку (ʔawqV), тлиг (TVΛV), хатин* (HārqVn; dVŋV), акин (áhV), цик (s'HWV), тех* ((t)xqV). Итого **19** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: тучехати (čVηdV), ше (čāŁwV), кахит* (qVdV), какук (fwanfV), кауак (ʔwĩfĩ), кахус (kHwVnšV), цухати (sVηV), тахахануку* (HéXVr- ĭxq(w)É), шша (swénV), каляка (čwVłHV), каша (čVqV), калю (młhwVIV), сиў* (č_ădV), хаа (ixqV), катуку* (qHăcwa), какан (HwĩxqV), атуху (HVdV), тлюгу* (čĕłV), уе (wV). Итого 19.

Итого **36** слов, из них 10 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

28. Всего в 100-словном (неполном! - без 5 слов) списке языка **хадза** (изолированный “щелкающий”, Танзания) отмечаем **24** очевидно ностратических слова: waina (wEńć/čV), ho-čo (kuz^mV), he-ḵwa (qEwV), fa- (pVHV), ʔakhwa- (HuḶa), пакараʔа (pVKV), 3а- (3wVHV), seme- (čVmV), чоқо- (tokVʔV), ha-ḷe- (Ḷila; xulV), na (ηV), çaha- (c^eʔNV; Saḥk[a]), [l]angala-hi (IVgV; ηuhy), mana-ko (mVḵV; nVḵV), ʔawanika- (HvwV), 3ana (žVjηV), wili (wVrV), çawa (čajV), ha (ʔa), haka- (kă[lH]V), u- (wV), ho-co (ḵV; CV), ho (Ḷo), te (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 20: kaʔ-ḷe- (kikV), ʔiriba- (koḶE(rV); boηE), naḷa (nVńkV; küłV), an[l]ʔi- (kolʔa), ḷeḷe (IVPV), ʔule- (tUıV), ʔapukwa- (pVłkV), kw(a)- (VḵV; cwVHV), [l]naweče (wišV), [l]o- (KolV; qola), setha- (dvštE), [l]ʔuḷe (g^wVrV), çifi- (kVcwV (~ -čw-)), ʔinthawe- (ḵVηV), ʔunu- (ḵUıV), he- (tVHV), ʔaha- (kamV), [l]upi- (3wVpV), ʔišo- (si[h]wV), ʔathi- (ʔvpV).

Итого **44** слова. “Ностратический” коэффициент — **68**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: he-ḵwa* (qwăłV), пакараʔа* (pVHV), thithi- (tłmhV), malundi- (mărłwA), ha-i (ħálsV (~ -ĩ-, -ī-)), na* (ηV), ʔakana- (HixqwV), 3ana* (čăηʔV), a-kwV (hwV), ʔiçame- (HVcə), wili* (HĩłıwVłV), jamu- (jVmcV), he-* (HıŁV), ḵumi- (GwVmV), çiko-wa (sıHwV), çaho- (çĂqwA), ho-co* (xV; čV), ho* (hē-nV). Итого **18** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: miḷa (łäk_ā), fa-* (HVmV), чоқо-* (čajĭ), cʔiʔeʔe-na (ʔV(n)žV), ʔukhwa (bHaxḵV), ʔule-* (tVłV), [l]angala-hi* (VgVł-), an[l]ʔi-* (ilqwV), ndago (k^wVndV), [l]ʔuḷe* (mufla[ł]V), çifi-* (pVšV), ʔinthawe-* (xVnV; HVnV), jeke (xqıxqə), ʔaha-* (kõmo), ha[q]ʔa- (GörGV), ha* (ʔi), ʔaha- (ħηwăhV), çiti- (čĕłV). Итого 18.

Итого **36** слов, из них 18 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

29. Всего в 100-словном (без 3-х слов) списке **корякского** языка отмечаем **27** очевидно ностратических слов: муллымул (mVLV), мэйңылг'ын (manga), кэнгэтык (qVńV; qotV), ныңэялгықэн (ńVńkV; jVkV; gVIV), емык (JvmV), кыwwатыкин (qVjwV), валивал (swVÍV), кычвий (k`VSV), лыһук (silV; НуҚа), нылилитақин/нылэлэпэяқэн (ńõle), мынғыт (mVńV), лиңлиң (lVŋV), йылгалык (lVgV; kvlV), ниwлықин (ŋVlV), йинныт (mVjŋV), һинныһин (HvŋV), ныкинык (nVqV), һэны- (qVŋV), уйңэ (ʔvnV), макин (m[u]ŋqV), ивык/тывык (čVwV; wVqV), гылгын (ҚаlV), йылқэтык (layuÍV; hud(V)ʔV), мыт/мыч (mi), тылэк (lVktV), -ге/-гу/-ги (xwV; Hiʔu).

Предположительно ностратических слов в нем 23: itki (tUgV), -йгу/-йго- (kikV), пиңпиң (peľüńE), һытым (qVmV), һатһан (QüjnA), пылык (p`VHV), вилут (qiwlV), лиwлиw (tUÍV), гыммо (ʔvgV; mi), кинуңи (ńVqV), милгымил (lVmV; nVIV; gVIV), ынну (mEñi), митһайин (mVrHV), йыһылг (tVlgV), муқэмуқ (musV; mVrVgV), чыгэй (čajV), һew (ń[e]xá; ʔvnjV), -пиль (pVwjV), wуччин (mu(wV); čV), -ти/тэ/-т (tüʔ), мимыл (mEwV), мэки (qV), чеқэн (KvŋV).

Итого **50** слов. “Ностратический” коэффициент — **77**.

Очевидно сино-кавказские слова в корякской базовой лексике: йылык (iŁ_V), йылгалык* (VgVł-), -иwл/-эwл- (xwVłV), -тул/-тол (TVΛV), һинныһин* ([G]wVnGwV), һэны-* (HVnV), -ге/-гу/-ги* (Hiʔu). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: -йгу/-йго-/йыгук* (HěmxGA), вэлолңын (LVHŋV), лиwлиw* (tVłV), гыткат (hĩtwV), кычвий* (kĩwrV), лыгы лыңык (alg[w]Ǟn), қыйым (hwwV; ma), макин* (mHǞnV), ныппулюқин (lVkV), һыччеқ (nǞwši), нилгықин (qVlʔV), итого 11.

Итого 18 слов, из них 8 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

30. Всего в 100-словном списке **нивхского** языка отмечаем **33** очевидно ностратических слова: х'иф (qEwV), к'ан (Qüy(a)ñV), та- /ра- (tar('a)), -ini- (UNV), һн'ах (ʔvnjV), т`уг'р (tUÍV; ʔurV), čar-

(tVrV), нлаизвалад (ńõle), nawĩki (nVwrV), тоџр (tolV; qirV), múrki (mVrgV), ньи (ŋV), khu (HweIV), čin-x (sVnV), тар (täjV; sajrV), malGo (manga), пал (balV), qhos (kV[z]V), чирд (CvrV), вих / ух (wiKV / ? ujkV), раџла (p̣VIV), к”омр (QumV), ншы (ń[e]xa; šVqV), хал (QaIV), п'атх (p̣VtV), qho- (hodʔV), иды (w[i]tV), пах” (bVɣV), ку-д' (ʔu), хильх (Qä[IH]ä), тир (dʷirV), нин (ñV), či (si).

Предположительно ностратических слов в нем 16: н’ар (qurV), угу-д (qo(ha)tV), tagan (Goñ(V)Ga), lax (bVl(w)V), тузд (tUmV), че (sušV), turǰ ([p̣]ur(y)V), p̣iy (p̣arV), mĩ- (sVmV), к’уд (qVwjV), ñng (egV), мирлих (mVrḳV), ч’ых (pVč̣V), ме (malV), тыкт (duHIV), умгу (ʔvmV).

Итого **49** слов. “Ностратический” коэффициент — **82**.

Очевидно сино-кавказские слова в нивхской базовой лексике: p̣iy* (p̣irV), n̄ng (niŋHV), ньи* (ŋV), пихти (bVstV), тур (TVΔV), qay (h̄wV), мирлих* (m̄r̄q̄w̄), пулбулуд (bVIV), -thiv- (VtwV), ку-д'* (ʔu), хаву- (HūgwV), к”алг’алыд (qVlʔV). Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: х’иф* (q̄wǰV), н’ар* (gVrV), lax* (m̄r̄λwA), тамк (fVmḳV), рамк (r̄VŋHV), ихд (V̄HwV), кылд (x̄wVtV), тар (šārī), q’a (HixqwV), тир* (daro), аŋ (hē-nV), эвршқвалад (éqwǰ). Итого 12.

Итого 24 слова, из них 8 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

31. Всего в 100-словном списке языка **манинка** (малинке, Гвинея, г. Канкан) отмечаем **32** очевидно ностратических слова: fara (gwVrV), kono (kuŋV), ba (bVtV), ki (kikV), sisi / sin ([c]V(n)ɣwV), koo (koḳV), nene (ńVńkV), nya / aŋa (ʔvnjV), ta (tokV), barali (p̣arV), dia (dwVV), bere (bVrV), ku si (k`VSV), n (ŋV), gbe-le (bVIV), la (IVgV), kuru (gʷVrV), mo (mVtV), kaŋ (HvŋV), su (sVrV), sa (ç_ǰV), kiri (ḳErV), kinyen (kiV; kUmV), fara (gwVrV) [2], fada (p̣VtV), sunoo (zVNV), tele (dilV), ku (ḳudV), hamiŋ (ʔa; mu), ne (ŋVnV), yiri (dʷirV), mu (mi).

Предположительно ностратических слов в нем 27: tiŋna (tVHmV), fimaŋ (ḳUmV), axuu (HV(w)V), kageni (qo(ha)tV; qVńV), birika (bVIV), sumani (SvŋV; tUmV), se (ǰiXV), sa (č`VḳV), mi (HVmV), ja (ḳVjwV), duu (DVG-), keŋ (Q̄E[w]ar̄(w)i), djee / gee (dVgV), gbe-le (pVlkV), si

(sVHrV), sVmV), faa (ʔewV), nu (newRV), kele (ʔvrV), ke (kUÍV), sama (musV), fo / ko (wVķV), sisi ([s]VmV), kaba (kiwV; bVgV), wo (mu(wV)), gi (ʔvpV), an (ñV).

Итого **59** слов. “Ностратический” коэффициент — **91**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: ba* (p̣VHV), barali* (p̣rV), ku (kUHV), kere (q̣_ūrV), n* (ŋV), kaŋ* ([G]wVnGwV), ba (bV), moo (mVnxV), fara* (ʔwārćwǎ), sisi* (ṣiHwV), kuru (GwērV; GōrGV), gi* (ḥwirǐ). Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kin (HēmxA), koo* (qVdV), se* (ićE), se (čVxķwV), karo (HVIV), su* (p̣VśV), nu* (xVnV), wuemoŋ (ḥwVmŋV), lili (HǐǎǐwVǎV), ku* (čǎqWA), yiri* (daró).

Итого 23 слова, из них 13 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

32. Всего в 100-словном списке **айнского** языка отмечаем **42** очевидно ностратических слова: hon(i) (kuŋV), kuraśno (ķarV), kune (kUmV), poni (p̣VjNV), koto (ʔudV; koķE(rV)), uare / va (war[i]), sinnaman (SvŋV), kuso (KUCV), ku (q[u]mʔV), kauri (kVjwV(rV)), śiri (tVrV), an'e (UNV), e:te (ʔitE), kiripu (kUrV; p̣VxV), apehe (p̣VxwV), parahse (parV), konde (k`od[e]), pirika (bVrV), nuna (ńä[w(ŋ)]a), mon (mVńV), ku (ʔVkV), toxše (taqU), -guru / kuru (xwīre), nupuri (p̣VrV), ča (č`VmV), aśiri (CvrV), hanne (ʔvnV), ništomu (ñi), are (ʔvrV), kuru (kUÍV), fure (ķurV; p̣VIV), tojru (tÉrgE), takan (tVHV; teʔq[ü]), nukara (ń[e]ǎ; gUrV), pi (pVč`V), kam (kamV), haćiko (ķucV), tuh (tuʔV), roxke (p̣äķV), hemata (ķV; mi), kamajan (ʔvmV; k/u/nV), eći (si).

Предположительно ностратических слов в нем 18: jar'a (gwVrV), kem (kVnV), to (ʔudV), hukay (tokVʔV), niće (nVjV), ambare (be[rH]u), raće (ķarV), kire (küjnV; tUrV), inkara (kiñhU; gUrV), raši (sajrV), kuni (nVķV; ʔamV), sikari (ķErV), pa (nVbV), eći ([c`]V), be/pe (ʔvpV), kaśke (kVcwV), an- (ñV), hemanu (ķV).

Итого **60** слов. “Ностратический” коэффициент — **102**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: poro (bērčV; TVrV), čikar (šVxķV), kuraśno* (xķarV), koto* (qVdV), ahun (HuqŪn), ku* (ʔúqwV), e:ći (VčV), apehe* (p̣VgwV), parahse* (p̣rV), siunin (śVŋV), nuna* (niŋHV), rećehe (rVŋHV), kiraw (q̣_ūrV), amukiri (ǎmstE; HǎǎVr-), ki (ʔəmkV), -guru / kuru* (HǐrķwE), kauri* (í-xGǎr-), kuni*

(hwinV), hanne* (hwV), enčiu (ćwějo), fure* (HVrV), kam* (kõnmo), aś (ǎsA), tuh* ((t)xqV), hemata* (xV), hemanu* (hē-nV), kamajan* (qwǎnV). Итого **27** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: jar'a* (xḫiri), to (qVdV), aregi / riki (HvrV), esisteh (hōstV), ča* (čwVHV), raši* (šārī), re (ʒwérhī), je (ēmcŪ), inkara* / nukara* (HárqVn), nočiu (ciŋwV). Итого 10.

Итого **37** слов, из них 21 общее и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

33. Всего в 100-словном (без одного слова) списке шумерского языка отмечаем **40** очевидно ностратических слов: hu (HVwjV), dè-dal (tVtV), gù (ḫuLV), zú...kud (c`VXV), ku / mé (ḫUmV), ùri (wirV; ḫurV), bil (pálV), ten (tVŋV), kú (ḫVmV), kuruš (kUrV), pa (pVÍV), nu (nVjV; nVIV), ba-rV (parV), dé (tVdV), ba / ru (be[rH]u), ša (žVjŋV; šüwA; šüwE), suhur (sVHrV), munšub (mVńcV), men (mi; ŋV), ge / ga (ʔvgV), zu (c[ü]ŋV), pa (pVrV), ku (ḫVwjV), kur (g^wVrV), ka (k`VCV), gún (HvŋV), níg (nVḫV), ku (HudV), nu (ni), ha-har-ra-na (ʔur(H)V), úr (wVr[t]V), kàr (ḫErV), kuš / kus (kVcwV; ḫudV), ù: (uye), nú (ŋūjV), su (sVIV), za (čajV), gá (kä[H]V), ma (mVrV), géme (ʔvmV).

Предположительно ностратических слов в нем 24: gíg (ḫUkE), úš (ʔVsxV), múd (mVLV), mù / ma (ʔumV), gag (Goñ(V)Ga), tilhar (tVgV; bVl(w)V; ḫVrbV), na (UNV), ki (dEqV), ìa (gwVjV), izi (žišV), kišib (gä[p]sA), šag (s[^]üz[^]ǎ), lul (lVgV), mu (lVmV), murgu (mVḫV), lú (ḫUÍV), eg / ék (teʔq), su (kVcwV), gi (ḫVtV), i-bí (nVbV), kun (ḫudV), du (däR[h]Vkv; kVdV), e (ʔEḫu), za (si).

Итого **64** слова. “Ностратический” коэффициент — **104**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: gù* (qwǎV), bil* (bVIV), kur (HVrV), pa* (pVhVtV), ba-rV* (pírV), suhur* (čhwērǎ), sag (ćVqV), ug (VHwV), giš / geš (GĀçE), lu (ław(x)qV), gún* ([G]wVnGwV), ku* (hwinV), úr* (Vr(V)čV), kuš / kus* (qHǎćwa), gi* (ḫĪʔV), giš / geš (HvžwV). Итого 16 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: gal (hǎǎÉ), hu* (hīñi), ùri* (gVrV), gen (HuqŪn), nisig / nisi (śVŋV), ur-da (-VdV), uzu (žǎžV), ka* (ḫwēmī), sahar (swVre), šún (ciŋwV), eme (mǎłci), zú (kVržwV), géme* (qwǎnV). Итого 13.

Итого 29 слов, из них 14 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

34. Всего в 100-словном (без четырех слов) списке центрально-суданского языка **мору** выглядят очевидно ностратическими **27** слов: kɔbɔbɔ (ҚорV), kari (қurV), kɔva (HVwV), ɔza (зajɲa), ba (boɲE), kɔɲi (Goñ(V)Ga), dɪkɔlɔ (tVgV), kʷɔɛ (KUCV), umvu (UNV), ɔna (UNV), -bi (pilV), asi (VcɣaLV; žiʃV), pa (pVlkV; p̣VHdV), ɲɔlɔci (nVkV; śiNV(-kV)), dɪkeri (tüKV), dɪ (tVrV; qirV), ma (mi), kaya (küjnV), kyibi (қAP_V), managɔ (mänV), bɛrɛɲʷa (p̣VrV), kɔnvɔ (kVɲV), si (c^iʔIV), mu (mVrV), ama (mi), cɛ (ʒ^älV), ɲi (ɲi).

Предположительно ностратическими выглядят 16 слов: cini (wVnCV), ɔci (c`VXV), idʷe (jVkV; tUmV), eli (kaɫV), awi (kVjwV), tʷi (tVdV; tVrV; türʔV), dɪ (UdV), uni (cüɲV), iza (s^iwV), ɲgulu (қoɫV), cɪɲi (čajV), ata (tVHV; aNa), uɟu (hudVʔV), giliɲʷa (ɟuɟVɪV), ago na (ʔu; mu), ri (jVrV).

Итого **43** слова. “Ностратический коэффициент” - **70**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: kari* (gVrV), gyini (hénšwi), -bi* (bɫwV), asi* (çajǰ), ufu (VHwV), kyibi* (ɣapālɣqɔwE), kɔɲi (xqāɲʔV), managɔ* (mVnxV), iza* (žǰžV), kɔnvɔ* (xVnV), kʷɔri (qwōrnV), si* (stɫɫhV), cɛ* (çǰɫV).

Итого 13 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: eli* (VmɫV), umvu* (HvmV; ʔúqwV), pa* (bɫmɫV), kadɔ (ʔVžV), eri (eɫu), kʷɔyi (xqwěmV), ma* (ɲV), ɫvuru (ʒwérhǰ), ɔndɛ (dVɲV), ɔri (eʔVr), cini (sdānkV), giliɲʷa* (IVkV), kuni (HVmçV), ago na* (gV), laɟa (ɫamV). Итого 15.

Итого 28 слов, из них 15 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

35. Всего в 100-словном (без четырех слов) списке языка **басса** (группа кпу) [165; 166] выглядят очевидно ностратическими **26** слов: tiɔ (tVtV), xwidɟi-ku (gwVIV; kUtV), fɔ (paɫV; p̣VrV; wVrV), vɛnɛ (wVnV), bua dyi (bVtV), kpe / kpɪi (ʔVbV), sɪ (CvIV; ç^Vhɰ; swVdwV), mɛ (märV), gbe (kVpV), nyɛ (nVjV), du (tolV; tVrV), bo (pVlkV;

ḗVHdV), we (wVCV), to (toHo), wə (UwV), mi (mVńcV), m (mi), pε kə (ḗVḗV), dεnε (tEŋgVÍV), cε (čVwV), mana (mVŋV), hee (ʔe), hwie (gwVCV), kuḗuu (ḗudV), ka (ʔa), kea ke (ḗV; ʔa; ʔe).

Предположительно ностратическими выглядят 25 слов: buu (ḖoapU), nεε (mVńV), ni-kpo (nVbV), se to (č`VḗV), na (UNV), dyε (tVrV), dyiin-dyiin (tVngV), ḗein-ḗe (žVjŋV), nimii-gmε (mVjŋV), dyuo (tumV), nε (pVNV), baun-baun (ḗalV), suadε (sUḗV), dyuadḗ (dwV(j)ḗV), ḗaba (tälwA), ko dyi (tVgV), mə (ʔamV), nyu (menV), dεnε-dyu (dV[š]tV), sə (čajV), dyodḗ (dilV), nyεnε-bo (ḗVjNV), cu (ʒ^älV), maa (ʔvmV), m (nV).

Итого **51** слово. “Ностратический коэффициент” - **77**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: xwidj-ku* (qwá[t]ā), naa (hni), sɔ* (ičE), sana (čīnΛV), nyi (ŋVxwV), mi* (mVʔV; niHV), xwa (kwīʔí), gaa (GĀčE), cii (čwějo), hwie* (GwāV), gmεnεε (mHānV), ka* (gV), mic (mēʔci).

Итого 13 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: nεε* (mḗmV; nōmqí), kwε (ilqwV), gbe* (xHwíje), bo* (bǐmʔV), gmε (xq̄wēmV), hee* (h̄wV), dye (dVŋV), ku (kōnmo), tiwe (tiHV), vɔ (čĀq̄wA), kea ke (ʔi), cu* (čĀʔV), ni (mEwV), nye (hē-nV). Итого 14.

Итого 27 слов, из них 10 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

36. Всего в 100-словном списке (без двух слов) языка **та** ([q]Xóõ; **бушмены** Ботсваны) отмечаем **19** очевидно ностратических слов: gule (ḗuLV), siʔi (c`VXV), [q]naa (ḗVnV), ši (žiXV), [c]ʔaa (č`VḗV), [č]qhai (ʒaḗilV), kxa^{hn} (ʔgu), [q]ʔuiⁿ (ʔvnjV), qaiⁿ (ʔvjV), n (ŋV), [c]gumaⁿ (c^eʔNV; ḗumV), [č]u-e ([s]UwV; č`VmV), [c]nue (zVNV; súNV), dao (däRVga), [q]kxai (ḗUjḗV), [č]kxum (čajV; kUmV), [c]ʔui (čuf(V)ÍV), ʔVV (ʔu; ʔa; ʔe), ʔVV (ʔi; ʔa; ʔe).

Предположительно ностратических слов в нем 20: ko (ḗVÍwV), [č]goa (g^wVIV), [q]huma (kuŋV), [č]aⁿ (ḗač`V), [l]a^ha (/ḗ/alV), [č]aʔuⁿ (swVgV), any (mEñi), [c]ʔola (cwalV), [c]gahi (k[Eho]ḗa), [c]qʔan (kuŋV), tuu (taq̄U), [q]qhan (tVlgV(nV)), [č]ʔu- (ʔudV), [c]naⁿ (nḗa), ʔ[c]nan (ŋVnV), u-lu (gUIE), kubi (ḗḗḗV), [q]qhaa (ʔEḗu), [c]gahi (GäHlu), [c]V... eh (CV).

Итого **39** слов. “Ностратический” коэффициент — **58**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: *gule** (q̣wǎɫV), [c]guhʔu (šVxkV), [q]ʔui^ɔ* (ʔwɪɫʔi), [c]Ghua^ɔ (çhwǎmē), n* (ŋV), [č]u-e* (čwVɫHV), [c]au^ɔ (çǎqwa), ʔVV* (ʔu), ʔVV* (ʔi), [c]V...eh* (čV). Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: *ko** (HvǎV), [q]xaV (hǎxÉ; čHəqwV), [q]naa* (hwɪʔnV), [l]guu (Gwǎlhē), [c]ʔa^ɔ (çǎjɪ), [l]a^ha* (QwVɫV), [č]aʔu^ɔ* (štweHV), kxa^h* (ʔúqwV), [č]kxum (čHǎdwV; pV̄mV), sa^ɔ* (CVwV), [l]ae^ɔ (ǎwǫrV), [q]ʔam (qǎʔVrV), [l]qhua (hwV), [č]ʔu-* (Hvcǎ). Итого 14.

Итого 24 слова, из них 14 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

37. Всего в 100-словном списке (без одного слова) **бушменского** языка **жу** отмечаем **22** очевидно ностратических слов: *wa^ɔ-si* (wV(n)CV), *we-če* (wićV), *to* (tVɫV), [q]gu (gUtV; kUtV), [q]naʔa^ɔ (ʔvnV), [q]goʔa (koḵV; goḶE), *kuʔu* (qo(ha)ɫV; ɫokVʔV), [q]ga- (HaḵumV), *ci* (ziXV), [č]ghui^ɔ (KüjnA), *ʔm* (ḵVmV), *daʔa* (d^wVɣV), *ža^ɔ* (žVjŋV), *mi* (mi), *ze* (žVjŋV), *kxa* (Hǎli), *se* (s[^]EḶU), [c]am (z[^]omV), *he* (ʔe), *cʔema* (cVḵV), [q]gu (ʔEḵu), *ha-če* (ḵV; CV).

Предположительно ностратических слов в нем 14: [l]noʔoro (ḶorE), *žo* (sVrV), [c]ʔŋ (ḵVnV), [č]aʔu (swVHV), *kxa* (tuḶ[a]), [c]gaʔa (HuḶa), [l]ʔau (ʔaɫV), *cʔi* (k[^]VCV), [c]ʔa^ɔ (cwVHV), *cʔu^ɔ* (ḵVŋV), *ko* (šoḶ[U]), *toʔa* (ʔa), *cʔau* (c[^]iʔIV), *ha-žoe* (ḵV).

Итого **36** слов. “Ностратический” коэффициент — **58**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: *cʔama* (šVxḵV; h[č]ĩni), *ci** (ićE), [č]ghui^ɔ* (xHwǫje), [c]kxai (çVxḵwV), [q]ai-si (ʔVžV), [q]u (HixqwV), *cʔa* (ʔamV), *he** (ʔi), *ha-če** (xV; čV). Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: [q]gu (qwaā), *žo** (çVŋdV; HčōlV), [č]aʔu* (štweHV), [c]nai (çinAV), *daʔa** (xwVdV), [q]ha^ɔ (HǎxVr-), [č]gaʔiŋ (qǎʔVrV), *ze** (çǎŋʔV), *cʔu^ɔ* (xVnV), *žu* (čwějo), [c]ŋŋ (manV), *cʔema** (GwVmV), [č]u^h (ciŋwV), *žxa* (āmžÉ), [l]ʔu^ɔ (ʔIVmV), [q]aʔu (ḵVɫʔV), *ha-žoe** (hē-nV). Итого 17.

Итого 26 слов, из них 10 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

38. Всего в 100-словном списке (неполном! - без пяти слов) **андаманского** языка **онге** отмечаем **17** очевидно ностратических слов: a-(g)ange (kuŋV), -ijye / a-yo- (JvmV), a-gage (goḶE), tekala (tVgV), -i(n)jo- (UNV; jVgU; yugE), i-da- (?itV), tuke (tokV), -i-baro (bVrV), gajabe (?vjV), o-to-l-a-ji-be (tołʔa), mi (mi), gele (HelV), o-dang-nange (tVŋV), ma (ma), giru (ḵurV), chenene-ue- ([s^]aNa), taiyi (t/aj/IV), kwa-che (ḵV; CV).

Предположительно ностратических слов в нем 23: kotalota (ḵVlʷV), gibo (ḵEwV), be (?VbV), etota- (tokV), baije (bVl(w)V), tutano (tuḶ[a]), g-a-kwe-nge (gwVjV), geje-bute (HVp`V), -ko?-la-kwe (ḵiwlV), ota-kwe (HwelV), g-a-i-nyi- (ḵVwjV), -ireame (mVjrV), wange (manga), -a-ti-be (pVtV), iche (CvrV), aʔanda (?udV), i-omoka- (?amV), a-lan(g)-dange (tilV(ŋV)), -ku (ḵVmbV), kwae- (ḵVjV), daʔnge (wVngV; d^wirV), geru (HvlV), ngi (nV).

Итого **40** слов. “Ностратический” коэффициент — **57**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: i-kwa-ge (ʔwǎŋV), nganage (xqǎŋʔV), -ilake (ʔǎwqV), chilome (śHVlʔV), ma* (ma), giru* (HVrV), a-lan(g)-dange* (ʔānpV), kwa-che* (xV; čV), -o-kalai (ḵVlʔV).

Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kotalota* (HVʔV), tuge (tǎmhV), a-gage* (Gwǎlhē), -ilinge (algǎn), -ugiʔkei (HVxkV), ota-kwe* (VHwV), o-la-ge (ʔwilV), önge (mVnxV), iche* (čǎŋʔV), -ku* (kVrǔwV), kwa-chwa-be (HrāgwV), chilome (ciŋwV), daʔnge* (daró), nya-kai (hē-nV). Итого 14.

Итого 23 слова, из них 10 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

39. Всего в 100-словном списке (неполном: без 4-х слов) языка **вагиман** (семья гунвинггу, Австралия) отмечаем **24** очевидно ностратических слова: buluman (wol[a]; manga), labulbul (bUjlV), berda-yi (pVrV; pVdwV), dil-ma (tülV), ngeyngey (ńVńkV), gujirritj (ḵ(Uy)igŋU; KurV), gu (gwVIV), gurnagun (kUrV), guda (qoṭi), dorong-nga (tVrV; tVngV), nardal (ŋVIV; udV), gordal (ḵirV), ngagun (ŋV), dongo-yan (tanV; g(w)enV), gewoni (ḵVwjV), lamang (lemV), garradin

(g^wVrV), nguunguy (nVḵV), guk-ga ([ʔ]u[q]ye), gahan (ʔa), mahan (mu; ʔa), ngego (ŋV), wirin (d^wirV), ngigun (nV; Hiʔu).

Предположительно ностратических слов в нем 17: wuyawu (wVCV), derdawk-ga (tVtV; kawɫV), ngarlh-ma (gwVrV; ɣuLV), ngapbuny (boŋE), na-ni (nVjV), ngoroman (ńVńkV), jamh-ma (ḵVmV), nibulin (ʔvnjV), bilh-ma (p̄arV), borndedi (bVl(m)V), ngangirdal (nVKV; HvŋV), langitj (IVIV), yondorrin (däRVga), nibulin (nUʔV), gumit (gwVrV), janungardal (ŋVnV), bowp-ba (p̄äḵV).

Итого **41** слово. “Ностратический” коэффициент — **65**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: bunyjur-ba (bVnḵwǺ), gujirritj* (rVĜwV(r)), guyet* (xGéxGV), bilh-ma* (p̄írV), nawu-ndi lut-da (ŋVxwV; ǰL_V), ngagun* (ŋV), gakgalak (HVIV), garingal (q̄ārḡV), garradin (GwērV), gahan* (gV; hu).

Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: ngarlh-ma* (q̄wǺtV; xḵh̄íri), birriman (bērčV), berda-yi* (bVIV), lamelem (HḷälV), dulgan (xq̄ǺŋʔV), langitj* (ʔlēǺ), wuji (hwV), wah-yi (ũGwV), lari (HǺíwVtV), nanda-yi (dVŋV), wahan (xǺnh̄i), gajirri (qwǺnV; Λ(w)ǺrV). Итого 12.

Итого **22** слова, из них 8 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

40. Всего в 100-словном списке (без одного слова) папуасского языка **мианмин** (трансновогвинейская макросемья) отмечаем **22** очевидно ностратических слова: asaal (cvIV), gwinggwi (HVwjV), gil (gVIV), glal (gwVIV), unalin (UNV), dowo-namin (ʒowV), kin (ʔvnjV), okayemin (VḵV), gabam (ḵapV), ne (ŋV), teke (tel(h)V), ma (mVḵV), kwel (ḵVIV; čwVÍV), munung (mVŋV), gamo-namin (kamV), smanin (menV), haang (Ḷää; ŋVnV), sit (c^iʔIV), -kamakam (ḵVmbV), tu (tuʔV), mamanin (meŋV), ni (ñV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: alik (ḵVÍwV), alo (gwVIV), gang (manga), -tama-namin (tVHmV), ilem (mVLV), un (umur), as (VcǺaLV), bleleu-nemin (IVPV), aan (ńaa), klang (ḵiwIV), tekein (tanV; g(w)enV), naka (NajRV), tali (p̄alV), amgolim (malV; g^wVrV), anang (xamŋV), yeye (ʔe), alik (ḵoÍV), unemin (ŋūjV), difiib (duHIV), nimin (mi), ngamein (KvŋV).

Итого **43** слова. “Ностратический” коэффициент — **65**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: ngounin (VnVQwVnV), kibamin (HVpV), omanamin (VmVn), gang (ʔV(n)ʒV), kweilon (kwīlʔí), gem (xq̄wēmV), ne* (ηV), gokim (ʔəmkV), amgolim* (muña[ɬ]V), gamo-namin* (kõnmo), gwab (GwVmV), sit* (st̥ɬhV). Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: alik* (HVλ̣V), alo* (dulV), ilem* (λ̣ĚwηV), aning (xηwanɬV), skilon (čV[ɫ]xk̄wV), in (cwāj̣ɲe), tememin (dVηV), toulalin* (VɬwV(η)), aa wamin (ām̄ʒE), tu* ((t)xq̄wV), asu (nāwši), mimin (mHānV), aa (VwV). Итого 13.

Итого 25 слов, из них 9 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

41. Всего в 100-словном списке языка **зарма** (группа сонгаи, Нигер) отмечаем **24** очевидно ностратических слов: kulu (kVḷwV), gunde (kuηV; gUtV), kuri (k̄urV), biri (p̄VrV), di (dekO), koogu (k`Vk`V), deesi (tEV), to (tVdV), boori (bVr̄V), boɲ hamni (p`unV), boɲ (pVNV), ham (ʔomsV), me (mVηV), cini (zVNV; síNV), manti (ma), kaaji (kUj̣k̄V), kurgutu (k̄ErV), kuru (K̄orE), gaham- kuru (kamV; gwVrV), kani (ʔamV; HumηV), kaɲ (ʔa), tuuri (d^wirV; t[o]Ru), ce ga ([c`]V; k̄äV), ni (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: boosu (pUlu), turi banda (tUgV), ton (tokV), buru (bVIV), hansi (KUCV; K̄üjnA), haɲ (UNV; q[u]mʔV), ηwa (UNV), warga (K̄E[w]ári), nuune (nVjV), wi (ʔewV), kange (küjnV), turi kopto (k̄AP_V), ne (aNa), deene (tilV(ηV)), handariaize (HVzwVrV), sunfay ([s]VPV).

Итого **40** слов. “Ностратический” коэффициент — **64**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kulu* (HVλ̣V), gunde* (qwá[t]ā), beeri (bērčV), kuri* (gVrV), fun (Huq̄Ūn), koogu* (xGéxGV), hanga (ɬwānɬV), ce (čVxk̄wV), no (ηVxwV), kuuku (HūxqwV), gani (xq̄āɲʔV), manti* (ma), ha'a (ɬwV), di (dVηV), goro (eʔ(w)Vr), kuru* (ʔwārc̄wə), tuuri* (daro), har- (ɬwir̄i). Итого **18** слов.

Предположительно сино-кавказские слова: fafe* (Gwāḷhē), hargu (HVxgV), haɲ* (HvmV; dVnV), boɲ hamni* (çɬwāmē), wi* (V̄HwV), cini* (ɬ[ć]wínV), gaham- kuru* (kõnmo), zi (ām̄ʒE), kaɲ* (ʔu), hinje (ɬɲwāɬV), kwaray (kVḷʔV). Итого 11.

Итого **29** слов, из них 14 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

42. Всего в 100-словном списке языка **маа** (южных **масаи**, Кения, нилотская семья) отмечаем **24** очевидно ностратических слова: ol-kírɪnɛ (kɛrV), en-kúkúó (kUkɛ), a-dál (túlV), ol-kírɔbɪ (KurV; ʔvbV), ol-kúyia (Küy(a)n̄V), en-kulale (kiwɪV), e-sipisípi (c`ebV), en-kulúo (gVɪV), en-kíma (ʔumV), a-ɲoru (nVrV), a-ipirrí (párV), nánɕ (ɲV), a-igɔlaá (qola), en-kúɲɕ (küjnV), a-ipót (pVtV), ɲéjúk (n̄Ew(y)V), m- (ma), a-tiakí (teʔq), en-kilâ (KaíV), kití (kVtV), ol-kidɔɲɔ́i (kudV), a-ikadikád (kVdV), kákua (kV), kí- (Hiʔu).

Предположительно ностратических слов в нем 21: n-kúron (kuɪV), sárɕk (pVKV), en-kwényi (HVwjV), a-nya (UNV), enkɔɲɕ (ʔvnjV), enk-ópiro ([p]ur(y)V), shíáat (šüwA), a-nyɔɪi (nṍle), ol-pápíta (pUdV), a-adó (puʔ[a]dV), e-súatɛ (sUkV), en-kumé (kVɲV), ol-gûɛ (gwVCV), en-tanâi (tVmV), kulupúoni (Háli), o-sóit (čajV), ol-ɲéjér (ɲVnV), ol-alâi (palV), aré (jVrV), a-ló (IVktV), sikítóí (kUjtV).

Итого **45** слов. “Ностратический” коэффициент — **69**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: a-iwúáɲ (iwʌĚ), ol-kúyia* (x̄Hwíje), e-súnyái / e-ílátá (çɪnɔV), a-ipirrí* (pírV), a-mɕrrɕ (mVrHV), nánɕ* (ɲV), m-* (ma), kití* (kɪʔV), kákua* (xVHV), éɲāi (hē-nV). Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: sárɕk* (pVHV), ɔ-sároí (çāɔwV), a-ilipilíp (bVɪV), a-ók* (ʔúqwV), en-kulalé* (ɔVHɔV), a-boré (bVɔV), kúe (kUHV), en-kumé* (HvnV; xVnV), ol-gûɛ* (GwáV), ol-ákírá (qārɔV), enk-áré (ɰwirí). Итого 11.

Итого 21 слово, из них 11 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

43. Всего в 100-словном списке языка **кечуа** (Боливия) отмечаем **25** очевидно ностратических слов: q'alitu (kVlɔwV), qara (kɛrV), k'anay (kVnV), chiri ([z]VrV), jamuy (JvmV), phuru ([p]urV), hunt'a (kVnV), walej (wVɪV), philli ([p]ilV), ñoqa (ɲV), laphi (IVpV), qhari (x̄wīre), simi (ç`VmV), kunka (HvɲV), mana (ma; ñi), puka (P_ulʔ/h), qara (Kɔrɛ), huch'uy (kuc(w)V), q'osñi (kuz^mV), chupa ([s]VPV), kay (kV; ʔa), qallu (Kälya), mallki (mALV), noqayku (ɲV; n̄V), q'ello (HvlV).

Предположительно ностратических слов в нем 19: wiksa (wačV), yawar (wirV), uñu (mVńV), khutu (KurV; tUmV), alqo (VʒIV), ukyay (yugE), runtu (mu(n)tV; umur[T]V), nina (nVjV), phaway (parV), qoy (k`od), chukcha (swVčV), tiyakuy (tVgV), killa (tEŋgVIV), much'u (mVķV), lump'u (tompV), t'iyu (čajV), piñuy (ñūjV), yaku (ʕEķu), warmi (Λ(w)řrV).

Итого **44** слова. “Ностратический” коэффициент — **69**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: q'alitu* (HvλV), qara* (qwałV; xħí(w)ri), ukyay* (ʔúqV), chaki (čVxķwV), wajra (λwřrV), ñoqa* (ñV), laphi* (λarí), qhari* (Hřr(V)ķwE), killa* (HVIV), kunka* ([G]wVńGwV), mana* (ma), muhu (mǎhwV), qara* (xGěrkwe), kiru (kVržwV). Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: hatun (hǎx̣E), pinchinchu (h[č]ĩni), kaniy (HěmxGA), sillu (sěñǒ), jamuy* (VmλV), kusa (ʔVžV), philli* (pVwV), maki* (fVmķV), kay* (ʔi), mallki* (mVńčē), q'oñi (mHǎnV). Итого 11.

Итого 25 слов, из них 15 общих и для ностратической, и для сино-кавказской реконструкций.

44. Всего в 100-словном (без двух слов) списке **ительменского** языка отмечаем **23** очевидно ностратических слов: qel'tq̣ (golV), ч'аа- (c`VXV), мл'им (mVLV), тхам (ķVmV), кеитаç (ʔedV), к'wa (kVwrV), лқлаç (gVIV; küíV), к'ол'кес (kał(ʔ)V), қосç (KUCV), к'исç (ķVsV), химл'х (ʔumV), кухлелаç (k[Eho]қа; nǒle), илwсекеç (alV; қiwlV), лиңç (IVñV), м- (mi), паллапал (IVp̣V), қасç (k`VCV), иwалаç (wVIV), нкинк (nVķV), қеқең (ķVñV), килүил'х (ҚałV), н- (ñV), к'е (ķV).

Предположительно ностратических слов в нем 17: пиңпиң (peü(-ńE)), иллал (IVp̣V; қuLV), плаç (pVKV), уйикес (ķVju), үелкес (ʔ[E]gu), элwелең (қiwlV), сезең (sVnV), чанна (č`VmV), хелаң (IVm(ñ)V), һикс (ñūjV), ул'ул'ул'ах (culV), т'имт'им (tVṭV), агажин (HVzwVrV), пк'ин (p̣VjNV), л'алекас (IVktV), муза (mi), кэzza (xwV; si).

Итого **40** слов. “Ностратический коэффициент” - **63**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: тхам* (ʔěmtV), илʔ (ŁVHłV), чақол (čVqV), илwсекеç* (eλu), хақ (HéXVr-), паллапал* (λarí), тхалтхал (TVΛV), қеқең* (xVnV).

Итого 8 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: аңжа (VnǎV), плах* (p̄VHV), ун'н'ачх (fnǎ[ç]i), лулʔ (ʔwǎlʔi), ʔтхаң (kHwVnšV), зиллес (iǎ_V), мел- (mVrHV), ивлах (xwVʔV), йеалүин (šHVlʔV), аала (muǎa[ʔ]V), и- (VwV). Итого 11.

Итого 19 слов, из них 5 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

45. Всего в 100-словном (без одного слова) списке индейского языка **мивок** из калифорнийской семьи пенути отмечаем **29** очевидно ностратических слов: ʔona'cy- (ʔvnV), kic'aw- (ʔVsxV), kyc'yc- (kaç`V; HV[ç`]V), wyle- (wVrV; alV), ʔo'pa (ɣVrbV), ty'nan- (tVŋV), cukuH ([z]VɣIV; KUCV), haju- (Küy(a)n̄V), ʔuhuH- (ʔ[E]gu), tol'e- (tVrV; n̄alV), Huj'u- (ʔumV; nVjV), hynty- (ʔvnjV), hi'sok- (k`VSV), ʔal'- (alV), hoŋ'oj- (küjnV), kome- (xamŋV), kawly-to- (HüwdV; IVIV), ken- (ʔe; ñi), hokli- (koʎV), hyj'- (HwVjV), toʔ'u-c' (tVgV), tol'a- (tVIV), hawa- (kiwV), {ʔi-} (ʔe), la'ma- (mALV), ʔotiH- (gagtV), kik'y- (ʔEku), mi- (mi), puk'e- (P_ulʔ/h[ü]).

Предположительно ностратических слов в нем 24: jytm- (tVHmV), tuhuh-'i- (kUkE), kulul-'i- (kUmV), mu'su- (mVn̄V), heHw-ŋHe- (k`Vk`V), ʔyw'y- (ʔitV), sym'it- (siŋV), halaH- (ilV), polhuj- (PVjV), pa'ʔ- (be[rH]u), han'a- (kapV; pVNV), kan'- (ʔvkV; ŋV), jaHn-ŋHe- (ŋuhy), wil'at- (wVrV; telV), naŋ-aH- (mänV; NajRV), mice'ma- (mVkV; ʔomsV), wiskala- (Haʎi), mojo'- (n̄ujV), ty'le- (dVtV), ʔepj- (HoŋV; kVjV), nep'it- (ŋVnV), mah'i- (mi), ʔoh'a- (ʔvmV), mi- (nV).

Итого **53** слова. “Ностратический коэффициент” - **82**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: sicka- (šVxkV), kic'aw-* (çāŁwV̄), wyle-* (bVIV), haju-* (xHwVije), ʔuhuH-* (ʔúqwV), heHw-ŋHe-* (xGéxGV), ʔyw'y-* (ʔikwVn-), halaH-* (ħálsV), huk'uH- (kÚHV), ʔal'-* (eǎú), kyl'a (KVʔV), wil'at-* (xwVʔV), kome-* (kwēm̄tī), hawa-* (GwērV), {ʔi-}* (ʔu), kyt'y- (HVdV).

Итого 16 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: mu'su-* (mǎmV), sym'it-* (çīnǎV), han'a-* (ħwōmdV), jo'h- (VHwV), hyjʔy-ksY- (ixqE), naŋ-aH-* (mVnxV), ʔyt'yH- (k^wVndV), lemeH- (muǎa[ʔ]V), ʔoja'he- (HixqwV), hak-si- (siHwV), kik'y-* (ħwirí; xǎñfi). Итого 11.

Итого 27 слов, из них 17 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

46. Всего в 100-словном (без одного слова) списке языка **кусунда** отмечаем **18** очевидно ностратических слов: o:ɲi (ʔvnV; wVnV), gu.u / guhu (HVV; ɣUçV), k^həŋgu (kVjŋV; qigŋU), yaG^fu / ya:^fu (jVkv), -on^fə- (UNV), qai- (kVjwV), duga (DVG-; dEqV), gi (Kila), məni (manga), haŋki (HvŋV), dzəŋən (žVjŋV), k^hərgun (kurV), p^hurluŋ (pVIV; P_ulʔ/h[ü]), guluŋ (koV), gan^f-no (gAⁿ/nV), gidət (kudV), duk^hu (tuʔV; tuqV; tüʔ[o]), nu (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: ambo (pome), agəi (KüjnA), am (kVmV; UNV), iŋ (ʔvnjV), dza (zVcwxV; [ʒ]VcxaLV), e-go (Vkv), ipi (kapV), oG^f-da-d- (VHwV), -ukan (genV), yuŋ- (ŋuhy), ləŋka (ŋVIV), inu (kVŋV; mVŋV), taŋ (tälwA), -ip- / ts-ip-n (ʒwVpV), dimi (VmV), gina (ʔe).

Итого **34** слова. “Ностратический коэффициент” - **52**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: k^ham- (HěmxGA), habe- (HVpV), k^həŋgu* (xgVHV; HVxgV), t-ug-un (HuqŪn), dza* (çajɨ), hu:- (HVxkV), gi* (kwrV), tsi (zV), haŋki ([G]wVnGwV), k^ha:u (hwV), qa:sn / qa:sti (HVcə), k^hərgun* (HVrV), gina* (gV), g^həreo (HěrcU).

Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: gidət (xkħiri), soksodi (çVŋdV), ləpa (ləwŋV), agəi* (xHwije), -on^fə-* / qon (dVnV; HvmV), -ukan* (algAn), ki (ʔəmkV), gidzi (HixqwV), inu* (xVnV), gan^f-no* (HárqVn), hukui (kīʔV), sam (ciŋwV). Итого 12.

Итого 26 слов, из них 10 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

47. Всего в 100-словном списке языка **цимшиан** отмечаем **27** очевидно ностратических слов: 'wiileeks (wala), gwelk (/k/alV; KEu(a)la), ga (kaV), hoop (HvpV), dzox (DVG-; dEqV), p'lk'wa (pVIV), lii (ilV), aat (ʔatV), gooli (Kila), k'oy (ʔVkv), su= (CvrV), nook (ŋuhy), gan= / -gn / 'nak (ŋVIV), ts'ax (cwVxrV), aʔ (ʔvIV), ayn (ʔvnV), t'aa (tVgV), ts'uup ([s]VPV), gii / giga (ʔe; ʔa), gwai (kV; ʔu; ʔi), duula (tilV), -m (mi), 'nüüm (nV; mi), goo (kV), hana'ax (k/u/nV), k'wan (xwV), -n

(nV).

Предположительно ностратических слов в нем 19: goom (g^wVIV; kuz[^]mV), k'ay (kikV), iʔee (mVLV), maɣx (mälgɪ), dzak (č[˘]VkV), haas (KUCV), güünks (k[˘]Vk[˘]V), x= (ʔitV), laɣ (gVIV; IVmV), ts'aay (cwalV), dzeex (cwVHV), ayaa (ʔvjV), maʔiitk (ńõle), hup'l (HudV), k'üül (ʔvrV), siyeen (SirV), nii (ʔvnjV), ts'uusk (cVkV), aks (ʔEku).

Итого **46** слов. “Ностратический коэффициент” - **73**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: ben (bVnkw^ˆ), iʔee* (ʔEwɲV), gwelk* (QwVɫV), ga* (HVrV), p'lk'wa* (p[˘]VhVɫV), gyiik (HVxkV), k'awtsɣn (HVc[˘]), ɣayna (gāɲw^ˆ), haw1 (HíLV), t'aa*/ wən (VɫwV(ɲ)), ɫgu= (IVkV), gii / giga* (gV), goo* (xV), hana'ax* (qwän^ˆ), k'wan* (xGwV).

Итого 15 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: ts'u'uts (š^ˆVxkV), maɣx* (m^ˆmV), güünks (xGéxGV), x=* (ʔikw^ˆn), wüliil (ʔwílʔí), gyil (i^ˆL_V), goot (kerdV), sgüü (áqwV), su=* (çǎɲʔV), gwai* (ʔi), ɣadnaada (hē-nV). Итого 11.

Итого 26 слов, из них 13 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

48. Всего в 100-словном (без одного слова) списке **гавайского** языка отмечаем **19** очевидно ностратических слов: kuni (k[˘]Vn^ˆV), 'ä (alV), helemai (ka^ˆV; JvmV), 'ilio (VɣIV), inu (UNV), lele (IVPV), `Olu`Olu (wVIV), po`o (pVNV), mai (mi), kuli (küjnV; bVIV), lau (IVp[˘]V), uku pile (pa^ˆV), ihu (wiKV; ujKV), 'ole (ʔvlV), hiamoe (ʔamV; HumɲV), pôhaku (bVgV), kêia (k[˘]V; ʔe), aha (ʔa), hele (ka^ˆV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: ü (ʔudV), lehu (kuɫV), loa (wol[a]), koko (ʔVsxV), iwi (HV(w)V), anu (ńVn^ˆkV), make (m[ä]rV), hulu (p[˘]VÍV), ahi (p[˘]VxwV), i`a (P_ayV), lauoho (xulV), lohe (alV), 'ike (šVkV), mauna (ma^ˆV), waha (HvwV), 'ike (kihñU; Huɣa), huelo (kudV; p[˘]VÍV), alelo (ɣälyä), wai (wetV), mäua (mi), aha (k[˘]V).

Итого **41** слово. “Ностратический коэффициент” - **59**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: lehu* (láqū), honua (hénšwí), hulu* (hálsv), maika`i (mVrHV), 'ike* (ixq(w)É), lau* (ʔäpí), kuahiwi (ʔá[x]qVwV), pô (p[˘]Vs^ˆ), ua (üGwV), iki (áhV; k[˘]ɪʔV), kökü (qār[˘]qV), mahana (mHänV), aha* (x^ˆHV).

Итого 13 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: *helemai** (HvrV; VmǎV), *make** (HmoŋV), *inu** (dVnV), *ahi** (pǎVgwV), *lohe** (eǎú), *loa* (tǎjsV), *`a`ohe* (?e), *поерое* (bǎIV), *'ölelo* (HíLV), *li'i* (IVkV), *'au* (ǎmǎÉ), *aha** (gV), *kêia** (?i), *hele** (kVrǎV), *wai** (ǎwV), *koe* (xGwV). Итого 16.

Итого **29** слов, из них 14 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

49. Всего в 100-словном (без пяти слов) списке языка *Ampari Pa* (семья **догон**) [125] отмечаем **24** очевидно ностратических слова: *kompere* (ǎopV; ǎerV), *kwe* (gwVIV), *diga* (tVHmV), *kǎrǎ* (ǎarV), *kasi* (ǎač`V), *kǎŋkurye* (GoŋGa), *kùná kùná* (ǎümV), *gǎ* (gVIV), *gǎnǎ* (?umV; gVIV; HenkV), *tawa* (dwVV), *numa* (mVńV), *ko* (ǎarV), *mi* (mi), *nara* (NajRV), *impi* (?ipV), *kini* (ǎVŋV), *dumbi* (tVmV), *swa* (čVwV), *yinyi* (?vnjV), *gusu* (kVcwV), *tiriŋko* (d^wirV; t[o]Ru), *bagiyo* (ǎǎkV), *mi* (mEwV), *ni* (ńV).

Предположительно ностратических слов в нем 18: *saw* (wVCV), *doy* (tVtV), *moyomoyo* (mVHV), *eshe* (VǎwV), *igye* (VǎIV), *nwa* (UNV), *sho* (swVIV), *gya* (?ewV), *kùsù* (küjnV; sVnV), *daaye* (tanV), *nama* (ńVǎV; lemV), *sǎgǎrǎ* (g^wVrV), *inni* (IVm(ŋ)V), *kumbe* (kuz^mV), *kini* (kiwV), *ǎŋǎ* (ŋVnV), *kǎnda* (ǎVmbV), *ŋǎ* (ǎV).

Итого **42** слова. “Ностратический коэффициент” - **66**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: *kwe** (qwǎ), *kǎrǎ** (xǎǎrǎV), *gǎ** (xgVHV), *kurye* (kǎwrǎV), *ko** (ǎUV), *kerǎ* (ǎ_ürV), *kini** (xVnV), *gusu** (qHǎǎwa), *kǎrǎkǎrǎ* (ǎǎǎǎV), *tiriŋko** (daró).

Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: *nŋiŋ* (hŋǎ[ǎ]i), *egu* (Huǎŋn), *igye** (xHwǎje), *sho** (CVwV), *kule* (ǎǎlsV), *gya** (ǎHwǎV), *shǎmi* (?ǎmkV; šǎǎ), *danya* (VtwVŋ), *kǎnda** (HVdV), *ŋǎ** (xV). Итого 10.

Итого **20** слов, из них 12 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

50. Всего в 100-словном (без пяти слов) списке изолированного

языка **бангиме** (бангара; Мали) отмечаем **26** очевидно ностратических слов: tɔɛ (tVɬV), kwyɛ (q̣EwV), kuri (Ḳarbi; ḲVrgV), kanyoro (ʔvnV), kɪrɔɔre (ʔVbV), daga (dekO), poro (bVIV), dimmo (tUmV), birɛ (p̣VrV), ɲɔ (nVrV), dege (talka), mi (mi), ywùrá (ʔewV), bɛndɛ (pVdV), gwɔ (x̣wīre), nɔ (mVɲV), pɛ (p̣alV), kwa (kVV), diga (tVHV), shura (čurV), do (tVrV), de (télo), nɛ (nVʒV), nanyɛrɛ (ɲVnV), dwa (dʷirV), nnɛ (ɲV; ñV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: taŋwa (taɣmV), kwɔmi (Goñ(V)Ga), kurɛ (ḲüjnA), nnyɛ (UNV), dɛway (tVdV), gujakara (k[Eho]ka), niŋkuri (mVń-rV), bikini (kuɲV), p̣ūyɛ (pVrV), ɲooɲ (ńVḲV), tiri (tVgV), kiramɛ (ḲVɬV; ćERV), jìná (HoɟV), tĩ (toḱE), yinu (jVrV), àw (x̣wV).

Итого **42** слова. “Ностратический коэффициент” - **68**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kwyɛ* (QwVnV), gwɔ* ([k]wVnV), kwa* ([G]wVnGwV), -be (bV), dwa* (daró), ɔyɛ (VwV), àw* (wV). Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: yaway (iwʌĚ), pindo (p̣rV), shimyɛ (sẉenV), nyimɛ (jVmćV), kiŋgɛ (kõnmo), kiramɛ* (ḲĩʔV). Итого 6.

Итого **13** слов, из них 6 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

51. Всего в 100-словном (без трех слов) списке языка **бурушаски** отмечаем **39** очевидно ностратических слов: kul (ḲVlwV), mułtan (mVLV), asqulas / ɣul (/Ḳ/alV), haraɫt (ɣVrbV), čaɣurum (swVgV (-H-); śVriḱKa; [z]VrV), juyas (JmV), huk (KUCV; ɲVḲV), diri (tVrV), mał (ńālV), tik (tuK), šiča (sEkV), šeyas (ʒu/owV), hurgas (kUrV), polɣo (p̣VIV), pu / phu (p̣VxwV), hilinkiš (gVIV), šüwa (šüwA), penas (p`unV), d-ayelas (alV), henas (genV), hir (x̣wīre), a'qat (egV), dawu (tälwA), išqur (ḲurV), ceriš (SirV), senas ([s^]aNa), ɣaya (HwVjV), bo (pVč`V; p̣VrV), bat (p̣VtV), ayaya (uye), əçuɣun (ćuɫ(V)lV), kin (ʔi), gute / guse (ʔu), dəraxt (dʷirV; t[o]Ru), cəra ([c`]V), mi (mi), ka (ḲV), gu (Hiʔu), un (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: peting (pełúnE), as (wačV; wañZ), matum (mVCHV), ten (tVgwV), uyum (wVnV), tumał (sVtVmV), duwalš (tEV), hutes (p̣VHdV), čiyas (cwVHV), äsqaya (ʔewV), bardum (p̣VIV), saw (čajV), tas (tVɬV), sa

(šiwV), oc (cV), yungus (ŋVnV).

Итого **55** слов. “Ностратический коэффициент” - **94**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kul* (HVĀV), asqulas / ŋul* (QwVĭV), ir- (ilqwV; iwĀE), polɣo* (pVhVĭV), pu / phu* (pVgwV), hutes (hĭtwV), ren (rVŋHV), d-ayelas* (eĀú), ža (zV), hir* (Hĭr(V)kWE), halanj (HVIV), -ik (HixqwV), be (bV), gan (gāŋwV), ceriš* ([c]VrçV), saw* (swVre), hurut (eʔ(w)Vr), kin* (ʔi), dəraxt* (daró), garum (HĕrçU), be (PV), gu* (xGwV).

Итого 22 слова.

Предположительно сино-кавказские слова: yon (VnĀV), čaɣurum* (štWEHV), šiča* (VçV), ilči (ʔwĭʔi), siqam (sVŋV), bir (bVĭV), äsqaya* (VHwV), tap (Āpĭ), gamun (mHānV), bidiro (bVĭV), išqur (HvrV), ɣaya* (axgwV), sa* (ʒĕwĭ), ka* (xV). Итого 14.

Итого **36** слов, из них 17 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

52. Всего в 100-словном списке **тайского** языка отмечаем **19** очевидно ностратических слов: dtoh (tVdV), grà-dòok (girV; tVgwV), òk (koçV), nom (mVnV), kú (kVju), pǎo (pǎV), kâi wàt (kVjŋV; wVĭV), sùnák (ŋVçV), kâi (koɣ), pǎm (punV), kor (kUriu), kâm (ʔamV), mâi (ma), glom (koĭV), saai (čajV), hĕn (kiñhU; ʔvnjV), bplaii (pVĭV), dern (däRVkV), nóng (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: tâo (tVtV), suang òk ([c]V(n)ɣwV), nǎao (nVnV), gin (kVmV), plerng (pVrV), dtem (tVdV; tVngV), kĕow (k[Eho]ka), meu (mVnV), bai (bärʔV), poo-rí (pǎV), néua (nVçV), poo (pVrV), daao (dVtV), pĭw (perV), kwan (kuz^mV), fan (pVjNV), pǎa (bVgV), lín (tilVŋV), dtôn mái (toRu), òp ùn (t[ä]pV), tâan (t[u]).

Итого **40** слов. “Ностратический коэффициент” - **59**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: dtoh* (dVHV), nom* (nōmqĭ), dèum (dVnV), hǎa (hŋwōmdV), chaai (čwĕjo), lǎai lǎai (ʔawqV), keun (hŋwĭnV), mâi* (ma), glàao (HĭLV), nâng (manV), lék (IVkV), hĭn (HĭmçV), lín* (ʔamV; ĀānpV), krai gan (hĕ-nV).

Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kú* (HVpV; QwVĭV), lêuat (ĀĕwŋV), pǎo* (bVĭV), mâyk (mǎrĀwÁ), hǎo (ʔwǎŋV), gin*

(ʔikwVn-), hũa kào (küjnV), ja-mòok* (mĩhwVIV), má-nút (mVnxV), saai* (swVré), doo (dVŋV), mét (mǎhwV), kǎao (kVlʔV; ákwV). Итого 13.

Итого 27 слов, из них 9 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

53. Всего в 100-словном (без пяти слов) списке австралийского языка **камиларои** из группы пама-ньюнга отмечаем **25** очевидно ностратических слов: bura (pVrV), guthuwa-li (kVtV; qoti; qo(ha)tV), yana-y (JvmV), wurriil (uryV), barra-gi (parV), buu (bärʔV; purV), garriil (gVIV; KurV), ngurru (nVkV), mara (mVń-rV), ngay (ŋV), guraarr (gurV), giwiirr (xwĩre), nhun (nVKV; HvŋV), muru (mVŋV; newRV), gamil (ʔvnV; ʔvIV), warran (wVrV), ngami-li (ńxa; gAń/ńV), yurruun (ʔurV), burrulaa (palV), barabin (pVrV), yana-y (Vn), ngiyani (ŋV; wVyV), thalay (tiLV), thulu (dʷirV; toRu; ʒ^älV), minya (mi).

Предположительно ностратических слов в нем 17: girran (gʷVIV; kuV), tharraa (kerV), yuru (ʒVrbV), thawun (dEqV; tuK[a]), gaba (ʔvjV; bVrV), guway (kurV), ngamu (mVńV), buthi (burV), gii (kerdV), nhuubala (nVwV; wVIV), gilay (tEŋgVIV), thinbirr (bVIV), garaay (Hali), thuu (tVtV), gubi-y (XoyV; kVjV), thun (toKE), nginda (nV).

Итого **42** слова. “Ностратический коэффициент” - **67**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: burrul (bērčV), thigaraa (tĩmhV), barra-gi* (pírV), marrabaa (mVrHV), ngay* (ŋV), guraarr* (qāʔVrV), thulu* (çǎʔV; daró), gilay (HvIV).

Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: guway* (hwĩʔnV), tharraa* (xkħí(w)ri), ngamu* (nōmqī), yana-y* (VmλV), thina (twĩhV), buthi* (burV), gawugaa (kĩwrV), yaraay (hwēri-), ngaana (hē-nV). Итого 8.

Итого 15 слов, из них 7 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

54. Всего в 100-словном (без одного слова) списке австралийского языка **гупапуингу** из семьи пама-ньюнга отмечаем **24** очевидно ностратических слова: galŋa (kuLV), guŋun (golV), gurrŋan (karV; kUmV), ŋamini (mVńV), nhära (ŋera), guyiŋarr (kVjŋV;

q(Uy)igŋU), likarri (lVɣV), bulpuł (pVÍV), gurtha (ʔurV), birrbirryun (parV), ŋarra (ŋV), mayaŋ (mojnV), ŋurru (newRV), makarr (mVrkV), nhäma (ńħa; gAńV), galŋa (KałV; kamV), ŋanak (ńVkV), balwak (pVÍV), ŋäŋarr (ŋVnV), maltjaŋa (malV), garrarrakthun (gVrV), marrtji (mVrV), gapu (ʔvpV; Hv̄pV), napurru (n̄V).

Предположительно ностратических слов в нем 18: yirrpri (kVr̄pV), murrukai (mVkV), gäpalal (ɣVrbV), djulka (dEqV), bathan (pVdwV), dhaŋaŋ (tVngV), marra (nVwrV), ŋarambiya (mVń-rV; ŋVIV), djulułulu (toIV), bun'kumu (bVI(m)V; küjnV), d̄aŋga (d^wVɣV), ŋanydjak (mVŋV), dhukarr (däR[h]VkV), dhakal-gurriri (kErV; kołV), yakurr (ü[q]ye), dharpa (t[o]Ru), wakutu (wetV), nhe (nV).

Итого **42** слова. “Ностратический коэффициент” - **66**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: galŋa* (QwVnV; qwałV), ŋamini* (mĕmV; nōmqí), birrbirryun* (pírV), luku (łĕłħV), ŋarra* (ŋV), dharrgar (GörGV), mirrwuŋ (mēV), garrarrakthun* (kVrV), gal̄karra (kVl̄V).

Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: gurrŋan* (xk̄arV), biŋ'tawu (pV̄mV), bulpuł* (pVħVłV), mirmaŋiny (mVrHV), marra* (mVłV), waŋda (wĕnłV), makarr* (m̄rqwa), mel (mĕhwV), dharpa* (daró), gormur' (HĕrçŰ), limurru (Lā). Итого 11.

Итого 20 слов, из них 10 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

55. Всего в 100-словном списке языка **кача** (Katcha; семья **каду** или **тумтум**) отмечаем **15** очевидно ностратических слов: isi (ʒišV), nino (mVŋV), Ng ^ t ^ (ʔudV), karama (kErV), asala (silV), kidi (kikV), tunzulE (tUÍV), igi (ʔe), m ^ (mu), Ngad ^ (ŋVnV), m ^ (mu), Era (jVrV), ana (n̄V), ka (k/u/nV), minna (mi).

Предположительно ностратических слов в нем 15: fudo (pVIV; tVtV), w ^ ye (HVwjV), kugE (küjnV), ^ E (ʔ[E]gu), ku'ba (ɣUçV), anogo (V(n)ɣwV), iye (ʔvnjV), iyu (kVwjV), at ^ Ng ^ r ^ (gurV), ojogo (HwVjV), ^ s ^ (sVrV), mb ^ r ^ (mVŋV; newRV), ija (ʔvnjV), ata (to(w)qa; tVIV), ami (menV).

Итого **30** слов. “Ностратический коэффициент” - **45**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: adagbo

(dVHV), indili (VnĭV), ^ ngwE (ŋVxwV), ititi ([t]iHV), igi* (gV), ka* (qwǎnV).

Итого 6 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: anogo* (nōmqí), eyi (iwĭE), agwu (ʔikwVn-), tunzulE* (tVĭV), kalimbo (hǎlsV), isi* (çǎjĭ), at ^ Ng ^ r ^ * (qāʔVrV), thoda (TVĭV), mb ^ r ^ * (mĭhwVIV), medhE (mVnxV), iki (HíĭV), abo (ǎmʒE), agu'daana (HūgwV), midhi N ^ (hē-nV), agerikiri (éqwA). Итого 15.

Итого 21 слово, из них 7 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

56. Всего в 100-словном (без пяти слов) списке **кордофанского** языка **точо** (Тоссо) отмечаем **26** очевидно ностратических слов: karak (K̄arbi; k̄VrgV), puttik (bVtV), cancik (cVnʒwV), okare (k̄VrV), kuṭte (k̄ümV(-Tä)), ciṭṭiṅ (SvŋV; tVŋV), miṅ (muṅa), kik (HuK̄a), ʔik (tokV), piare (PVjV), nakaṅ (ńāwGa), maṭok (mVtV), kantak (HvŋV), kance (k̄VŋV), pore (p̄VIV), kamu (K̄umV), oma (aNa), korak (K̄orE), kucuk (kuz^mV), caṅki (z^omV), tuṭik (toḷE), ʔuraje (tilVŋV), pia / puttu (p̄UjV), ʔarak (toRu), ŋiṅ (ŋV), ŋuṅ (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 17: ŋicok (ʔVsxV), kakak (GoṅGa), ʔauk / lauk (VʒIV), attuk (turʔE), ocek (cwVHV), kaṅkuk (küjnV), inna (genV; sVnV), pussak (puʔdV), marorok (malV), naṅkora (nVk̄V), nance (mVŋV), ʔukak (tVHmV), eno (ńeḅa), icak (ʒiḥNV), kanyik (k̄VmbV), ocuro ([c`]V), ŋiṭi (mi).

Итого **43** слова. “Ностратический коэффициент” - **69**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kancek (QwVnV), aco (iḷE), cakak (çVxkwV), cak (çVqV), kance* (HVnV), oma* (ēmcU), korak* (xGěrkwe), ʔarak* (daro), uwari (ĭwĭrV).

Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: nyoroṅ (hñĩ), okare* (QwVĭV), iṅo (ilqwV; iwĭE), kenu (f̄wǎnf̄V), marorok* (muḥaĭV), kantak* (GwVnGwV), macik (mĕhwV). Итого 7.

Итого 16 слов, из них 7 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

57. Всего в 100-словном списке **суринамского** креольского языка

(сранан тонго) отмечаем **26** очевидно ностратических слов: bere (bUrV), bigi (pVKV), bonyo (pVjNV), bron (pVrV), kowru (KurV), dringi (tVrV), drei (tVrV), tokotoko (tuḶ[a]), mi (mi), kindi (küjnV), man (mänV), masra (mVSV), bergi (pVrV), neki (nVKV), nyun (nVwV; n̄EwyV), no (ni), taki (tVHV; teʔq[ü]), si (silV), smoko (sVmV), son (z^omV), tongo (tilVηV), tu (tuʔV), watra (wetV), unu (n̄V), wi (wV), uma (ʔvmV).

Предположительно ностратических слов в нем 27: heri (ḶVlwV), fowru (HVwjV), sutu (c`VXV), brudu (bUjIV), nangra (GoñGa), nyan (UNV), fowruwiwiri ([p̄]ur(y)V), frei (p̄arV), futu (p̄VHdV), anu (mVn̄V), bobi (boηE), gi (k`od; VḶV), bun (bVrV; bVtV), koko (ḶarV), kiri (KolV), sabi (sVnV), meti (mVḶV), mofo (mVηV), smuru (č`VmV), neti (nVḶV), rutu (wVr[t]V; weRaH(V)tV), buba (p̄VtV), smara (cVrV), stari (dV[š]tV), bon (p̄UjV), san (CV), geri (HvlV).

Итого **53** слова. “Ностратический коэффициент” - **79**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: heri* (HVḶV), bigi* (p̄VHV), kon (HuḶŪn), gwe (ilqwV), koko* (ḶUHV), man* (mVn̄xV).

Итого 6 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: ala (Vn̄ḶV), bron* (bVIV), kowru* (rVḶGwV(r)), dringi* (dVnV), frei* (p̄rV), futu* (h̄itwV), yere (eḶú), mi* (ηV), wiwiri (ḶwḶrHV), no* (ma), tu* ((t)xḶwV), watra* (V[t]wV), fa (PV; xV), san* (čV). Итого 14.

Итого 20 слов, из них 14 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

58. Всего в 100-словном списке **гагаузского** языка отмечаем **33** очевидно ностратических слова: kül (kuḶV), kabuk (ḶopV), qaryn (Ḷarbi), бүк (pVKV), kara (ḶarV), kan (ḶVnV), kemik (ḶVmV), mämä (mVn̄V), bulut (bVIV), süq (swVgV), gel- (kaḶV), köpek (ḶVpV), kulak (ḶiwlV), yimirta ([w]umur[T]V), hayir (ʔvjV), kil (Ḷila), kafa (ḶarV), tany- (tanV), bit (biḶV), bayir (baV; p̄VrV), gecä (kVcwV), -ma- (ma), kirmizi (ḶurV), kök (ḶUjḶV), tombarlaq (tompV), kum (ḶumV), de- (teʔq), gör- (gUrV), uju- (uye), küçük (ḶucV), ki (ʔe), dil (tilV), kim (ḶV).

Предположительно ностратических слов в нем 22: yanmaa (ʔumV), quru (ḶVjwV(rV)), toprak (tVrV), imää (UNV), göz (ʔvnjV;

Нуҫа), balik (PVjV), dolu (tVrV), ver- (be[rH]u), sach (swVčV), kalp (kerdV), öldür- (KolV), yaprak (pVrV), nam (ÍVm(η)V), jeni (ñEw(y)V), jāmur (mVrVgV), deri (tVIV), duman (tVtV), yildiz (dV[š]tV), kuyruk (kudV), jörü- (gVrV), ne (mi), sän (si).

Итого **55** слов. “Ностратический коэффициент” - **88**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: бүк* (ṗVHV), kara* (xk̇arV), kemik* (ʔǎmtV), mämä* (mǎmV), jöl- (ilqwV; iwλĚ), quru* (í-xGǎr-), ürek (rǎkwí), erkek (Hír(V)kwE), -ma-* (ma), kirmizi* (HVrV), gör-* (HárqVn), ki* (gV), uly (Ł_V), ak (ákwV), kim* (hē-nV).

Итого 15 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kan* (gVrV; hwíʔnV), süq* (štweHV), gel-* (HVrV), byq- (bVtV), kil* (k̇wrV), japä (jVkv), kafa* (kUV), yaprak* (ʔapālqwE), gecä* (h[ć]wínV), üzmaa (āmzĚ), jörü- (kVrV). Итого 11.

Итого 26 слов, из них 17 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

59. Всего в 100-словном списке языка хмонг (мяо) отмечаем **21** очевидно ностратическое слово: hluav (kuɭV; g^wVIV), tom (toɣmV), hlavv (/k̇/aɭV), no (ńVńkV), hau (ɿ[E]gu), hluavtaws (gVIV), qhuav (kVjwV), plaub noog (ṗVÍV), cev rau (cwVHV), zoo (žVjŋV), plau (pilV), nqaij (ńVkV), qhov ncauj (HvwV), hmo (ʔamV), kev (gwVCV), hmoov zeb (KumV), tawv (tVwqV), ko tw (kudV), mu (mVrV), koj (kV), koj (Ko).

Предположительно ностратических слов в нем 20: huv si (kVl̇wV), pla (bUrV), yij (HvwjV), huab (k̇ümV), noj (UNV), roj (mVjrV), noj rau (mVrV), te (UdV), nplooj (bolV), tuv (täjV), ntev (telV), hli (tEŋgVÍV), nag (mVrVgV), liab (ṗVIV), noob (nUíV), no (mu), ncho (čüŋV), nte taws (t[ä]pV), wb (wV), koj (xwV; Hiʔu).

Итого **41** слово. “Ностратический коэффициент” - **62**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: mi (mǎmV), kub nyiab (HǎpV), hau* (ʔúqwV), kotaw (hītwV), pu (bVtV), qhau cev (áqwV), zeej (ćwějo), hli* (HVIV), kev* (GwáV), nplaig (λānpV), hniav (hŋwǎhV), koj* (xV).

Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: ntshav (čāŁwV), plau* (pVwV), nplooj* (ɣapālχq̄wE), ntau (k^wVndV), hmo* (h^wínV), neeg (m^vn^xV), hauvpaus (HĩłíwVłV), hais (HíŁV), koj* (xGwV). Итого 9.

Итого 21 слово, из них 8 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

60. Всего в 100-словном (без двух слов) списке языка **волоф** (атлантическая семья, Сенегал) отмечаем **34** очевидно ностратических слов: koola (golV), kuk (kUkE), xurfaan (KurV), haj (KüjnA), gerees (KĒaři), ngot (ɽatV), ceog (cwVHV), cooka (sVHrV), man (mi; ηV), хам (genV; tumV), хоб (kAP_V), guda (gurV; pVdV; puɽ[a]dV), goor (xwīre), oppal (pālV), xeer (g^wVrV), géemeñ (хамηV), faatu (pVtV), gudi (HudV), ku (kUıV), taw (tālWA), хежем (kUmV; kiV; čajV), wox (wVkV), gis (ɽincV), тоог (tVgV), тух (tVtV), ко (ɽu), mii (mu), bóñ (pVjNV), tiir (d^wirV), yaar (jVrV), ñu (ñV), ku / kooku (kV / Kо), ite (t[u]), nga (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 28: dóom (tVtV), ep (pVKV), dija (tVdV), lakka (/k/alV), niir (nVbV; ɣVrbV), saa (č`VkV), naan (UNV), nen (muña), teb (tVdV; tVrV), jox (VkV), baah (bVrV; bVtV), nampatal (tolV), tēdd (taq̄U), jeme-nyi (mVηV), baken (kVηV), cur (kurV), tali (dāRVga), móróg (moηV), suuf ([ü]šɽV), peera (pVč`V; pVrV), der (tVIV; perV), nelaw (ηūjV; layuıV), xeer (kElV), naaj (nVɽV), jii (ɽi), dox (dāR[h]Vga), tang (t[ä]pV), weeh (swVkV).

Итого **62** слова. “Ностратический коэффициент” - **96**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: haj* (xHwíje), хоб* (ɣapālχq̄wE), goor* (Hĩr(V)k̄wE), géemeñ* (k^wwēm̄tī), хeer* (xHēr̄xV), ко* (ɽu), lammiñ (łamV), tiir* (daro), kan (hē-nV).

Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: koola* (qwaā), ep* (pVHV), dija* (dVHV), lakka* (QwVłV), xurfaan* (rVGV), jaaf (jVkV), loho (kwılɽí), man* (ηV), weer (wǽηçǒ), baken* (xVnV; HVnV), хonk (h^wVmtV), jii* (ɽi), weeh* (ákwV), jigeen (qwǎnV), yaw (wV). Итого 15.

Итого 24 слова, из них 16 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

61. Всего в 100-словном списке языка **мейн** (группа **иджо**, дельта

Нигера) отмечаем **15** очевидно ностратических слов: kerii (k̄VrV), pri (berHu), doru (tVrV), dumou / eteme (tVmV), emgbele (bVIV), koon (HvηV), nini (mVηV), gha (?e), ani (nENV), zau / kala (ćuŋVIV), pouye (bVɣV; čajV), oki (XoyV; k̄VjV), mi (mu), ma (malV), wo (wV).

Предположительно ностратических слов в нем 28: se (wić/ćV), endou (VnɜwV), burofoun (pUŋu), ago-ago (kEhoɣa), agɔnɔ-obudou (k̄ümV), dodo (tVηV), bou (p̄VHV), kpari (k̄VjwV(rV)), atoo (tuK[a]; tVrV), ipiyoun (pilV), buo-kubu (p̄VHdV), ebi (bVrV; bVtV), na (SoñV), romu (bolV; porV), babu (biɸV), nama (ńVkV), bibi (?ipV), kimi (k̄UIV), kuekue (k̄urV), teereke (k̄ErV), ari (čurV), tumgbou (toɣE), ni (mu), ere (d^wirV; marV), weni (meηV), dudumɔ (duHIV), te ke (k̄V), tubo ke (k̄V).

Итого **43** слово. “Ностратический коэффициент” - **58**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kiri (q̄ärē), owei (ćwějo), koon* (GwVnGwV), gha* (ɰwV), owou (GwáV), agura (q̄ärq̄V), ere (k̄rV).

Итого 7 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: dirimo (rVmV), engolongólòde (HłälV; KVtV), obiri (č̄rbV), ipiyoun* (p̄dwV), nini* (xVnV), kala* (IVkV), erein (hwēri-), ere* (daró), ma* (nāwši), te ke* (xV), tubo ke* (hē-nV). Итого 11.

Итого 18 слов, из них 9 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

62. Всего в 100-словном (без трех слов) списке языка индейцев Бразилии **намбиквара** отмечаем **23** очевидно ностратических слова: kwahataina (q̄EwV), -helakohsu (gol[ɸ]V), kãin (?vnV), ikaix- (kikV), thukxa- (tokVɸV), taitain- (tVηV), ina- (UNV), hanxesu (HenkV), uhu- (VkV), wil- (wVIV), -hxikisu (gäsA), isanewih- (SoñV), -(n)a- (ηV), -nxaħa- (ηV; ɸVkV), -yxosu (k`VCV), kanxahtisu (?amV), haitxi (?e), ihalatenxi- (kVIV), txahlxisu (tieɸalo), hoh- (HojV; XoyV), ānauntxi- (Vn), -ne- (ηV; n̄V), -(n)in- (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 23: yanukisu (kuz^mV), -wilhu (gwVIV), -tihayausxu (?VsxV), -nukwailhu (mEɸawuñV), on- (nVjV), osinahãntisu (k̄ümVTä), iha wxã (ɜwVHV; ɜiXV), waijalxisu (KUCV), isoji- (ɜowV), yain- (UNV), -nãusu (muña), -nekitsu (nāwGa), -kusakisu (kuηV; s^üz^fä), -netxausu (mukTV),

sukwalaulensu (ʎwilV), alutxi (tel(h)V), -sinsu (s^i[í]wV), wālu (balV), tihnosu (tVrgV), kwxanhensu (kUmV), utensatā- (w[i]tV), khokhotti (kVtV), wxāina (xwV).

Итого **46** слов. “Ностратический коэффициент” - **69**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kwahataina* (QwVnV; qwǎʎV), -wilhu* (ʎwǎnʎi), -nukwailhu (nōmqí ; Gwǎlhē), yalu- (ilqwV; iwʎE), isoji-* (VçV), -nxekisu / -yukisu (gwēʒV; kHwVnšV), -nekitsu* (niHV), -(n)a-* (ŋV), -sa- (zV), alakxi- (algʎn), -hilhu (HʎälV; KVʎV), kanxihnesu (xqǎŋʎV), -intxisu (wVn[t]V; GĀçE), wxikinton- (ʎaw(x)qV; k^wVndV), haitxi* / awika (hVwV), hehen- (hVwVmtV), -āwxē- (eʎwVr; ixqVwV), ihalatenxi-* (ʎVʎ_Vr-), -yxohelhu (Kǎ[IH]ä), hisakatsu (HVʒwV), hikxi- (HūgwV), wxāina* (wV; xGwV).

Итого **22** слова.

Предположительно сино-кавказские слова: hāinxitixā (HvʎV; VnʎV), aikisu (hnǎçí; hçǎni), iha wxā (iç(w)É), waiālxisu* (xHwǎje), kxihnxusxu (hénšwi), halxolhxu (HVxkV), satesaten- (śVŋV), wikonha- (ixq(w)E), alutxi* (ʎujšV), -sinsu* (ʒǎʒV), kanxahtisu* (hVwǎV), -wanensu (qHwǎnqwV), nekxih- (mHǎnV), khokhotti* (kǎʎV), junxe (iHV), -sawelhu (çǎqWA), iyausxu (VwV). Итого 17.

Итого **39** слов, из них 13 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

63. Всего в 100-словном списке языка **апачей** хикарилья отмечаем **32** очевидно ностратических слова: ch'il bikage (cvlV), -bi (bVdV), dilid (tülV), hadaadñk'â'e (qoʎV), -yá (JvmV), -kai (kaʎV), niibiká' (niwǎ), iídâ' (ʎitV), ik'ah / héh (koyʎ), köh (qohaʎV), -t'ai (tEV), -hī (ʎewV), nékīh (ŋuhy), nnee (nVyárV), t'égonaa'ái (tVlgVnV), -kós (kVzV), -go (ʎe; ʎvlV), sai (çajV), anii (aNa), -tsé (šVkV; s^EĶU), -da (tVgV), -k'aané (kamV), -kô (XoyV; kVjV), -hí (ʎe), -gaâ / -kai (käV), kó (ʎvpV), nohwí (ŋV; wVyV), néé (nV), haah (kV), haññ (kV), ni (nV), dí (t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 25: sik'aas (swVgV), -be' (boŋE), kэшган / lashgan (GoñGa), -dlâ (tara), -ts'a (č`VkV), -tsi (sušV), -k'ego (kVnV), -ch'ia (č`VmV), nzhô (žVjŋV), -tsii (swV(n)čV), -tâ'o (tVmV; ʎVrV), -dees (telV), dábáonisī (tanV), itsī (s^iwV), -ze' ([s]UwV; č`VmV), bit'ââ (pVrV; bārʎV), tsé (çajV), nneez

(ŋVIV), -hásh (ʔawV), hlâ-i (ʔvrV), siké (sVIV), -aã / -ei / -a (V), -tsee (sVPV), tsi (ʒ^ãlV), za'déé (CV).

Итого **57** слов. “Ностратический коэффициент” - **89**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: -bi* (bVnɤwǺ), -'ash / -ei (icÉ), chíní (čɪrbV), -ch'ia* (VçV), -ké / -jadi (hɪtwǺ), aiñákî / -ñ- (VmVn; ŋVxwV), gôzhô / nzhô* (ʔV(n)ʒV), aikäh (HVqV), -lah (xǺłHé), -tsii (çVqV), yidoosts'á (-VdV), -hi* / yisxé (VHwV), yígółsi (ixqÉ), laágo (ław(x)qV), -zhi (ʒwérhǺ), -go* (hwV), ikin (gāŋwV), kieeghád (kUjɤV), -k'aané* (kõnmo), -hásh* (HVwsVn), tsé* (čăçwV), -tsee* (çǺqVA), -hí* (gV), tsi* (çǺłV), náaki (nǺwši), kó* (xǺnhǺ), tu* (VɪtwV), haah* (xVHV), aigai (ákwV), haññ* (hē-nV).

Итого 30 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: nchaa* (çHəqV), sik'aas* (štweHV), -dlâ* (dVnV), gwidiátso'di (çHādwV), t'a (bɪtwV), -k'ego* (hōstV), -tsii* (çhwērə), shíi (zV), -zi (cwǺjŋe), nnee* (mVnxV), itsi* (ʒǺʒV), -ze'* (śwénɤV), ániigé (çǺŋɪV), hlâ-i* (HVcə), dín'aah (mVnxV), -kä (ũGwV), -bas (bVIV), sai* (swVré), -da* (VɪtwV), siké* (ǺsÁ), tsiltsoose (ciŋwV), sha* (ʒǺwǺ), -wo (HVɤwV), za'déé* (çV). Итого 24.

Итого 54 слова, из них 30 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

64. Всего в 100-словном (без двух слов) списке папуасского языка **камасау** (семья торричелли) [143] отмечаем **17** очевидно ностратических слов: yumbui \ kumo (ʔvmbV), quari (ɤarV), miny (mVńV), kiriq no (ɤVrV; nVjV), nendi (nü(j)di), iny (ŋVjV), nge (ŋV), sungomyu (sVnV), mim (mVŋV), kime (ɤVŋV), tumuri (tVmV), mog (moŋV), nari (aNa), nuqoind (ń[e]Ǻ), minjuq (ŋVnV), nare no (mVrV), nu (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: inyap (nü(j)di), sare gagriwo (cvIV; gwVrV), yitaqwi (tokVʔV), nyombui (ŋindV), iri (ʔvrV), ne (UNV), ir nand quari (ɤVjwV(rV)), ne (UNV), ju (ʔvjV), minye / umo (mVɤV), ghari (ʔvIV), quayi (ɤUÍV), tomnji (dVtV), tumo (toɤE), nen / wen (mu(wV)), wuye (wetV).

Итого **33** слова. “Ностратический коэффициент” - **50**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: quari*

(xkǎrV), miny* (mǎmV; nōmqī), qi (hénšwi), neng (ŋVxwV), iny* (niHV), nge* (ŋV), wuti (wǎntV), quan (k^wVndV), kime* (xVnV), jiji (jǎmćV), pughe (PV; xV).

Итого 11 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: queg nar (QwVnV), ir nand quari* (í-xGǎr-), ange (ɸwǎnɸV), bre (bVɸV), raqe (ɸwǎrHV), ghari* (ɸwV), quayi* (ćwějo), ngim (gāŋwV), nas (ǎsǎ), chongo (sdǎnkV), nyumo (mǎnčē), nyinge (meŋV), wute (ɸ(w)ǎr-dV). Итого 13.

Итого 24 слова, из них 8 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

65. Всего в 100-словном списке папуасского языка **амбулас** (семья сепик-раму) [144] отмечаем **27** очевидно ностратических слов: apakélé (pVKV), ti (tVHmV), sagul (c`VXV), munyaa (mVńV), tu (tülV), buwi (bVl(w)V), gubés (ɸvbV; kǎpǎV), ko (qumɸV), ka / ko / ke (kǎVmV), karéng-maréng (kUrV; mVjrV), kwiya (gwVjV), buraadén (pǎrV), nébé (ńäwa), kubu (kǎpV), kwaagét (kǎVwjV), maas (musV), naa (aNa), wa (wVkǎV), vé (wEdwV), kén (kǎV; ɸe), sagul nébi (c^iɸIV), gwat (wetV), naané (ŋV; nV), widé kwaa (ɸawV), samu (CV; mi), kiyadé (kǎV), nyéné (nV).

Предположительно ностратических слов в нем 13: akwi (kǎVl(w)V), bawu (pǎlu; kawǎV), sépat (sVdV), némaan (manga), yaan (nVjV), gaga (kǎP_V), kwaalé (kǎVIV), gaan (ɸamV), taama (tVŋV), kaapuk (ɸe), mégi (mVrǎkV), téknayéléng (tiLVKǎ; tilVŋV), mi (marV).

Итого **40** слов. “Ностратический коэффициент” - **67**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: apakélé* (pǎHV), tirapa (TVrV), munyaa* (mǎmV; nōmqī), ko* (ɸúqwV; HVmV), waan (ɸwǎnɸV), batbat (bǎtwV), gukwami (xŋwǎhV), kwaagét* (ǎqwV), kwaalé* (GwǎnGwǎ), mégi* (mǎnV), yawusa (jǎmćV), mi* (mǎnčē).

Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: biyaa ya* (bVnǎwǎ), géle (HčōlV), wény (hwǎnV), kǎpma (hénšwi; pǎmV), ka / ko / ke* (ɸikwǎn-), kubu* (kǎHV), kaara (xǎwǎrhV), kudi (kǎwǎmǎ), gaan* (ɸwǎnV), kaapuk* (ɸwV), kén* (ɸi), sagul nébi* (stǎhV). Итого 12.

Итого 24 слова, из них 14 одновременно сходных со словами и

ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

66. Всего в 100-словном (без одного слова) списке языка **гуарани** (Парагвай) отмечаем **26** очевидно ностратических слов: hũ (kUkE), ju (JvMv), kã (k`Vk`V), kyra (kUrV), pirakutu (PvjV; ?atV), py (pVÍkV; p`VHdV), henyhê (kVnV), tenyhê (tVngV), tague (tüKV), karaí (qirV), kuaa (gwenV), tĩ (tVŋV), oky (aga), hecha (?incV), pire (perV), ipukúva (pu?[a]dV), ke / kera (kVIV), jeke (üqye), tuguái (toqE), amóva (muwV), ko (kV), kũ (Kää), ha (käV), ñande (ŋV; ñV), kuña (k/u/nV), nde (nV; t[u]).

Предположительно ностратических слов в нем 18: su'u (c`VXV), guya (HVwjV), kangue (kVmV), ro'yu (VrV), manó (märV), jey'urã (jVgU), tupi'a (tUÍV), ha'ã (gVIV), tata (tokV), ikuaaguasúva (šüwA), guéno (?VnžV), che (zV), so'o (s^üKV), ahániri (?vnV), háicha (gwVCV), uvucu'í (čajV), ita (tílo), mboy'u (mEwV).

Итого **44** слова. “Ностратический коэффициент” - **70**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kangue* (xkweńV), haru (HVpV), ikãva (í-xGĀr-), ha'eve (HVwV), kuaa* (ixqweV), ky (?əmkV), oky* (üGwV), guaru (ixqwV), kuarahy (hwēri-), kuña* (qwänV).

Итого 10 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: tye (dulV), ipúva (p`VHV), hũ* (xkärV), ro'yu* (rV`GwV), me'e (VmVn), so'o* (žãžV), ruhare (p`VsV), uvucu'í* (jV`mčV), e (ēmcU), ko* (?i), ha* (kVrV). Итого 11.

Итого 21 слово, из них 10 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

67. Всего в 100-словном (без двух слов) списке языка **со** (семья **кульях**, Уганда) отмечаем **17** очевидно ностратических слов: wa (waɫa), kook (HVv), ga (kol?a), Ssi (CvIV; žEñV), kuɔo (KUCV; KūjnA; kVpV), we-ac (wVCV), bi (beu), mεrε (ma), ɔak (tokV), ŋen (ń[e]ħa), kuŋn-e (kūjnV), In (ni), teg ad (tVHmV), mŏgŏl (moŋV), ti (tVHV), kus (kVcwV), inia (ñV).

Предположительно ностратических слов в нем 16: uk (ku|V), naŋeŋe (nVbV), tul-kon (tVgV), εk (HuQa), kopir-at ([p]ur(y)V), wwer

(wVIV), sij (sVHrV), εdεs (ʔudV), cikos (swVgV), ηet (NajRV), mi (nVķV), nyaɓ (newRV), war-ɔg (mVrVgV), sem (sVIV), toɓc-at (dVštV), gɔt-on (ķV).

Итого **33** слова. “Ностратический коэффициент” - **50**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: gεm (HěmχGA), sε (čāŁwV), nag (nōmqī), ac (ičĚ), gim (lhīmŁwǐ), tεg (twīhV), gεn (xqāŋʔV; ʔəmkV), awan (wǎŋçō), kus* (qHāćwa), gweti (GwVmV), gi (HwíxqV), nεbεc (nǎwši), kwε (ħwirí), gwes (qwǎnV).

Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: tεm (dVnV), mi (ηVxwV; VmVn), iyec-ug (ixq(w)E), mεrε* (ma), keoo (KVłV), ηet* (wVn[t]V), ilog (štłhV), ad (daro). Итого 8.

Итого 22 слова, из них 3 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

68. Всего в 100-словном (без одного слова) списке языка **санго** (убангийская семья, Центральная Африка) отмечаем **34** очевидно ностратических слова: kado (ʔudV), hu (HVwjV), te (tVHmV), me (mVńV; mEʔawuńV), zo (zajŋa), dengo (tVŋV), koro (KurV), ga (kał(ʔ)V), kaso (ķVsV), hale (gwVIV), dagbi (d^wVɣV; t[e]ɣw[a]), la (IVPV), nzoni (žVjŋV), kukuu (k[Eho]ķa), kuali (Kila; xulV), mbi (mi), ho (KolV; qola), hinga (genV), tanga (taqU), gonda (kuŋV), siri (sajrV), mingi (manga), hon (ķVŋV), ko / gu (ķUjķV), gunda (ŋūŋte), kere (ķErV), hu (Huķa), ba (PvkV), du (tVgV), poro (perV), la (layulV), kete (ķVtV), bo (bVgV), so (cV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: kue (ķVłwV), mbinda (nVbV), kui (kolʔa), mene (mVLV), bio (pVjNV), nyon (UNV), tumba (tUłV), ze / si (wVCV), li (tolV), ma (sVmV), likuni (küjnV), kugbë (ķAP_V), misa (mVķV), sa (s^ü/iKV), ka (ʔe), en-en (ni), tene (teʔq[ü]), tene (teło), menga (ŋVnV), pembe (pVjNV; ķVmbV), kambiri (Kɔn(h)V; KvŋV).

Итого **55** слов. “Ностратический коэффициент” - **89**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: kado* (qwá[t]ā), hu* (hĩni), me* (mǎmV), gbi (HVpV), nzene (sǎno), ga* (HVrV), siri* (šāri), sa* (žǎžV), kaga (ʔáqVwV), hon* (xVnV), pepe / ape (bV), sango (sdǎnkV).

Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: kue* (HVλV), koro* (rVĠwVr), wa (xwVdV), gere (gwēzV), mu (VmVn), nzoni* (ʔV(n)žV), kualī* (kǃwrV), wu (áqwV), yongoro (qāʔVrV), nze (wǎŋçō), zo (ćwějo), du* (VʔwV), menga* (mǃci). Итого 13.

Итого 25 слов, из них 13 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

69. Всего в 100-словном (без трех слов) списке изолированного языка **хайда** (Канада) отмечаем **25** очевидно ностратических слов: k'iits (kUtV), i'waan (wVnV), gudaā (kVʔV; qoʔi), k'untl'daa (ʔumV; kVnV), xilaa (gwVIV), xang'ii (ʔvnjV), gaay (gwVjV; koyʔ), ts'aanuu (žEñV), gan*unsat (genV), xil (HelV), xil (kVIV), sansyaa (zVNV; śi/üNV), kun (kVŋV), gam (ʔe; ma; ʔvnV), geih (ʔe), dal (tälwA), king (kiñhU), k'al (KāV), k'adaa (hod(V)ʔV), kwaa(kiwV), huu (ʔu), t'aangal (tilV(ŋV)), kaa (käV), giist (kV), k'al sgunaa (HvlV).

Предположительно ностратических слов в нем 21: gayt (kaw|V), k'uts (kULV), skuts (ʒUčV; k[o]čV), tadaa (tVŋV), kindaa (k`od[e]), -k'ut'ahl (kolʔa), ха (kVpV), ganiihl (q[u]mʔV), kats (k`VSV), gyuu (kiwV), tлагаay (dEqV), kats (kapV), k'uuk (kuŋV), inang (manga), xahl'ii (xamŋV), k'ul (kUjV), suu (čVwV), aa (ʔa), -daal (däRVga), guus (kV; CV), dang (t[u]).

Итого **46** слов. “Ностратический коэффициент” - **71**.

Очевидно сино-кавказские слова в базовой лексике: xit'iit (hñni; ħmhV), sangiin (sǎñō), hwii (rVĠwV), -'aa (aXV), inang* (jonHV), ki'ii (HixqwV), kun* (xVnV; HVnV), nang (mVnxV), gwa'aw (ǔGwV), hliing (HǃwVʔV), ixajuu (iHV), kwaa* (GwērV), sk'yaaw (çǃqwA), huu* (ʔu).

Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказские слова: k'uts* (qwǃV), k'iits* (qwá[t]ā), gay (gVrV), giihliit / haakwsdaa (HuqŪn), ха* (xHwǃje), ganiihl* (HVmV), hltanuu (ħálsV), tl'ak'ul (KVʔV), kaa* (kVrV), gantl (xǃñi), tl'ang (Lā), guus* (xV; čV). Итого 12.

Итого 26 слов, из них 10 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

70. Всего в 100-словном списке (*ущербном*; без девяти слов) изолированного языка **шомпен** (Никобарские острова, Индия) выглядят очевидно ностратическими **18** слов: *osuog* (č`oqV), *imeʔi* (mEkʔE), *hekāb* (kikV), *kaʔiug* (kUkE), *touoi* (toVkV), *kāb* (kVpV), *toāgitai* (toHo; taHo), *kāʔoōi* (kEhoʔa), *εguϕεg* (egV-), *komeou* (xamŋV), *mheāŋ* (ma; ʔvnV), *koleāg* (kUʔV), *komeoigo* (KumV), *kāiāy* (HwVjV), *ijaug goi* (HoʔV; XoʔV; kVjV), *duo* (tūʔo), *kaiāg* (käv), *kaʔugāo* (GäHflu).

Предположительно ностратическими выглядят 21 слово: *nho* (koja), *kāʔeem* (kVmV), *kāytāi* (kVjŋV), *didεm* (tUmV), *hecāg* (ʒiXV), *kuijāg* (kVjwV), *puoi* (pVxV), *ko* (ʔaʔV), *εʔau* (ʔvjV), *hagupeāuŋ* (kapV), *nyεŋ* (mVjŋV), *ihõ* (ʔvkV; ʔvgV), *ningoroāuŋ* (ŋuhy), *kupeāuŋ* (kUri[h]u), *cuou* (süNV), *(ko) ghiāu* (kUjʔV), *kheu* (kiwV), *guou* (kudV), *eihõ* (ʔa; hi), *tāi* (t[ä]pV), *εmāu* (mi).

Итого **39** слов. “Ностратический коэффициент” - 57.

Учитывая неполноту списка, можно умножить этот коэффициент на 1,1. Получим “ностратический коэффициент” **63**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: *kāʔeem** / *kādoā* (ʔǎmdV), *ceog* (č`xkV), *juou* / *okhoāo* (jVkV), *mhou* (mʔhwV), *kāgujāg* (kʔʔV), *xiug* (HwʔxqV).

Итого 6 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: *osuog** (č`HəqwV), *kaʔiug** (xkʔrV), *heleun* (muʔa[ʔ]V), *komeou** (kwēmʔi), *mheāŋ** (ma; hwV), *kaiugŋhā* (xqʔxqə), *(ko) ghiāu** (HʔʔwV), *eihõ** (ʔi), *kagijāu* (kVʔʔV). Итого 9.

Итого 15 слов, из них 6 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

71. Всего в 100-словном списке языка **йоруба** (семья бенуэ-конго, Нигерия) выглядят очевидно ностратическими **16** слов: *tutù* (tUmV), *kú* (kolʔa), *jçun* (č`VmV), *iná* (nVjV), *kún* (kVnV), *gbé lēmìí* (HwelV), *ekún* (küjnV), *pë* (pVdV), *ènìyàn* (nVyärV), *põ* / *õpõlõpõ* (palV), *çnu* (č`VmV), *wí* (wVkV), *sô* (šoK), *sùnsimi* (zVNV), *àwa* (wV), *kíni* (kV).

Предположительно ностратическими выглядят 19 слов: *èkánná* -*çsë* (GoñVGa), *olúkúlùkú* (kVʔwV), *tóbi* (bVtV), *ilê* (niwʔa), *gé-jç* (c`VXV; kikV), *egungunikereilèkùn* (girV), *iyë çyç* (swVčV; [s]ä[ç]V), *irun orí* (ilV), *fò fò-lô* (lVPV; parV), *orí* (qirV; ʔolV), *ôkàn* (kuŋV), *mõ*

(tumV), nà gbôôrô (ɲuha), gùn (gurV), òru (sVrV), imú (mVɲV), pupa (P_ulʔ), yíkíroboto (kErV), ìparí (pVÍV).

Итого **35** слов. “Ностратический коэффициент” - **51**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: jɕun* (VɕV), ɕsê (çVxkwV), émi / mo (mi), òkè gíga (ʔá[x]qVwV), bëê kö (bV; fwV), jóðkó (ixqV), kínì* (xV), ìwô (wV).

Итого 8 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: olúkúlùkú* (HvʔV), egungunikereìlèkùn* (ʔäk_ā), yaláìsí (ilqwV; iwʔĚ), ajá (xHwíje), mu (HVmV), ilê* (lhímŁwĩ), ìyó (-yutalākisu), jìn (ĩŁ_V; VmVn), gbé lèmi* (VHwV), imú* (mʔhwVIV), yanrìn (jVmcV), ômô (mƏhwV). Итого 12.

Итого 20 слов, из них 7 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

72. Всего в 100-словном списке ирокезского языка **чероки** выглядят очевидно ностратическими **18** слов: owasa (wVCV), galeyásá (/k/aV; QEy(a)la), atsila (CVIV), galutsá (kaV), agisdi (ʔitV), atsilá (VcxaLV), tága (tEV), kanigini (küjnV), ugalogá (HeIV), agilageni (kVIV; HvɲV), sánoyi (zVNV; sí/üNV), agasgá (aga), galádi (kVIV), hia (hi), tsaligu (ʔ^älV), delaka (duHIV), gago (Qo), nihi (nV).

Предположительно ностратическими выглядят 20 слов: gasdu (kuz^mV), uskuoli (gwVIV), gola (girV), gitli (VʒIV), galeni (kiwIV), uyona (mVɲV), yuh (ʔvkV; ʔvgV), odu (tumV), itse (CvrV), nasgi (ma; ñi; ʔe), gasakualá (koIV), agowadádi (HwVjV), sunoda (z^omV), ganega (kamV), ganidadá (kudV), ganágo (Qää; ɲVnV), tlogu (tRu), talli (tuʔV; malV), mama' (mEwV), gado (kV).

Итого **38** слов. “Ностратический коэффициент” - **56**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: galeyásá* (QwVʔV), asgoli (çVqV), ayáwiya (cwejo), agasgá* (ũGwV), agowadádi* (axgwV), ganega* (kõmo), galádi* (ʔVʔ_Vr-), hia* (ʔi), tsaligu* (çǎV).

Итого 9 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: uyalá (qwaʔV), gigá (hwíʔnV), gola* (ʔäk_ā), galutsá* (HVrV), elohi (lhímŁwĩ), atsilá* (çájĩ), ugalogá* (ʔapālxqwĚ), asgaya (cwejo), sakuu (HVcə),

hinegi (HíLV), uwola (eʔwVr), tsugasásdi (síHwV), ganádogá (HVdV), gado (xV). Итого 14.

Итого 23 слова, из них 11 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

73. Всего в 100-словном списке мускогского языка **алабама** выглядят очевидно ностратическими **25** слов: salaaha (CalV), imonti (JmV), holitli (kolʔa), istimilhaalo (sVtVmV; kiwIV), tikba (t[e]ɣw[a]), hissi (k`VSV), haalo (alV; kiwIV), ana (ŋV), páttàaka (pVkV; ʔaqU), naani (mànV; NajRV), máafiiko (mVHV), tankahasi (tEŋgVIV), nokbi (nVKV), mánko (ma), onka (aNa), hicha (ʔincV), chokìibo (cVkV), tali (t/aj/IV), mók (mu; ʔe), akki (ʔi), tòklo (tüʔ[o]), chiyahli (c`V; kälV), oki (ʔEku), itto (toRu), isna (si; nV).

Предположительно ностратическими выглядят 18 слов: libatli (alV; paV; pVdwV; tüIV), histo (kuz^mV), choba (č`oqV), chofkoni (k[o]çV; kVmV), isilka (sUKV), sowi (sušV), oompa (UNV), inka (VkV), chonoska (s^üz^fä), nakaʔaachi (KolV), chipila (çuVIV), ittòʔpa (tUʔV), hochiiʔi (HVzwVrV), nipo (nVkV), tonohki (tompV), sancho (čajV), pooʔi (pVrV), nóochi (ŋūjV).

Итого **43** слова. “Ностратический коэффициент” - **68**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: libatli* (bVʔV), imonti* / ila (VmʔV), illi (ilqwV; iwʔE), ihaani (hénšwi), kano (ʔVnʒV), haalo* (eʔú), ana* (ŋV), lawa (ʔawqV), mánko* (ma), homma (hVwVmʔV), hini (gāŋwV), bolokta (bVIV), affakchi (pHaćwe), iisa (šsA), akki* (ʔi), tòklo* (txqV), il- (Lā).

Итого 17 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: onáami (VnʔV), tikbillayki (lácū), choba* (čHəqwV), foosi (fnĩ[ç]ĩ; h[ç]ĩĩ), ʔakhani (ʔEwŋV), ifa (xHwíje), istimilhaalo* (LVHʔV), foosiwoksi (hálV), wakayka (HVxkV), inka* (ŋVxwV), naani* (mVnxV), assikchi ([c]VrçV), itto* (daro). Итого 13.

Итого 30 слов, из них 12 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

74. Всего в 100-словном (без четырех слов) списке языка **нахуа** (ацтекского) выглядят очевидно ностратическими **25** слов: ehuayo

(koja), ixipehuallo (ҚорV; қuLV), tlatla (tülV), hualhui (kałʔV), huacqui (қVsV; қVjwV), huaqui (k`Vk`V), -cua (зуwV), totoltetl / -tetl (tUÍV), tletl (tUÍV), xoxohuic (kEhoқа), tomio (tVmV), ni- (ηV), miequin (mVHV), -camac (č`VmV), quechtli (küCV), hamo (ʔe; ma; ʔvnV), amo (ma), tlapalli (p̄VIV), xalli (Hałi), xi-quitta (HwVjV), ehuatl (қudV; ҚałV), tetl (teło), hi (ʔi), nenepilli (ηVnV), nemi (meηV).

Предположительно ностратическими выглядят 19 слов: ichichihual (VзwV), huitze (žiXV), ihuani (qumʔV), tlachinolli (nVIV), michi (mEñi), patlani (parV), tentimani (tVngV), cualli (šuwE; wVIV), -tzon (swVnčV), i-ma (mVńV), tocuca (tolV), xitla-caqui (kiwIV), -mati (tumV), iatlapal (IVp̄V), xihuitl (HelV), yancuic (žVjηV), yoalli (IVIV), mauh (mEwV), cuitlapilli (p̄VÍV).

Итого **44** слова. “Ностратический коэффициент” - **69**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: huitze* (HuqŮn; ičÉ), chichi (čirbV), huaqui (xGéxGV), -cua (VçV), totoltetl / -tetl* (tVʔV), icxi (čVxқwV), ni-* (ηV), huehueyac (HŭxqwV), oquichtia (GĀçE), hamo* (hwV; ma), quil (HíŁV), xi-quitta* (axgwV), hi* (ʔi), atl (V̄twV).

Итого 14 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: ixipehuallo* (qwałV), xincayo (QwVnV), catzahuac (çVηdV), eztli (čāŁwV), omitl (ʔŔmtV), mixtli (mǎřwA), ihuani* (HVmV), tlalli (lhímŁwĭ), ixtli (ʔwĭłʔi), iatlapal* (łāpi), miequin* (k^wVndV), yancuic* (çăηʔV), yoalli (ʔlēłā), lololpol (bVÍV), citlalli (ciηwV), yamanic (mHānV). Итого 16.

Итого 30 слов, из них 11 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

75. Всего в 100-словном (без двух слов) списке языка **аймара** выглядят очевидно ностратическими **35** слов: q'ala (қVÍwV), khilla (kułV), puraka (bUrV), ch'iyara (sVrV), wila (wirV), chuchu (cVзwV), suma (šüwA; žVjηV), nakhaña (nVjV; қVńV), lik'i (IVŭV), nina (nVjV; nVIV), kallisaya (gVIV), wali (wVIV), nak'uta (ńāwGa), ist'aña (sVtVmV), llucu (IVηV), nä (ηV), jiwarpaña (ʔewV), qunqura (küjnV), yatiña (tanV), chichi (s^iKV), laphi (IVp̄V), kunka (HvηV), tunu (tVmV), jani (ʔvnV), ch'alla (čajV; Hałi), saniña (s^aNa), q'ara lip'ichi (ҚorE),

jiwiña (ʔaw[y]V), qala (kEIIV), khä (ʔa), khä (ʔa), nanaka (ñV), kuna (kV; mi), khiti (kV), q'illu (HvIV).

Предположительно ностратическими выглядят 16 слов: jach'a (č`oḵV), sallqaqaña (c`VXV; kikV), umaraña (UNV; qumʔV), luxu (küIV), jutaña (JvIV), anu (ŋVḵV), manq'suña / jallpsuña (č`VmV), laqa (ilV), p'iqi (ḵapV), chuyma (sVΛVmV), thakhi (tVrgV), muruqu (moŋV), ikiña (ʔamV; HumŋV), jisk'a (cVḵV), wara wara (HVzwVrV), saraña (c`Vn).

Итого **51** слово. “Ностратический коэффициент” - **86**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: q'ala* (HVḷV), jiwaña (iwḷE), phuyu (pVhVḷV), nak'uta* (niHV), waxra (xqwērhV), nä* (ŋV), laphi* (ḷapi), alluxa (ʔaw(x)qV), chichi* (žăžV), quqa qura (ʔá[x]qVwV), kunka* (GwVnGwV), khä* (gV), liaphi (L_V).

Итого 13 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: khilla* (lágū), puraka* (bVnḵwǺ), jach'a* (čHəqwV), uchi (hčĩñ), sallqaqaña* (HémxGA), ch'iyara* (čVŋdV; xḵarV), sillu (sěno), qinaya (ḵümV), uraqi (qäré), jiwarpäña* (VHwV), qullu (muḷaḷV), machaqa (čăŋʔV), chacha (čwějo), thakhi (xqíxqē), qunuña (ixqV; manV), q'ara lip'ichi (xGěrkwe; ʔeʔwní), sayt'aña* (ăšA), wara wara* (žwhārī), khä* (ʔi), warmi (ΛwřV; qwǺnV). Итого 21.

Итого 34 слова, из них 16 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

76. Всего в 100-словном списке сахарского языка **манга** (семья **канури**, Нигер) выглядят очевидно ностратическими **35** слов: kàilá (ḵuLV), kéra (ḵarV), bû (bUjIV), njàmbò (nVjV), yà (jVgU), kánnú (HenkV; ʔumV), kóra (ʔurV), fàrdú (parV), kúp (ḵOpV), t́msì (tVmV), gási (k`VSV), kárwù / kárù (ḵerdV), kùrúwù (gurV), kwâ (xwīre), cî (č`VmV), kínjà (ḵVŋV), gèní (ʔe; ñi), d́lálwù (tälwA), f́rðù (wVr[t]V), d̀mbòl (tompV), késà (ki[ž]V), n (aNa), wúðà (w[i]tV), kàráwì (ḶorE), kàsíyì (kVcwV), kènê̄m (HumŋV), k̄lu (kiwV), t́lám (tilVŋV), f̀m̀d̀à (pòmHV), káárđú (gVrV), lèđú (IVktV), d́g̀g̀s̀ú (duHIV), há (ḵV), kámú (ʔvmV; kunV), ní (nV).

Предположительно ностратическими выглядят 27 слов: màđàrì (nü(j)di), búwú (pUlu), tímìn tà (tVHmV), síwó (CipV), lám̀b̀ù (IVpV),

séngásèngà (č`oḵV), njà (UNV), wùrà (wola), fou (HVwjV), sémò (sVtVmV), káísú (koyí), sèlḏà (VcḵaLV), télép (tVrV), cón (žVjḡV), tádú (tanV), kè mátkè m (mVḵV), bòwòḏà (pVtV), kèndéléskù (?amV), dùrò (tälwA), sí mótayè (SirV; tVmV), dóngól (ḵoíV), rò (čufírV), kàḏíyì (ḵudV), cáccáu (čufíV), táulà (toRu), yàttò (wetV), kèrnáwû (HvIV; KvḡV).

Итого **62** слова. “Ностратический коэффициент” - **97**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: kàilá* (qwaḥV), kèrà (xḵarV), kákù (HVxgV), ìsò (icÉ), wáldú (iwḶÉ), kàttí / cídí (čHādwV), gási (ḥálsV), sí (čVxḵwV), njò (ḡVxwV), gárí (HéḵVr-), lám̀b̀ù* (Ḷápi), kùrúwù* (qāḥVrV; HḡxqwV), kàngúsù (xqāḡḡV), kwâ* / kwāngā (kwḶn[t]V), kàdá (k^wVndV), dā (TVḶV), cū (žwérḥ), kí njà* (xVnV), bāwò (bV; ḥwV), mból (bVIV), kàráwì* (xGērkwē; ḥwārēwə), kàsíyì* (qHā́cwa), gèná (GwVmV), kĀu* (GwērV), káárḏú* (kVrV), yàttò* (VḥwV), ingî (xāḥfi), há* (xV), kámú* (qwānV).

Итого **29** слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: sèlḏà* (čājḥ), yèndú (xḡwanḥV), fàrḏú* (pírV), kárwù búllà (HV[q]wV), kárwù* (rēḵwí), kàngádì (xqwēmV), lùwàptú (ḥujsV), jí rí jì rì (qāḥVrV), síwólò (śHVlḥV), cî* (čwḶḥHV; śwénḵV), gèní* (ḥwV), dùḏò (st_ādv), kímé (ḥwVmḥV), ní ní ḏú (dVḡV), tóngé rí (tiHV), síllówù (ciḡwV), súsú (čāčwV), kèngál (HwíxqV), télàm* (ḥamV), kèská (HVžwV), táulà* (daró), géttú (HērçŨ), àndí (ñV). Итого 23.

Итого **52** слова, из них 19 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

77. Всего в 100-словном списке языка **дагбани** (семья гур) выглядят очевидно ностратическими **30** слов: kaliḡ (kuḶV; kawḶV), puhí (pVKV), titali (tVdV), nyò (nVjV), kabi-ra (HḶpV), taai (toVkv), akpaḡila (?vbV; gVIV), ka (kaḶ(?)V), nyu (UNV), babli (pVIV), buḡim (pVxwV), vielli (wVIV), m (mi), n (ḡV), nyngoli (mojnV; ḵVIV), nyee (newRV), kpillikpila (ḵoíV), mulnli (moḡV), ne (néḵa), bura (pVrV), yoli-nda (layuḶV), kuḡli (ḵEIV), ka (?a), maá (mu), yi (jVrV), chaḡ (c`Vn), tulli (duHIV), kani (ḵV; mi), kani (ḵV), nyini (nV).

Предположительно ностратическими выглядят 26 слов:

binsheγuka (wVnCV), poγu (QopV), puli (bUrV), dim-da (tVHmV), koba (kočV), tiŋa (DVG-), di (ʔitV), nifu (ʔvnjV), ti-ra (dwVV; toHo), sim / suŋ (žVjŋV), zabri (sVHrV), nuu (ŋVIV), yila (ʎwǝrV), ku-ra (KolV), duni (tUrV), woγli (wVrV), pam (paV), goli (tEŋgVIV), naŋbani (mVŋV), yuŋ (sí/üNV), fifia (pVwjV), zuli (sVPV; pVIV), ŋo ha (ʔa), zilnli (tilVŋV), tii (d^wirV), tinima (ñV; mi).

Итого **56** слов. “Ностратический коэффициент” - **86**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: puhi* (pVhkwǞ), bara (bērčV), ka* (HVrV), buγim* (pVgwV), pali (bVɫV), zuγu (čVqV), n* (ŋV), woγli* (xwVɫV), goli* (HVIV), bi (bV), saa (ç_ǎdV), aliguufu (IVkV), zani-da (ǎsA), saŋmarga (ciŋwV; qārçV), ka* (gV), kòm (hwmēhwā; xǎnhǎ), bo (PV), kani* (hē-nV).

Итого 18 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: kaliŋ* (láqū), kara (hǎxǎ), nooŋa (hni), kabi-ra* (kVrV), babli* (pVhVɫV), zabri* (čhwǝrǎ), yuŋ* (hwinV), nin- (mVnxV), so (čwǝjo), kpillikpila* (bVIV), wulli (HǎǎwVɫV), yeli (HǎLV), naγa (manV), tulli* (ɫ_V), kani* (xV), laγilayi / pielga (kVɫV). Итого 16.

Итого **34** слова, из них 16 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

78. Всего в 100-словном (без пяти слов) списке языка **нафаанга** (семья сенуфо) выглядят очевидно ностратическими **28** слов: hanyini (HVwjV), ka (kikV), nyinimi (mVnV), gbεeri (kVwrV; gUrV), shɔ (ç^Vhw), kajinge / kan (GonVGa), ku (kolʔa), nyukwan (ŋVkwV; QüjnA), gbɔ (HvpV), tra (tVrV), ka (kVmV), sinje (sǎN[ɜ]V), kanhuun (HenkV; ʔumV), kε (VkwV), nyjuro (nVwrV; ŋVjV), kε (gepčwV), loo (alV), lolongo (IVŋV), ni (ŋV), chin (c[ü]ŋV; sVnV), mana (mVŋV), n (ni), nya (nǎ; ʔvnjV), hlε (QalV), sni (zVNV; ɜihNV), ŋnu (ŋujV), ndile (tilV(ŋV)), chance (SǎwCV).

Предположительно ностратическими выглядят 26 слов: tɔnrɔ (tVɫV), naŋgrɔ (kerV), kpɔɔ (pVKV), badaaŋga (pVKV; tVdV; manga), kajle (kačV), nyjii (nVnkV), weere (wVIV), yuwa (kVjwV), nyini (ʔvnjV), vuu (wVCV), ndra (tVrV), nyambε (mVjŋV), mbe (mi), gbo (ʔewV), ndro (NajRV), kaara (nVkwV), yeŋge (tEŋgVIV), nyu (mVŋV), la (ʔvlV), hankro (kōmo), gbongo (bVgV), yila (dilV), ŋga (ʔa), tiŋge

(d^wirV), nyi (mi), mu (nV).

Итого **54** слова. “Ностратический коэффициент” - **82**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: hanyini* (hĩni), nyinimi* (mǎmV; nōmqī), gbεεri* (HVpV; QwVtV), ŋga* (ŋVxwV), loo* (eǎú), ni* (ŋV).

Итого 6 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: lεε (ǎwǎni), kpɔɔ* (pǎHV), ka* (HǎmxGA), kajle* (tǎk_ā), gbɔ* (ʔúqwV), ka* (ʔikwǎn-), jele (ǎtǎhV), nyjuro* (niHV), yooro (jVkv), kε* (kwǎlǎí), gbo* (VHwV), yeŋge* (wǎŋɔ), hlε* (tǎwǎni), hankro (kǎmo). Итого 14.

Итого 20 слов, из них 16 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

79. Всего в 100-словном (без двух слов) списке восточно-суданского языка **темейн** выглядят очевидно ностратическими **16** слов: kómaʔ (kVmV), kwéèn (KüjnA), kapúkanùk (kOpV; kVnV), okú (VkV), nan (ŋV), kabó (kAP_V), kwórtòʔ (xwīre), bǎbǎrǎt (pVrV), k(w)útǎn (HvwV), kŋóónɔŋ (HvŋV), kimɪntɪn (kVŋV; mVŋV; tVŋV), kíɔŋ (ʔudV), kí ríkí rì t (KŋrV), méreŋ (marV), lí kámèʔ (ʔvmV), ní n (nV).

Предположительно ностратическими выглядят 24 слова: úluk

(kulV), mbù (ʔvmbV), íawèʔ (HVwjV), ukogú (tokVʔV), kwóólɪ`n (GoñGa), njùlùn (ńVńkV), ràari (tVrV), nínâʔ (mVńV), kwéén (kiwIV), k(w)ómpɛr (purV), kí`jèʔ (Kila), lulò (tolV), múrì t (mVkV), njórtǎk (ŋVIV), ʔjóón (ʔamV), láʔ (ʔvlV), náŋanàʔ (mvnV), tǎnyù (tVgV), kí`dɪ`mùk (kuz^mV), dǎlɪ`t (dVtV), kórèʔ (kEIV), núnù (nVʒV), méndɪnyàʔ (ŋVnV), ŋiéε (mi).

Итого **40** слов. “Ностратический коэффициент” - **56**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: úluk * (láqū), kómaʔ* (ʔǎmtV), kwéèn* (xHwǎje), kwéén* (fǎwǎfV), kɔɔŋ (qǎré), nan* (ŋV), kabó* (fapǎlxqǎwǎ), gámùl (ʔəmkV), kwórtòʔ* (HǎrkwE), k(w)útǎn* (kwēmǎ), laŋún (tǎwǎni), kórèʔ* (GǎrGV).

Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: kwúlʈɪn (kHwVnšV), kɪ'jɛʈ* (jVkv; kʰwrV), kɪ'n (xq̄wɛmV), áya(k) (ixq̄(w)E), kélʈɪŋ

(k^wVndV), kóu (HVIV), kɪŋóondɪn* (GwVnGwV), ʔjóón* (hwinV), kɪ mɪ'ntɪ'n* (HVnV), kɪ rɪkɪ rɪ ʈ* (HíʎíwVʈV), ilɛŋéi (HíʎV), aŋkɪlɪ k (axgwV), mɛ́rɛŋ* (mVnčé), ɲáni * (hē-nV), lí kámɛʔ* (ʎrV; qwǎnV). Итого 15.

Итого 27 слов, из них 17 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

80. Всего в 100-словном списке **корейского** языка выглядят очевидно ностратическими **30** слов: namu kkeobjil (ҚоарU), yugol (g^wVIV), baekkob (pVKV), keun (ʔvnV), geomjeong (kUmV), pi (bUjIV), ppyeo (pVjNV), chagaun (swVgV), gwi (kiwIV), saljjin (siIV), bal (pVlkV), na (ŋV), nuwo (ɲuha), jabda (biʈV), namseong (NajRV; mänV; mVSV), manh-eun (manga), dal (tVlgV), ib (ʔipV), ileum (IVmV), mog (mVkv), ko (kvŋV), anida (ni), ppalgang (P_ulʔ), dol (tajIV), igeos (ʔi; ʔe), chia (c^iʔIV), i (jVrV), geodda (kVdV), museun (mi; CV), geudae (Hiʔu; xwV; t[u]).

Предположительно ностратическими выглядят 23 слова: gaseum (goҠE), gubda (kVʈV), guleum (ɣVrbV), gae (kvpV), jibang (pVxV), bul (pVrV), jeonche (wVnCV), johda (ʔvjV), nogsaeg (nõle), dubal (tüKV; pilV), simjang (sVʎVmV), ip (IVpV; pVrV), saeloun (CvrV), hana (ʔvrV), dolo (däRVkV), pibu (pVtV), meomuleuda (menV), seoda (sVIV), kkoli (kudV; pVIV), hyeo (Қää), namu (mALV), ttatteushan (täpV), mul (mEwV).

Итого **53** слова. “Ностратический коэффициент” - **83**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: gubda* (HṽpV), chagaun* (štweHV), gae* (xHwije), gwi* (ɣwǎnɣV), saljjin (cɪnʎV), bal* (bɪmʈV), deudda (-VdV), na* (ŋV), alda (algʎn), san (swɛnV), ko* (xVnV), jagge (iHV), igeos* (ʔi), namu* (mVnčé), uli (Lä).

Итого 15 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: yugol* (láqū), baekkob* (bVnkwA), gaseum* (Gwǎlhē), jugda* (ilqwV), gisteol (hǎlsV), bul* (pVgwV), jug-ida (VHwV), ip* (ʎapi), namseong* (mVnxV), saeloun* (čǎŋʔV), hana* (HVcǎ), anj-a (manV), hae (hwēri-),

chia* (štǫhV), nugu (hē-nV), geudae* (xGwV). Итого 16.

Итого 31 слово, из них 20 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

81. Всего в 100-словном (неполном: без четырех слов) списке языка эга (изолированного либо относящегося к языкам ква; Кот-д-Ивуар) выглядят очевидно ностратическими **17** слов: ga (ʔvnV), kpiḱri (ʔVbV), ɪna (VnʒwV), ku (kolʔa), nɔ (UNV), pɔ (beu), ɔlɔlɔ (ilV), ɪksa (gäsA), gɔ (goRE), umonu (mVjŋV), ni (ŋV; mi), ɔma (mVŋV), wɔlɔwa (wVIV), la ala (layuɪV), -ma (mu), eno (ŋVnV), -pupu (P_ulʔ).

Предположительно ностратическими выглядят 24 слова: alɔlɔ (pe/Ulu), ɪrɔkra (kVrɔpV), ɔnagɔ (kuŋV), gɔ (kikV), iku (HVV), ati (dEqV), edune (dVgV; mEñi), fe (p̄arV; tE[p̄]V), ibeɛɛ (pVlkV; p̄VHdV), inu (pVNV), wa (ʔewV), ni (sVnV), ɔlɔkɔ (HelV), de eti (taqU), wa (čVwV), epɪ (pVč`V), gale (eʔVr), uɟosi (kuz^mV), ɛtafɔne (dVtV), ulu (p̄VIV), -ŋɔ (mu), ote (toRu), flɔ (duHIV), ɔsi (SäwCV).

Итого **41** слово. “Ностратический коэффициент” - **58**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: ga* (hǎxÉ), kɔfɔ (HV[q]wV), ni* (ŋV), uɟwe (GwVnGwV), adu (VɟwV).

Итого 5 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: gɔ* (HěmxGA), asɔ (čāŁwV), iku* (xkweñV), uyrelu (mǎrλwÁ), wa (ičwÉ), nɔ (dVnV), elowa (ŁVHɫV), ɔlɔlɔ (lhimŁwǎ), fe* (p̄rV), unulɔlɔ (mVɫV), ugu (q_ürV), wa* (VHwV), ɔlɔkɔ* (λačǎ), ɔŋnaagi (xqǎŋʔV), edu (ç_ǎdV), ote* (daró), ɪɔ (nǎwši), flɔ* (Ł_V), ɔna (hē-nV), Итого 19.

Итого 24 слова, из них 9 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Всего в 100-словном “перевернутом” списке украинского языка выглядят очевидно ностратическими **14** слов: ni (nVjV; ɲera), говорити (kiwIV; KvRWV), спати (c`ebV), що (c[ü]ŋV; sVnV; c^eʔNV), білий (bolV), ти (täjV), попіл (p̄alV), великий (balV), кістка (kVcwV), вмирати (mVrV), вухо (wVkV), земля (silV), око (QorE; ʔoqa), долоня (tilVŋV).

Предположительно ностратическими выглядят 21 слово: ніс (VnɜwV), шлях (č`VkV), корінь (QüjnA), круглий (ɣ[E]gu), насіння (UNV; č`VmV), жінка (cwǎjɲe), дим (d^wVɣV; ʔumV), пливти (berHu), хвіст (ʔvjV), ми (bVlmV), хто (taqU), кора (ńVkVrV), чорний (čwVÍV; s[^]üli), груди (cwVxrV), кіготь (ʔudV), прийти (pVÍV), сухий (čajV), жир (ǎVlKE), пір'я (pVwjV; ćERV), ріг (däRVga), воша (xwV; si).

Итого **35** слов. “Ностратический коэффициент” - **49**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: хвіст* (H^VwV), чорний* (čwırs_V), палити (bV), око* (kõmo), голова (HVБwV), воша* (wV).

Итого 6 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: гора (hǎxÉ), червоний (icE), круглий* (ʔúqwV), говорити* (ɣwǎnɣV), камінь (kHwVńšV), цей (čhwǣrə), зуб (ćVqV), дерево (-VdV), білий* (ǎari), всі (ćwějo), кора* (hwnǣrqu), великий* (wǣste), пити (bVÍV), долоня* (ǎanpV), ріг* (kVrV). Итого 15.

Итого 21 слово, из них 11 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Всего в 100-словном (без трех слов) **перевернутом списке языка кача** выглядят очевидно ностратическими **14** слов: kappak (QopV), kinak (kuɲV), paɬok (bVtV), kance / nance (VnɜwV), aloɲ (alV), paɬok (pVHdV), pioɲ (p`unV), we (UwV), um ^ Na (ÍVmɲV), thonogo (tVɲV), kilipi (kUÍV), theni (tV(H)mV), izinE (s[^]aNa), oso (CV).

Предположительно ностратическими выглядят 26 слов: waaɬeɲ (wEńcV), maɬok (mVkV), ɬoɲ (tǣmhV), kantak (kUmV; kUkE), lakak (VɣlV), kamu (k`Vk`V), eno (ńālv), macik (č`VmV), icak (silV), kucuk (ʔumV), turi (tE[p]V; parV), caŋki (tVngV), kanyik (qapV), ɲiɬi (tanV), nyEtdE (ńVyǎrV), ku`ba (HudV; HüwdV), anogo (kVɲV), ifinE (ni), aradha (ʔvrV; dwVkV), kalando (ćuɣVÍV), ^ wa / owa (kiwV), ageri (ʔe), nizo (ɲVnV), funy ^ (pUjV), isi (sVmV), thonogo (tüʔo).

Итого 40 слов. “Ностратический коэффициент” - **54**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: cantak (ćVɲdV), nance* (nõmqī), poɬɬeɲ (pǣdwV), usu (zV), tunzulE (VɬwVɲ), isi* (síHwV), idha (VɬwV), oso* (čV).

Итого 8 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: *inak** (ʎwĩnʎi), *paʎok** (pʎHV), *eno** (hénšwi), *icak** (çĩnʎV), *maʎok* (mhãʎa), *ʎuraŋe* (rʎŋHV), *canyik* (çʎqʎ), *kanyik** (kʎHV), *werak* (rěkwĩ), *pippok* (ʎapãlxqʎE), *indili* (wʎntʎ), *fudo* (kʎVndʎ), *anogo** (HVnʎ), *agwu* (məhwʎ), *ba* (ʎwVpʎ), *kalando** (IVkʎ), *ageri** (gʎ), *ofuNu* (hē-nʎ). Итого 18.

Итого 26 слов, из них 11 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Всего в 100-словном **“перевернутом” списке чеченского языка** выглядят очевидно ностратическими **19** слов: *бутт* (bodʎ), *це* (cʎVXʎ), *керла* (kurʎ), *хиан-хIа* (Henkʎ), *-ца* (ʎajŋa), *кIур* (ʎurʎ), *эха* (Vkʎ), *цIора* (ʎarE), *и* (ilʎ), *мела* (mi), *хи* (ʎewʎ), *тхо* (tʎgwʎ), *хIун* (g(w)enʎ), *цIий* (ʎʎjŋʎ), *дика* (toqE), *чо* (cʎ), *дог* (tuʎV; tuqʎ), *кур* (gʎrʎ), *хаа* (kʎ).

Предположительно ностратическими выглядят 12 слов: *дукха* (tʎtʎ), *горга* (ʎEgu), *буьйса* (pʎVjNV), *мара* (mãlgi), *стаг* (tʎgʎ), *-хила* (IVʎV; silʎ), *малх* (mʎrʎ), *цIен* (ʎiXʎ), *кIайн* (kʎAP_V), *бIаьрг* (perʎ), *даха* (dʎtʎ), *куьг* (KãlHã).

Итого **31** слова. “Ностратический коэффициент” - **50**.

Очевидно сино-кавказскими слова в базовой лексике выглядят: *цIен** (icE), *ган* (hénšwi), *нека дан* (ŋVxwʎ), *лела* (ĩL_V), *хIара* (kʎwrʎ), *цергаш-йохка* (ʎwérhĩ), *це** (sʎHwʎ), *корта* (kʎrʎʎwʎ), *хаза* (HVʎwʎ), *дог** (txqʎwʎ), *кур** (kʎrʎ), *хаа** (xʎ).

Итого 12 слов.

Предположительно сино-кавказскими выглядят слова: *бутт** (bʎnkwA; qwatã), *мара** (mãmʎ), *марха* (mʎnʎV), *горга** (ʎúqʎwʎ), *тIулг* (twĩhʎ; lěłhʎ), *и** (jʎkʎ), *церг* (çʎqʎ), *дитт* (-Vdʎ), *хьо* (xqãŋʎ), *дерриг* (HʎrʎkwE), *юкъ* (jonHV), *ге* (HVIV), *ког* (GõrGV), *со* (HěrcU), *гола* (Lã). Итого 15.

Итого 27 слов, из них 9 одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций.

Всего в 100-словном **“перевернутом” списке языка маа** отмечаем **27** “очевидно ностратических” слова: *kúmok* (kuz^mʎ), *en-kiriŋó* (kerʎ), *ᵛ1-ᵛ1kũᵛ1* (kuLV), *e-súatE* (sʎdʎ), *en-kEwaríē* (HV(w)ʎ;

girV), a-ĩḡáḡ (ńVńkV), ol-túmuret (tUmV), en-cán (SvḡV), en-kulupúóni (gwVIV), a-duaakí (dEqV; tuḶ[a]), i-njí (ḡVjV), ena (ńaa), elE (ilV), ol-cani (SoñV), ol-cata (sVtVmV), túléleī (telV), ɔ-sáróí / ɔ-sárgE (CvrV), e-múgíe (mVḵV), ol-kína (ḵVḡV), ol-kúíkũ (ḵUjḵV), E-súnyáí (zVNV), e-sipisíprí (ʒwVpV), en-kEjũ (kiwV), ol-kújú (ḵV; ?u), súpat ([s]VPV), em-bélbéleī (palV), é -nkEjũ (ḡV).

“Предположительно ностратических” слов в нем 22: kájā (kawV), e-súréei (cvV), en-kume (?udV), im- (?umV), enk-ái (ḵVjḡV), en-kokúái (q(Uy)igḡU), ol-tḡḡáni (tVgV), in-kúta (küV), sírua (ʒiXV), mḡnyɔrɔrɔ (m[ä]rV), en-késúwEk (sEkV; ʒuwV), a-duaaré (tVrV), a-wúén ([w]umurV), a-erú (c`ebV), a-bík (PVjV), a-pór enkáré / a-ísɔmpirá (be[rH]u), ol-ḡéjér (ḡVIV), kí- (küjnV), ḡái (ḡuhy[a]), en-kúkúó (kVV; kUri[h]u), a-wám (wVngV), ol-táũ (tu?V).

Итого **49** слов, “ностратический коэффициент” **76**.

“Очевидно сино-кавказские” слова в базовой лексике: en-kiriḡó* (xḵhiri), E-nyírt (hññ), en-kwényi (ḵwēmḡ), ol-kína* (HVnV), en-kulale (HíLV), enkóḡũ (köḡmo), a-mḡrrũ (mēV), .

Итого 7 слов.

“Предположительно сино-кавказские” слова: ɔ-léE (VńḶV), ol-óíkúũ* (qwaḶV), en-kEwaríe (xḵweñV), lénkíma (ḶḶhV), a-lo (ḶwḶrV), a-óléé (algǺn), kákua (HóXVr-), en-kúkúó* ([G]wVńGwV), kí- (?əmkV), ɔ-sárgE* (çḡḡV), a-ma (mǺhwV), E-súnyáí* (HVwsVn), ol-kúju* (?i), ol-táũ* ((t)xqV), a-ya (VwV). Итого 15.

Итого 22 слова, из них 8 “одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций”.

Всего в 100-словном “перевернутом” списке языка туркана отмечаем **17** “очевидно ностратических” слов: ekile (ḵVÍwV), lukaalak (kuV), akiring (ḵerV), itungunan (tVgV), akiur (KurV), akikud (ʔ[É]gu), esoket (ʒeGV; sEkV), apuru (pVrV), ńaa (na, naga), ngai (ḡuhy[a]), apoloun (balV), -akiry- (kUriu), esikina (ḵVḡV), akinom (?vnV), akimet (?amV; HumḡV), akeju (kiwV), akierar (ḵUrV).

“Предположительно ностратических” слов в нем 12: ekiro (kikV), meere (ḡera), atamar (sVtVmV), akiper (ḶE[w]ári), nakamonak (ḡV), ngimaagor (?vrV), nakonon (ḶumV), akong (kamV), apupokin (pUjV), etau (tu?V), akiiyen (ḵV), akiper (ḵV).

Итого **29** слов, “ностратический коэффициент” **46**.

“Очевидно сино-кавказские” слова в базовой лексике: ekile* (HVǰV), lukaalak* (láqū), akiring* (xḱh̄iri), akikud* (ʔúqwV), esoket* (V̄çV), esikina* (xVnV), akong* (kõmo), akiar (h̄wiri).

Итого 8 слов.

“Предположительно сино-кавказские” слова: nakamonak* (ŋV), iyong (xqǎŋʔV), Итого 2.

Итого 10 слов, из них 8 “одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций”.

Всего в 100-словном “перевернутом” списке языка зарма отмечаем **15** “очевидно ностратических” слов: handu (ʔudV; kuŋV), ha'a (Hase; ḱVju), abada (p̄VdwV), kaaji (ḶüjnA), di (dEqV), dullu (tUŮV), tigiri (dVgV), ihinka (kuŋV), beeri (p̄VrV), tegasi (tVrgV), boŋ (p̄VjNV), ma (mALV; marV), hilli (gUIE; kälV), wi (wetV), kani (ḱV; Ḷo).

“Предположительно ностратических” слов в нем 19: tondi daru (tVdV), boro (bVIV), baru (bUjIV), akwaare (HV(w)V), beena hari (KurV), ciray (ʒiXV), gaham- kuru (HuḶa), jirbi (mVjrV), wayno (wV(n)CV), akilulumare (VḱV), angajep (gepčwV), nama (ŮVm(ŋ)V), ikeny (xamŋV), ŋwa (nUŮV), deesi (dV[š]tV), ce (čajV), boori (p̄VŮV), bogu (ʔu), kuuku (ḱUjtV).

Итого **34** слова, “ностратический коэффициент” **49**.

“Очевидно сино-кавказские” слова в базовой лексике: ciray* (içE), kaaji* (x̄Hw̄ije), saanu (zV), ifo (ixq(w)É), turi banda (TVΛV), kuusa (HVcǎ), hansi (mHǎnV), hamni (GwVmV), ma* (mV̄nçē), wi* (V̄wV), bay (PV), kani* (hē-nV).

Итого 12 слов.

“Предположительно сино-кавказские” слова: tondi daru* (TVrV), jinde (çVŋdV), akwaare* (xḱweñV), niine (nōmqī), ha'a* (HṼpV), fonnay (p̄V̄mV̄), akilulumare (iĻ_V), ce ga (G_ūrV), kulu ([k]wV̄n[t]V), ikeny (ḱwēm̄tī), mo (kõmo), ce* (čǎçwV), bogu* (hu; gV), hilli* (kVrV), Итого 14.

Итого 26 слов, из них 11 “одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций”.

Всего в 100-словном “перевернутом” списке языка суахили

отмечаем **7** “очевидно ностратических” слов: la (alV), huu (xulV), gome (ʔomsV), -fariki (ʔur(H)V; dāR[h]Vkv), shahamu (ʔamV), tele (dilV), pembe (p̄omHV), .

“Предположительно ностратических” слов в нем 24: mwezi (wačV), kinywa (HVwjV), -pya (bUjIV), usiku (ʒUčV), -sema (sVtVmV), -lala (IVʒV), -pata (p̄VxV), -simama (mEñi), -ogelea (VķV), ile (ńõle), hiki (Kila), moto (mi), sisi (sVnV), nani (nyhy), njano (ŋVIV), majivu (manga), -uma (IVmV), -choma (ma), kucha (ʔudV), -kavu (kUmV), sikio (šoK), majani (mu), mkoно (ŋVnV), kupe (xwV).

Итого 31 слово, “ностратический коэффициент” **38**.

“Очевидно сино-кавказские” слова в базовой лексике: kinywa* (hñni), shingo (čVŋdV), hapana (HVpV), kokwa (ʔikwñ-), kucha (HVcə), dunia (dVŋV), gorong'ondo (GörGV), kichwa (kVržwV).

Итого 8 слов.

“Предположительно сино-кавказские” слова: mu (mǎrλwA), -a duara (dVnV), -ongea (ʔwǎŋV), usingizi (çinλV), jiwe (hĩtwV), -ng'weya (HixqwV), -choma* (ma), -fariki* (Hrémq̄i), mbwa (mǎrqwa), mimi (mHǎnV), -ua (VwV), kupe* (xGwV). Итого 12.

Итого **20** слов, из них 4 “одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций”.

Всего в 100-словном “перевернутом” списке языка нама отмечаем **13** “очевидно ностратических” слов: kxo-b (K̄opV), [q]ao-b (ʔVbV), tu-s (tUmV), [c]annis (Z̄EñV), ne (nVwrV), tari-ʔi (taq̄U), sa-s (sajrV), ba (p̄VtV), [l]goro-s (ʔvrV), [l]nui-b (ŋūjV), [č]ai-b (čajV), [c]u^b (cV), ga(i)xu (GǎHlu).

“Предположительно ностратических” слов в нем 17: [č]gui (g^wVIV), [l]kha^b (K̄arbi), tama (tülV; ʔumV), mu^ (magV), [č]nu^ (muña), ma^ (mEñi), tsa (cwVHV), sao (šüwA), [l]na^ɔ (ńõle), nammi (mVñV), tare-ʔi (tanV), ani- (mVŋV), ari- (wVrV), [c]oa (z^omV), [q]am (ʔa), [č]gao-b (gagtV), [l]goue (K̄o).

Итого 30 слов, “ностратический коэффициент” **43**.

“Очевидно сино-кавказские” слова в базовой лексике: [c]awa (iç(w)E), [q]gu^ (q̄_ūrV), ha* (HvrV), ari-* (Vr(V)čV), [q]ammi (GwVmV), [č]an (čV).

Итого 6 слов.

“Предположительно сино-кавказские” слова: [č]gui* (láqū), [c]ga (ḥálsV), [c]annis* (çǎjǐ), ne* (niHV), sa-s* (šǎri), kai (ʔáqVwV; muḥaV), [c]ao-b (çǎŋʔV), [q]uwu-s (ixq̄wV), ма (āmzǐ), [l]goa-s (Lā). Итого 10.

Итого 16 слов, из них 5 “одновременно сходных со словами и ностратической, и сино-кавказской реконструкций”.

Методика выявления древнейшего родства языков путем сравнения их базовой лексики с ностратической и сино-кавказской реконструкциями

Аннотация

Данная методика основана на использовании достижений современной компаративистики в виде ностратической и сино-кавказской реконструкций и 100-словного списка базовой лексики Сводеша, который здесь преобразован в 100-понятийный. Полученные таким образом 100-понятийные списки реконструкций сравнивались со 100-словными списками реальных языков для выявления фонетического сходства. Такое сходство определялось по принципу актуального наличия очевидного либо вероятного фонетического подобия, возможные фонетические преобразования и регулярные соответствия не учитывались.

Помимо реальных 100-словных списков современных языков для выяснения масштаба случайных совпадений ("уровня шума"), не связанных с семантическим родством, были использованы "перевернутые" (передвинутые на 50 номеров) списки этих же языков.

Было установлено, что число синонимов в 100-словных списках реальных языков не влияет принципиально на результат. Было показано, что близкородственные языки показывают и весьма сходное число совпадений.

Почти все реальные языки показали процент совпадений с ностратической лексикой существенно выше "уровня шума". Это истолковано как доказательство отдаленного родства почти всех языков Земли, соответствующего родству по Y-хромосоме. Подобные языки предложено называть нойскими.

В то же время язык кача (Южный Судан) обнаружил сходство на обычном "уровне шума". Такие предположительно

не-нойские языки предложено называть рефаимскими.

Целый ряд разных языков Земли (в т. ч. сино-кавказские) показал число совпадений с ностратической реконструкцией, существенно большее, чем у обычных нойских языков, но меньшее, чем у собственно ностратических. Такие языки предложено называть бореальными.

Очевидно ностратическими помимо уже признанных ностратических языков показали себя чукотско-камчатские, нивхский, шумерский, пенути, аймара, манде, гур, сенуфо, западно-атлантические, кру, адамава-убанги. Ностратический характер ительменского, алеутского и эскимосских языков не подтвердился.

Очевидно сино-кавказскими помимо уже признанных показали себя баскский, тлинкит, намбиквара. Языки канури, атапаскские, айнский и бурушаски проявили одновременно черты и ностратических, и сино-кавказских. Все прочие обследованные языки миар показали совпадение с сино-кавказской реконструкцией на "уровне шума".

Доказан искусственный характер америндской, нило-сахарской и нигеро-кордофанской (нигер-конго) языковых макросемей.

Были сформулированы гипотезы об отождествлении языковых общностей с историко-археологическими. Распространение нойских языков предложено связать с началом верхнего палеолита. Распространение бореальных языков было связано с распространением позднепалеолитической технологии отщепов и пластин. Археологическим маркером древних сино-кавказских народов предложено считать культ змеи/дракона и связанный с ним спиральный орнамент в круге культур расписной керамики. Показано распространение ностратических племен в Западную Африку через неолитическую Сахару.

Method of ancient linguistic affinity detection by comparing their basic vocabulary with Nostratic and Sino-Caucasian reconstructions

Summary

The method is based on the achievements of modern comparative studies such as Nostratic and Sino-Caucasian reconstructions and Swadesh 100-meaning list transformed here to 100-concept list. The 100-concept lists of reconstructions were compared with 100-meaning lists of real languages to identify the phonetic similarity. The similarity was defined as actual or likely present obvious phonetic similarity. Possible phonetic conversions and regular correspondences were not taken into account. In addition to the actual 100-meaning lists of modern languages to determine the extent of random coincidences ("noise") are not associated with semantic relatedness, there were used "overturned" (moved to 50 rooms) lists for the same languages.

It was found that the number of synonyms in the 100-meaning lists of real languages are not fundamentally affect the outcome. It was shown that closely related languages have very similar number of matches.

Almost all the real languages show number of matches with Nostratic vocabulary that was significantly higher than "noise". This is interpreted as evidence of distant linguistic affinity of almost all the languages of the Earth, corresponding affinities for Y-chromosome. We propose to call such languages as Noah-languages.

However the language Katcha (Southern Sudan) show number of matches on a "noise level". We propose to call such presumably not-Noah-languages as Rephaim-languages.

A number of different languages of the Earth (incl. Sino-

Caucasian) showed the number of matches with the Nostratic reconstruction, that was significantly greater than that of conventional Noah-languages, but less than the actual Nostratic. Such languages are proposed to call Boreal.

Chukchi-Kamchatka, Nivkh, Sumerian, Penutian, Aymara, Mande, Gur, Senufo, West Atlantic, Kru, Adamawa-Ubangi were detected as obviously Nostratic together with already recognized Nostratic languages. Nostratic nature of Itelmen, Aleut and Eskimo languages was not confirmed.

Basque, Tlingit, Nambikwara were proved as obviously Sino-Caucasian in addition to already recognized. Kanuri (Saharan), Athabaskan, Ainu and Burushaski showed similarities both to Nostratic and Sino-Caucasian. All other examined languages showed similarity with Sino-Caucasian reconstruction on the "noise level".

The artificial nature of Amerindian, Nilo-Saharan and Niger-Kordofanian (Niger-Congo) language macrofamily was proved.

The hypothesis of identification of the language communities with certain historical and archaeological communities was formulated. Spread of Noah-language was proposed to associate with the beginning of the Upper Paleolithic. Spread of Boreal languages was associated with the proliferation of Late Paleolithic technologies of flakes and plates. It is proposed to consider as archaeological marker of ancient Sino-Caucasian nations the cult of the snake / dragon and the spiral ornament of cultures painted pottery. The resettlement of Nostratic tribes in West Africa through the Neolithic Sahara is shown.

НАУКОВА МОНОГРАФІЯ

ДОСЛІДЖЕННЯ З НОСТРАТИЧНОЇ ПРОБЛЕМИ:

Південно-Український центр неолітичної революції

Методика виявлення найдавнішої спорідненості мов шляхом порівняння їх базової лексики з ностратичною і сино-кавказької реконструкціями

Автор: Ігор Миколайович Рассоха

Редактор О. Л. Рябченко

Технічний редактор М. З. Аляб'єв

План 2010, поз.

Підп. до друку
03.2010

Формат 60 x 84
1/16

Папір офісний
Обл.-вид. арк. 25

Друк на різнографі.

Замовл. №

Тираж 350 прим.

61002, Харків, ХНАМГ, вул. Революції, 12
Сектор оперативної поліграфії ЦНІТ ХНАМГ
61002, Харків, вул. Революції, 12